

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

VESTNIK.MGGEU.RU

ISSN 2412-8139

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 3 (39) 2019

SCIENTIFIC PEER REVIEWED JOURNAL

HUMAN. SOCIETY. INCLUSION

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал

Издается с 2009 года

**Человек. Общество.
Инклюзия**

**№ 3(39)
2019**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-российского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Коч К.	Мугла, Турция	доктор филологических наук, доцент факультета литературы Университета Мугла Сыткы Кочмана
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»

Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(39) 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук, профессор	В.А. Кадымов
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Психологические науки 19.00.00	доктор психологических наук, профессор	С.Н. Толстикова
	кандидат психологических наук, доцент	Л.Ю. Беленкова
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, профессор	Э.К. Наберушкина
Филологические науки 10.00.00	доктор филологических наук, доцент	Л.Г. Тюрина
	доктор филологических наук, профессор	Б.А. Ланин
	кандидат филологических наук, доцент	В.С. Джабраилова
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
	кандидат философских наук, доцент	Е.А. Воронцов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	доктор юридических наук, профессор	В.А. Никифоров
	доктор юридических наук, профессор	А.Н. Никитин
	кандидат юридических наук, доцент	Г.В. Мартянова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oğlu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Koç K. Muğla, Turkey — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Human. Society. Inclusion

Issue 3(39) 2019

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor	
Puzankova E.N.	Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Pedagogics, Professor	
Scientific Research Areas:		
13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physical and Mathematics Science, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Doctor of Sociology, Professor
	Sudorgin O.A.	Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Puzankova E.N.	Doctor of Pedagogics, Professor
	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
19.00.00 Psychology	Tolstikova S.N.	Doctor of Psychology, Professor
	Belenkova L.Y.	Candidate of Psychology, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Naberushkina E.K.	Doctor of Sociology, Associate Professor
10.00.00 Philology	Tyurina L.G.	Doctor of Philology, Associate Professor
	Lanin B.A.	Doctor of Philology, Professor
	Dzhabrailova V.S.	Candidate of Philology, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
	Vorontsov E.A.	Candidate of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N.	Doctor of Economics, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Nikiforov V.A.	Doctor of Legal Science, Professor
	Nikitin A.N.	Doctor of Legal Science, Professor
	Martyanova G.V.	Candidate of Legal Science, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media
Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Э.К. Наберушкина, Е.А. Карелина

Этика инклюзивного пространства: модель мастер-класса 12

Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева

Трудовая социализация современной российской молодежи 19

Е.Р. Мирзаева

Культура инклюзии как стратегический ориентир системы образования 30

О.А. Судоргин, М.Ю. Карелина, Э.К. Наберушкина

Социологическая методология паллиативной помощи 38

Л.А. Кудринская, Ю.В. Клепинина

Ценностные ориентации студентов вуза в контексте сплоченной корпоративной культуры 45

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

А.А. Антипов

Современная высшая школа России: в паутине софистики (философский анализ) 56

Д.В. Львов

Корпоративные и иерархические контексты общественного восприятия искусственного интеллекта 68

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К. Фурат, И.А. Батанова, Э. Гениш

Исследования ошибок в использовании заимствований из арабского и персидского языков ('galat-i meşhur') в османский период 76

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ф.Д. Байрамов, Е.В. Ушакова

Трудоустройство и занятость инвалидов в правоохранительных органах РФ 82

С.А. Деханов

Вопросы судебной защиты прав предпринимателей (коммерческих организаций) в контексте процессуальных изменений 89

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Р.Ю. Доля

Музыкотерапия в работе с детьми, имеющими психические отклонения 95

Е.Э. Никулина

Проблема личности в информационную эпоху 103

Е.А. Протасова

Развитие рынка труда самозанятых граждан в России 112

ЧТО ЕЩЕ В НАУКЕ?

Л.Л. Федоров

Безоговорочная капитуляция государств-агрессоров как условие
и основа прорыва и становления современного международного права 117

К сведению авторов 120

Contents

SOCIAL SCIENCE

<i>Naberushkina E.K., Karelina E.A.</i> Ethics of inclusive space: master class model	12
<i>Dvornikova E.V, Kosheleva A.V.</i> Labour socialization of modern youth in the conditions of the russian society	19
<i>Mirzaeva E.R.</i> Inclusive culture as a strategic guidelines for education	30
<i>Sudorgin O.A., Karelina M.Y., Naberushkina E.K.</i> Sociological Methodology of Palliative Care	38
<i>Kudrinskaya L.A., Klepinina Y.V.</i> University student value orientations in the context of a cohesive corporate culture	45

PHILOSOPHY

<i>Antipov A.A.</i> Modern higher school in Russia: in the trap of sophistry (philosophical analysis)	56
<i>Lvov D.V.</i> Social perception of artificial intelligence in corporate and hierarchical contexts	68

PHILOLOGY

<i>Furat K., Batanova I.A., Genis E.</i> Studies errors in use borrowings from Arabic and Persian languages on ‘Galat-i Meşhur’ in ottoman period	76
---	----

LEGAL SCIENCE

<i>Bayramov F.D., Ushakova Y.V.</i> On disabled people in law enforcement bodies employment	82
<i>Dekhanov S.A.</i> Judicial protection of the rights of entrepreneurs in the light of the latest procedural innovations	89

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Dolia R.U.</i> Music therapy in working with children with mental disabilities	95
<i>Nikulina E.E.</i> Problem of personality in information age	103
<i>Protasova E.A.</i> Labor market development of self-employed citizens in Russia	112

WHAT ELSO IN SCIENCE?

Fedorov L.L.

Unconditional surrender of the aggressor States as a condition and basis
for the breakthrough and formation of modern international law 117

For the Attention of Authors 120

Э.К. Наберушкина, Е.А. Карелина

ЭТИКА ИНКЛЮЗИВНОГО ПРОСТРАНСТВА: МОДЕЛЬ МАСТЕР-КЛАССА¹

ETHICS OF INCLUSIVE SPACE: MASTER CLASS MODEL

НАБЕРУШКИНА Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и философии МГГЭУ (e-mail: naberuskinaek@gmail.com)

КАРЕЛИНА Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»

NABERUSHKINA Elmira Kamalovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Sociology and Philosophy Department of MGGEU (e-mail: naberuskinaek@gmail.com)

KARELINA Ekaterina Aleksandrovna — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Moscow State Technological University STANKIN

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования инклюзивной культуры, что является необходимым условием для успешности всех институциональных форм работы в логике инклюзии. Современный российский социум еще не преодолел инвалидизирующих стратегий, а идеи нормализации жизни инвалидов остаются дискуссионными. Инклюзия пока не воспринята в должной мере как новый социокультурный код развития общества и увязывается преимущественно с инклюзией в образовании. С целью анализа практик инвалидизации, стигматизации и для понимания того, как возможно конструирование культуры и этики инклюзии, предложена модель мастер-класса «Инвалидизация vs. нормализация», а также схема работы с конкретными кейсами.

Ключевые слова: инвалидизация, нормализация, инклюзивная культура, этика, работа со случаем.

Abstract. The article deals with the formation of an inclusive culture, which is a prerequisite for the success of all institutional strategies for working in an inclusive format. Modern Russian society has not yet overcome disabling strategies, and the ideas of normalizing the lives of people with disabilities remain debatable. Inclusion is not yet properly perceived as a new socio-cultural code for the development of society and is mainly linked to inclusion in education. In order to analyze the practices of disability and stigmatization and to understand how it is possible to design a culture and ethics of inclusion, a model of the master class “Disability vs. normalization” and a scheme for working with specific cases have been proposed.

Key words: disability, normalization, inclusive culture, ethics, work with cases.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности»)

В основе развития инклюзивного образования лежит более глубокая категория, а точнее фундаментальное условие, которое определяет успешность институционального воплощения задач инклюзии. Речь идет об инклюзивной культуре. В научной литературе представлено как минимум два подхода к инклюзии: 1) инклюзия как единая образовательная среда; 2) инклюзия как философская категория, основанная на признании обществом ценности каждого человека. Сегодня развитие европейского дискурса инклюзии строится в русле формирования понимания, что инклюзивное пространство (в том числе образовательное) — это пространство, где категория «социального меньшинства» перестает существовать. Каждый человек вне зависимости от религии, пола, этнической принадлежности и состояния здоровья становится значимым и полноценным участником общественных и институциональных процессов, а члены социума, воспринявшие инклюзивную культуру, взаимодействуют как равноправные партнёры. Полная трактовка инклюзивной культуры предполагает рассмотрение путей включения в социум всех граждан, не вписывающихся в мейнстримный и титульный социальный портрет.

В современном российском дискурсе инклюзия ассоциативно увязывается исключительно с инклюзией в образовании и реже с процессом гуманизации и солидаризации гетерогенного общества в целом. К тому же, российская коннотация инклюзии и инклюзивной культуры на данном этапе пока избирательна и увязана преимущественно с инвалидностью. В контексте инклюзии в системе образования сформирован формат учета образовательных потребностей учащихся в связи с их особенностями, обусловленными ограниченными возможностями здоровья. Контексты инклюзии связанные с этническим, семейным, религиозным социокультурным статусом человека пока учитываются слабо или игнорируются.

Для дальнейшего развития понимания инклюзии в рамках деятельности социальных институтов важен учет как минимум трех основных составляющих:

- 1) инклюзия как изменения; инклюзия подразумевает изменения для обеспечения полноправного участия в жизни социума всех граждан;
- 2) инклюзия как практика и ее хабиитуализация для достижения желаемых изменений;
- 3) инклюзия как перманентная рефлексия эффективности действующих алгоритмов.

Хабиитуализация этических стандартов для формирования культуры инклюзии в пространстве общества и его социальных институтов предполагает рефлексию и понимание принципов социального конструирования неравенства и социальной эксклюзии некоторых категорий граждан. Люди, как правило, лучше знакомы с проявлениями национализма и сексизма и не всегда понимают то, каким образом сами граждане, социальные институты и устоявшиеся повседневные практики коммуникации могут влиять на конструирование социальной депривации, дискриминации и социального исключения некоторых социальных страт. В фокусе нашего внимания — вопросы социального конструирования инвалидности. Под инвалидностью в данной работе понимается не только инвалидность как статус отдельных людей, но и весь спектр проблем, возникающих у людей в связи с ограниченными возможностями здоровья. В данной логической цепочке спектр проблем инвалидности возникает из-за инвалидизации как процесса, который создает или обостряет проблемы нетипичных людей в разных сферах общественной жизни. Для

понимания процессов социального конструирования инвалидности и формирования этических кодов инклюзивной культуры мы предлагаем модель мастер-класса, который может быть реализован на любых площадках с разным составом участников. Проект направлен на детальное рассмотрение того как, кем и какими силами люди с нарушением здоровья стигматизируются и подвергаются социальному исключению вопреки задачам государственной политики по формированию доступности и условий для нормализации жизни членов социума.

Модель мастер-класс «Нормализация vs. Инвалидизация». **Вводная часть**

Концепция *нормализации* жизни инвалидов, разработанная Б. Нирье, В. Вольфенсбергером, дает понимание барьеров системы общества на пути людей с ограниченными возможностями к независимой и полноценной жизни, полноправному гражданству. Теория нормализации жизни инвалидов позволяет дополнить и обосновать рассуждения о том, что человек подвергается социальной эксклюзии, если он ограничен в мобильности и депривирован в жизненно важных сферах — образования, занятости, социокультурной активности, семейной жизни. В. Вольфенсбергер определяет процесс нормализации как «предоставление доступа к образу жизни, мышления и поведенческим навыкам, максимально приближенным к общепринятым нормам» [1, с. 266]. Принцип нормализации должен распространяться не только на людей с интеллектуальными и другими видами ограничений, но и на все социально уязвимые группы населения. Нормализация — это процесс, который постоянно происходит во взаимодействии между индивидуумом и социальной средой. Нормализация жизни людей с нарушением развития представляет собой процесс и цель одновременно.

Б. Нирье, рассматривая принципы и цели нормализации отмечал, что «нормализация не приравнивается к нормальности, а означает принятие нормальным обществом» [2, с. 22].

Средства нормализации включают две стратегии:

- 1) развитие дееспособности людей с нарушениями развития путем абилитации и реабилитации всех видов жизненной компетентности: самообслуживание, коммуникативные, социальные навыки, развитие эмоциональной и когнитивной сферы;
- 2) конструирование общественных институтов и отношений с учетом человеческого многообразия и потребностей людей, отличающихся от общепринятой нормы.

Авторы принципа нормализации никогда не призывали сделать людей с ограничениями «нормальными», подогнать их под нормы и ожидания общества. Они призывали к созданию таких условий, которые позволяют людям даже с тяжелыми формами нарушений жить максимально нормальной жизнью, а общественные стандарты нормы и качества жизни не должны быть двойными.

Инвалидизация представляет собой обратный нормализации процесс, который буквально заставляет людей становиться или чувствовать себя инвалидами, не такими как все, неполноценными. Инвалидизация реализуется через социальные конструкторы, которые делают человека инвалидом. Крайние формы

инвалидизации имеют форму изоляции, стигматизации и наделения характеристиками неполноценности, ущербности, второсортности, а наиболее распространенные сегодня формы инвалидизации (экзотизация) выражены в наделении инвалидов статусом особенности.

Проявление инвалидизации второго типа представлено стратегиями: гипервнимания, героизации, инфантилизации. Далее детально рассматривается каждый из этих типов путем анализа конкретных ситуаций, свойственных повседневности нашего общества. В дискуссионных группах рекомендуется разобрать не менее чем три кейса по каждой проблематике. Ниже приведены примеры случаев, рекомендованных для анализа во время мастер-класса. Для участия в работе важно по возможности привлекать людей с инвалидностью.

Гипервнимание — неуместные поведенческие стратегии и структурные условия, которые выделяют людей с нетипичностью из основной массы граждан в тех случаях и ситуациях когда это не требуется и абсолютно не уместно. Позитивную дискриминацию инвалидов так же можно отнести к этому типу инвалидизации.

Предлагаем разобрать алгоритм данного типа инвалидизации на конкретных примерах и жизненных ситуациях людей с инвалидностью.

Кейс «Кафе»

Мы пришли в кафе в маленьком городе с населением около 100 тыс. человек. Я танцевала на коляске, после танца начали подходить люди, которые говорили: «Молодец что ты активная, что не стесняешься и пришла сюда»; «Я знаю, ты встанешь»; «Я хочу для тебя что-то сделать, но у меня ничего нет, я угощаю мороженым тебя»; «Желаю скорейшего выздоровления»; «Ты такая красивая, знай об этом»; «Можно тебя просто обнять?» (девушка, инвалид 2 группы, использует инвалидное кресло [травма позвоночника], 25 лет).

Каждому участнику после знакомства с ситуацией предлагается высказаться. Затем участники разбиваются на группы и работают по схеме.

1. Кратко сформулируйте проблему кейса. Определите, в каком она поле?
2. Какие гуманистические, этические принципы и нормы не были приняты во внимание? Чувствовала ли девушка на инвалидном кресле себя уютно в этой ситуации повышенного внимания?
3. Сформулируйте рекомендации для превенции подобных ситуаций.
4. Вспомните подобные случаи из своей практики или из жизни своих знакомых.

Героизация — наделение человека с инвалидностью титулами героя, превозмогающего свои ограничения и нарушения даже при выполнении им абсолютно типичных действий в повседневных ситуациях.

Кейс «Средства массовой информации»

«В СМИ наблюдается несколько крайностей. Либо нетипичность, воспринимаемая как ущербность, вызывает страх и жалость или наоборот, гипертрофированное восхищение достигнутыми успехами. Последнее приводит к тому, что об инвалидах, которые ведут активную социальную жизнь — имеют семью, рожают детей, работают, занимаются спортом — нередко пишут как о героических персонах, совершаю-

щих «невозможные» для их состояния действия. Стереотип «инвалида-героя» соседствует в наших СМИ со стереотипом инвалида-жертвы, ущербного калеки-попрошайки». (Из сочинения юноши, использующего инвалидное кресло, 22 года).

После комментариев каждого участника, группы работают над вопросами.

1. Определите, кто и какими средствами конструирует такой образ инвалида? Каковы причины доминирования в общественном дискурсе именно этих образов и стереотипов инвалидности?
2. Как модель жертвы или героя препятствует нормализации жизни инвалидов?
3. Сформулируйте рекомендации СМИ о том, как нужно писать об инвалидах в целях содействия нормализации их жизни.
4. Найдите газетные публикации об инвалидах и проанализируйте их.

Инфантилизация — наделение взрослого человека с инвалидностью качествами ребенка, человека плохо соображающего и не воспринимающего нормальный стиль и ритм общения.

Кейс «Аэропорт»

«История в аэропорту: во Внуково я заказывала помощь для людей с ограниченными возможностями, чтобы помогли подняться по трапу. Обращение со мной было на «вы» именно в Москве. И когда я уже оказалась у себя дома, то сразу же почувствовала, что со мной стали уже обращаться на «ты». И дело в том, что тут меня уже стали воспринимать как ребенка. Это странно было. В принципе, уже не скажешь по лицу, что я ребенок. Но по прилету в маленький город из Москвы я ощутила, что люди грубеют, хватают вещи и обращаются со мной уничтожительно» (девушка, инвалид 2 группы с синдромом мезомелической карликовости, 19 лет).

После комментариев каждого участника, группы работают над вопросами.

1. Определите причины возникшей разницы в моделях общения работников аэропорта.
2. Почему в разных городах на инвалидов могут реагировать по-разному. От чего это зависит?
3. Какие гуманистические, правовые, этические принципы нарушены в этой ситуации?
4. Сформулируйте рекомендации социальным сервисам для превенции подобных ситуаций.

Итоги дискуссии подводятся путем выстраивания стратегий распространения этических принципов взаимодействия с инвалидами в контексте нормализации. Итоги включают содержательные ответы на ряд вопросов.

- Какие барьеры на пути полноценного участия в жизни общества возникают в результате доминирующих в культуре, политике и практике норм социального взаимодействия?
- Какие группы людей чаще всего сталкиваются с социокультурными барьерами?
- Какие ресурсы могут быть мобилизованы для формирования новых этических норм взаимодействия в духе развития культуры инклюзии и культуры человеческого общения?

- Каковы основные агенты (люди, структуры, институты) которые имеют ресурс для конструирования этических принципов взаимодействия в духе нормализации?
- Каковы основные роли тех или иных социальных организаций, структур и институтов, которые формируют стиль и нормы межличностного и институционального взаимодействия для формирования культуры инклюзии?
- Какие можно предложить креативные стратегии, направленные на минимизацию исключаяющих практик, на развитие понимания инвалидности, этики межличностного взаимодействия между инвалидами и не инвалидами, понимание инклюзии и культуры инклюзии.

Каждая группа предлагает свои мини-стратегии (мероприятия, которые могут быть реализованы на местах, в конкретных группах или ситуациях) для формирования культуры инклюзии и конкретных этических навыков общения в гетерогенной среде.

Дальнейшая работа в группах направлена на детальное рассмотрение деловых стратегий и повседневных практик конкретных организаций, учреждений, сервисов в которые вовлечены участники мастер-класса. Для обсуждения в группах предлагается ряд вопросов.

- Насколько этично и доброжелательно ваша организация, вуз, школа и ее сотрудники встречают своих посетителей?
- Ценится ли в вашей организации разнообразие?
- Дружелюбно ли ваша организация настроена по отношению ко всем, включая людей с нарушениями здоровья, иностранцев, пожилых?
- Доступна ли информация о вашей организации, вузе, школе всем, независимо от того, нарушено ли здоровье человека или от того, какой язык для него является родным?
- Указано ли во внутренних документах организации, что учреждение полностью поддерживает человеческое разнообразие и многообразие культур?
- Насколько доступна навигация в вашей организации (школе, вузе), сразу ли можно получить полное представление о структуре, отделах и дислокации специалистов учреждения?
- Избегают ли члены вашей организации (учреждения) употребления националистских, сексистских, инвалидизирующих, оскорбительных для людей с инвалидностью и других граждан дискриминационных слов и стилей общения?

Далее участники мастер-класса приводят примеры, подтверждающие положительные или отрицательные ответы на вопросы. Приведенные ситуации могут стать кейсами для дальнейшей работы по вышеизложенной схеме.

Таким образом, концепция и схема предложенного мастер-класса имеет широкую область для применения в разных аудиториях и организациях при условии наполнения содержания кейсов в зависимости от специфики деятельности учреждения. Стратегия обучения методом групповой работы направлена на формирование организационной культуры учреждений и социальных сервисов в духе развития антидискриминаторного взаимодействия и культуры инклюзии в целом. В инклюзивном образовательном учреждении уместно использовать примеры, связанные с реализацией учебного и воспитательного процесса, в социальных службах и сервисах — кейсы, отражающие актуальные вопросы текущей деятельности и взаимодействия с различными категориями клиентов. Же-

лательно чтобы кейсы отражали гендерную, геронтологическую и этническую ситуацию, а не только аспекты инвалидности. Есть необходимость в большем количестве разнообразных примеров из различных областей межличностного взаимодействия в гетерогенной среде для последующей работы с ними. Для реализации задач мастер-класса полезно установить отношения с научными и образовательными структурами, развивающими философию и методологию инклюзии и на первых этапах применения стратегии мастер-класса приглашать внешних ведущих из числа ученых и экспертов по проблематике инклюзии.

Работа путем анализа кейсов в различных группах может существенно влиять на коммуникативный и профессиональный опыт учащихся, администраторов, и сотрудников, развивая такую организационную культуру, в которой уважают каждого, такую политику и практику каждого конкретного учреждения, в которой поощряется участие каждого, что помогает взять в свои руки контроль над инклюзивным развитием. Существует множество способов того, как рассматривать такую сложную концепцию, как инклюзия. Предложенная в статье схема работы дает возможность разрабатывать данную концепцию более детально и максимально приближенно к ситуациям конкретных мест, учреждений и социокультурных сред.

Список литературы

1. *Wolfensberger W.* The principle of Normalization in Human Services. — Toronto: National Institute on Mental Retardation, York University Campus, 1972. — P. 266.
2. *Nirje B.* The Normalization Principle and Its Human Management Implications // The International Social Role Valorization Journal. — Vol. 1. — № 2. — 1994. — P. 19–23.

**ТРУДОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

**LABOUR SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH
IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY**

ДВОРНИКОВА Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Социальные технологии» Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (e-mail: dvornikova.71@mail.ru)

КОШЕЛЕВА Анна Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Социальные технологии» Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (e-mail: a.kruchinina@mail.ru)

DVORNIKOVA Elena Viktorovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Social Technologies Department of P.G. Demidov Yaroslavl state University (e-mail: dvornikova.71@mail.ru)

KOSHELEVA Anna Vladimirovna — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Social Technologies Department of P.G. Demidov Yaroslavl state University (e-mail: a.kruchinina@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы трудовой социализации современной молодежи в условиях современного российского общества. Кроме того, в ней представлен психологический портрет современной молодежи, подробно описана ценностно-мотивационная сфера личности молодых людей. Авторами обозначены основные тенденции изменения ценностных ориентаций молодежи. Результаты исследования позволили выделить группу факторов, определяющих выбор студентами старших курсов будущей профессии, а также основные каналы трудоустройства молодых специалистов. На основании полученных данных авторами предложены рекомендации по актуализации молодежной политики в городе Ярославль в целях совершенствования трудовой социализации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, трудовая социализация, ценности, ценностные ориентации, рынок труда, профориентация.

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of labor socialization of modern youth in the new Russian society. In addition, it presents a psychological portrait of modern youth, describes in detail the value-motivational sphere of the personality of young people. The authors identify the main trends in the value orientations of modern youth. The results of the study made it possible to single out a group of factors determining the choice of senior students of the future profession, as well as the main employment channels for young specialists. Based on the data obtained, the authors proposed recommendations on updating youth policy in the city of Yaroslavl in improving labor socialization of youth.

Keywords: youth, labor socialization, values, value orientations, labor market, career guidance.

В свете современных тенденций, связанных с социальными, экономическими и технологическими преобразованиями в нашей стране, особо актуальной представляется проблема трудовой социализации молодежи.

В научной литературе особенности трудовой социализации молодого поколения рассматривались многими авторами. Так, Т.И. Самсонова рассматривает трудовую социализацию в профессиональной деятельности как «процесс, в ходе которого формируются профессионально-деловые качества личности и совершенствуются социально-психологические и ценностно-нравственные черты» [22, с. 43].

Процесс трудовой социализации начинается с детства, когда у ребенка формируется понимание того, что все должны работать, складывается отношение к труду и первое представление о будущей профессии. Обучаясь в общеобразовательной школе, учащийся осознает, какие предметы ему более интересны, какие экзамены выбрать для аттестации и в какое высшее или среднее учебное заведение он будет поступать. Однако наиболее активно процесс трудовой социализации происходит в студенческие годы. Именно в этот период проходят практику по специальности и развиваются как будущие специалисты в своей области.

Постепенное усвоение знаний и профессиональных навыков приводит к становлению студента как будущего специалиста, формированию профессионально-значимых качеств личности, с которыми в дальнейшем молодой человек выходит на рынок труда. То, как он проявит себя на этом рынке, является определяющим фактором его трудовой специализации.

Отметим, что современный рынок труда отличается разнообразием, нестабильностью и регулярными изменениями требований, предъявляемых кандидату на вакансию. В связи с этим молодым людям, только что получившим диплом об образовании, достаточно сложно найти работу, которая бы удовлетворяла бы всем их требованиям. Несмотря на большой рынок вакансий, проблема трудоустройства молодежи на сегодняшний день является актуальной, поскольку для многих молодых людей карьера является важной жизненной ценностью. А от трудоустройства молодого поколения, продуктивности их трудового процесса во многом зависит будущее страны.

В связи с вышеизложенным, исследование проблемы трудовой социализации современной молодежи в условиях нового российского общества является актуальной научной и практически значимой задачей.

В современной научной литературе накоплена достаточная совокупность знаний, которая может служить предпосылкой для решения проблемы исследования. Так, трудовая социализация современной молодежи в условиях нового российского общества изучалась П.П. Дерюгиным [6], О.М. Кирилюком [10], Ю.А. Колесниковой [14], А.Г. Красноперовой [16], Р.М. Нутфулиной [19], Т.А. Пакиной [21]. Отличительные особенности студенчества как особой социальной группы были выделены Т.С. Базаровой [1], Е.В. Павловой [20]. Современные тенденции трудоустройства молодого поколения были исследованы В.Л. Бибик [3], Н.Г. Вишневской [4], Т.А. Ивановой [7], Н.В. Кабеевой [9], Ю.И. Колтуновой, Е.С. Мурзаевой [18].

В XXI в. стремительные темпы глобализации требуют от каждого члена общества умения быстро приспосабливаться к условиям изменяющейся среды. При этом молодежь не только не остается в стороне от этих изменений, но выступает запускающим и ускоряющим фактором развития общества и общественной мысли. Данный фактор выступает особенностью молодежи как социальной группы и является определяющим в социально-психологическом портрете современного молодого человека.

Н.Е. Симонович и Е.А. Киселева [12, с. 49–51] выделяют ряд критериев для составления психологического портрета современной молодежи.

Первый критерий отражает отношение молодежи к окружающей действительности. Авторы считают, что для творческой личности окружающий мир не имеет пространственных и временных границ. Мир воссоздается по собственному сценарию личности. Это осуществляется при помощи новых интерактивных средств коммуникации. Современная молодежь отрицает запреты, ограничения и правила поведения.

Отношение молодежи к другим людям — второй критерий. Для многих индивидов связь с людьми носит виртуальный характер и осуществляется посредством Интернета и других мультимедийных технологий. Современная личность исключает близкое и глубокое общение, основанное на взаимной заботе и внимании. По этой причине у большинства молодых людей проявляется и формируется инфантилизм.

Третий критерий — личная самоидентификация. Современная молодежь под воздействием СМК копирует стили поведения популярных людей, проявляя фанатическое поведение, а также у современного молодого поколения прослеживается в самоидентификации рыночная ориентация и таким образом формируется потребительская мотивация.

Четвертый критерий раскрывает отношение молодежи к работе и свободному времени. Согласно данному критерию всех молодых людей можно разделить на два типа. Представители первого типа много работают ради карьеры и обеспечения доступа к наслаждениям и активному потреблению. Второй тип молодежи ценит свободное время, досуг и потребительское поведение. Для них важна хорошая атмосфера в коллективе больше чем карьера и заработная плата. И.А. Киселева и Н.Е. Симонович [13, с. 14] отмечают, что современная личность ориентирована на гедонистическое поведение.

Пятый критерий определяет отношение молодежи к получению образования и к саморазвитию. Для современного человека высокую ценность имеет инструментальное знание, основанное на коммуникациях и современных цифровых технологиях. Личность старается «идти в ногу» с современными способами получения знаний и применять их на практике. Много времени уделяется самообразованию и повышению квалификации на различных курсах и тренингах.

Шестой критерий — это соотношение общественных и личностных ценностей современной молодежи. У современного человека складывается своя система ценностей. Молодежь уважительно относится к чужим ценностям, но не терпима к людям, которые пытаются изменить ее собственные представления о системе ценностей. Активные индивиды за ценности равенства, свободы и независимости. Пассивные индивиды проявляют меньше толерантности по отношению к чужим ценностям.

Последний, седьмой критерий раскрывает особенности мышления и восприятия молодежью окружающей действительности. В современном обществе мышление является свободным и ассоциативным. Внимание современной молодежи привлекают лишь острые и сильные ощущения.

Как мы видим, психологический портрет современной молодежи достаточно сложен и противоречив. С одной стороны, современным молодым людям характерны такие черты личности как инфантилизм, потребительское поведение, низкая эмпатийность. С другой стороны, современная молодежь нацелена на карьеру, получение высшего образования и саморазвитие.

По мнению Н.В. Ионцевой, [8, с. 231] современная молодежь находится в «промежуточном» положении, когда новые технологии входят в жизнь общества. Многие вещи становятся виртуальными (деньги, документооборот и т.д.), тем не менее существуют и их реальные аналоги.

Анализ литературы дает нам возможность определиться с основными характерными чертами современных молодых людей. Среди них — аккумулятивное противоположностей, отсутствие стабильности, сочетание разнонаправленных ценностей, безразличие по отношению к политическим событиям, прагматичность. По мнению М.С. Безбоговой [2, с. 4], часть ценностных ориентаций молодых людей отходят на второй план, уступая первенство более прагматическим, но, отойдя на второй план, они продолжают оказывать влияние на сознание молодых людей.

В.Н. Воронин [5, с. 10–13] для составления целостного образа современной молодежи предложил выделить три основные характеристики. Первые описывают когнитивную сферу личности, вторые — аффективную сферу, третьи — ценностно-мотивационную.

Рассмотрим выделенные характеристики более подробно. Так, для когнитивной сферы современной молодежи характерны высокий уровень развития социальных навыков в рамках виртуальной коммуникации и социальных сетей, однако в реальности они социально дезадаптивны. Молодежь коммуникабельна и контактна, но предпочитает общаться опосредованно, через социальные сети и мобильный телефон. Несмотря на свое желание коммуницировать и быть в социуме, современные молодые люди склонны к индивидуализму, им важно выразить свою точку зрения и обозначить свое место в мире. Чрезмерное времяпрепровождение в виртуальной среде повлияли на перцептивные способности молодежи: она тяжело воспринимает сложную информацию в больших объемах, ей свойственно желание получать информацию посредством не текстовых документов, а изображений, фильмов, аудиофайлов; отмечается неумение целено и структурировано излагать свои мысли, строить сложные умозаключения, выступать на публике.

Аффективная сфера развита достаточно сильно: молодежь эмоционально открыта и контактна, однако в целом акцентирована на самости, что может быть, как результатом неуверенности в себе и в жизни, так и влиянием информационной среды. При взаимодействии с другими молодые люди исходят из достаточно эгоистичных и эгоцентричных позиций, при конфликтах предпочитают стратегию ухода, поскольку испытывают сложности в нахождении компромиссных решений при общении с другими людьми. В целом поколение «миллениум» оптимистичнее старших поколений, они были рождены и живут в период относительно благополучный, однако это поколение также стало свидетелем многочисленных терактов, что сформировало ощущения хрупкости мира и краткости жизни. Молодежь имеет более высокий уровень и темп психического развития, но отличается сниженными адаптивными возможностями по отношению к реальной и социальной жизни.

Ценностно-мотивационная сфера характеризуется поиском нового. Молодежь нацелена на гибкий график и возможность дистанционной работы, чтобы хватало времени для других интересов, саморазвития и самореализации вне работы. При этом действия молодых людей чаще всего направлены не на конкретный результат.

Современная социальная ситуация предъявляет к молодежи определенные требования, заставляет их решать проблемы и учитывать потребности совре-

менного общества. В современных молодых людях как в зеркале отражаются все процессы, которые происходят в стране.

В настоящее время в России постепенно происходит замена коллективистских ценностей, присущих людям советского строя, на индивидуальные. Такая сложная ситуация современного российского социума, изменения в материальной и духовной сфере человека привели к переоценке ценностей среди молодого поколения. Ценностные ориентации современной молодежи становятся размытыми, неопределенными и, зачастую, неустойчивыми. Материальные ценности и жизненные ориентиры на красивую и богатую жизнь превалируют над духовными. Традиционные доминанты жизни уходят на второй план.

В настоящее время существуют как позитивные, так и негативные тенденции изменения ценностных ориентаций современной молодежи, в том числе и в сфере трудовой деятельности. Так, формирование базовых ценностей происходит на основе индивидуалистических установок личности. Но, при этом молодежь становится более самостоятельной — молодые люди сами планируют свою жизнь, сами оценивают свои силы и возможности. У современной молодежи существует явная тенденция к снижению общественной значимости труда и преобладанию мотивов предприимчивости и карьерного роста.

Получая образование, молодежь создает для себя сценарии поведения при поиске вакансии, которые способствуют адаптации под современное состояние рынка. По мнению Р. Мертон, «общество оказывает сильное влияние на формирование поведенческой стратегии личности, при этом она может меняться в зависимости от социального статуса и роли». [17, с. 57]. Молодежь определяет для себя цели, с учетом которых она будет продвигаться на рынке труда. Данные, полученные исследовательским центром портала для молодых специалистов «Career.ru» в июле 2018 г., позволяют нам определить, что именно молодые люди вкладывают в понятие «хорошая работа» [24].

Так, при анализе ответов респондентов на вопрос о том, какие возможности должна предоставлять работа, наиболее важными составляющими оказались следующие ценности: «заниматься любимым делом» (70,3%), «видеть результаты своей работы» (69,4%). Высокая значимость данных характеристик говорит о том, что современные студенты обращают большое внимание на содержательную составляющую будущей работы, и доминирующей установкой для трудовой занятости студентов является ценность труда, его полезность для себя лично и общества в целом.

В числе других характеристик труда, отмеченных респондентами в качестве значимых, оказались следующие ценности: «применение своих способностей в рамках будущей профессии» (61%), «совершенствование навыков по специальности» (57,6%). Эти показатели говорят о желании самосовершенствоваться и повышать свой профессионализм, в первую очередь для того, чтобы применять свои знания на практике. Также высоко респонденты оценили и творческую составляющую занятости: «постоянное самосовершенствование» (46,3%) и желание «работать творчески» (42,8%). Помимо вышеперечисленных требований к будущей профессии, упоминались и прагматические требования к выполняемому труду: «возможность жить спокойной и обеспеченной жизнью» (61,7%) и «высокий заработок» (59%).

Стоит отметить, что среди ценностей, которые оказались необязательными для будущей работы респондентов, нет тех, которые бы набрали особенно высокие показатели. Но на общем фоне выделяются: «заниматься легкой работой»

(21,3%) и «работать непосредственно по полученной специальности» (18,3%). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что студенческая молодежь понимает, что если не прилагать усилий к выполняемой работе, то очень сложно почувствовать какую-либо «отдачу». Также, для довольно большого количества студентов не принципиально, будет ли в дальнейшем связана их трудовая деятельность с получаемым образованием, что свидетельствует о том, что молодые специалисты готовы при необходимости пройти переквалификацию и изменить сферу деятельности.

Для современного молодого поколения также характерны особые социально-психологические установки. Так, В.П. Кошарный и Н.В. Корж раздели молодежь на несколько условных групп [15, с. 128–130].

1 группа — «прагматики». Это молодые люди, которые хотят много работать и при этом получать солидную заработную плату. В результате большинству из них хочется достичь стабильной и спокойной жизни, с практически полным удовлетворением своих материальных потребностей.

2 группа — «консерваторы». Молодые люди, желающие иметь работу в стабильной компании, престижность которой отходит на второй план по сравнению со стабильностью и социальными гарантиями, предоставляемыми компанией молодому специалисту. Эта часть молодежи стремится к долгой работе в одной компании, так как считает, что высокий заработок «сегодня» не всегда является гарантом стабильного будущего.

3 группа — «общественники». Ее составляют молодые люди, для которых первостепенную ценность имеет интересная работа, на которой они могли бы самореализоваться. Для определенной части данной группы содержательная сторона выполняемой работы оказывается на порядок важнее, нежели заработок. Таким людям зачастую очень важно получать удовольствие от выполняемой работы.

Довольно небольшое количество молодых людей можно отнести к 4-ой группе «сибаритов». Представители данной группы выражают желание не работать, не учиться, но при этом иметь все, что хочется. Молодежь, придерживающаяся такой позиции, прилагает минимальные усилия для обеспечения себя материальными благами. В большинстве случаев молодые люди, придерживающиеся такой позиции, в дальнейшем не хотят работать совсем.

И лишь малую долю молодых людей можно отнести к пятой группе — «гедонистам». Молодежь данной группы стремится иметь небольшой заработок, но при этом много свободного времени. У этой группы снижен уровень социальных и материальных запросов, данные студенты не хотят трудиться и не стремятся достичь жизненного успеха с помощью работы.

Несмотря на то что, молодежь на рынке труда является вполне конкурентоспособной аудиторией, проблема трудоустройства студенческой молодежи в настоящее время является актуальной. Молодые люди, получив диплом об образовании, вынуждены искать работу самостоятельно. Однако недостаток опыта, отсутствие четкой формулировки своих целей усложняет эту задачу.

Также стоит сказать о том, что в наше время высшее образование становится очень популярным, и наличие диплома часто является недостаточным, чтобы найти достойную работу. В связи с этим многие молодые люди трудоустраиваются уже ко второму курсу, чтобы иметь к моменту получения диплома еще и опыт работы. Работодатель на сегодняшний день отдает предпочтение тем соискателям на вакансию, которые уже имеют некий багаж практических знаний.

От решения проблемы трудоустройства молодых специалистов во многом зависит будущее нашей страны, так как именно молодежь обладает значительным энергетическим потенциалом, и именно молодые люди способны внести значимый вклад в развитие экономики нашей страны.

С целью выявления и анализа факторов, определяющих выбор студентами старших курсов будущей профессии, а также определения основных каналов трудоустройства молодых специалистов нами было проведено социологическое исследование. Объем выборочной совокупности составил 100 студентов выпускных курсов Ярославского Государственного университета им. П.Г. Демидова, обучающихся на факультетах с гуманитарным направлением (юридический, исторический, факультет социально-политических наук), из них 54 человека — девушки, 46 — юноши. Опросный лист состоял из трех блоков, целью которых является определение трудовых ценностей студентов-выпускников.

Первый блок позволил выявить уровень интереса к избранной специальности и дальнейшем использовании приобретенных знаний в профессиональной деятельности, а также исследовать вопрос о трудовой занятости студентов-выпускников в период обучения в университете (вопросы закрытого типа).

Вопросы второго блока были направлены на выявление требований студентов к будущей работе, и выяснение наиболее привлекательных черт будущего работодателя. Блок состоял из вопросов закрытого типа, одного полужакрытого вопроса и одного открытого вопроса, позволяющего выяснить значение понятия «хорошая работа» для респондентов.

Благодаря ответам на вопросы третьего блока мы выяснили, что повлияло на выбор профессии респондента, узнали методы поиска работы (вопросы полужакрытого и закрытого типа). Таким образом, предложенная респондентам анкета явилась достаточным инструментарием для сбора субъективной и объективной информации необходимой для реализации поставленных задач.

Обработка результатов исследования проводилась в программе Microsoft Excel. Данные, полученные от респондентов, были закодированы и занесены в общий массив данных, что позволило посчитать процентное соотношение по каждому из интересующих нас вопросов.

Для исследования важнейшим фактором явилось то, что больше половины студентов-выпускников этих факультетов, а именно 72% работают не по специальности, и лишь 28% выпускников трудоустроены по полученной специализации.

Оценить уровень интереса к избранной профессии респондентам предлагалось по пятибалльной шкале, где 1 — интерес отсутствует, 2 — низкий, 3 — затрудняюсь ответить, 4 — средний, 5 — высокий. Низкий уровень интереса к избранной профессии отметили для себя 14% респондентов, средний — 44%, высокий — 20%.

На вопрос о готовности работать по выбранной специальности после окончания вуза положительно ответили 15% студентов, 29% выбрали вариант «скорее да, чем нет», 34% выбрали вариант «скорее нет, чем да». Не намерены работать по специальности 12% студентов. Устный опрос последних показал, что их ответ был обусловлен тем, что они уже работают в сфере, не связанной с выбранной профессией и получают образование ради его наличия. Затруднились ответить на вопрос о готовности работать по выбранной специальности после окончания вуза 10% респондентов.

Студентам в рамках исследования предлагалось дать свое определение понятию «хорошая работа». Ответы были следующими: «работа с хорошей зар-

платой», «надежная работа, которая позволит не опасаться за свое будущее», «работа, которая придает особый вес и статус в обществе», «работа, на которую утром будешь идти с радостью», «интересная и высокооплачиваемая работа», «работа, которая дает возможность учиться и развиваться». Полученные ответы еще раз подтверждают, что современные молодые люди предпочитают материальную составляющую, а также преобладанию мотивов предприимчивости и карьерного роста в выборе работы, также идеальная работа должна давать студенту возможность самореализации.

Наиболее важной характеристикой при выборе работы респонденты отметили уровень заработной платы — 93%, на втором месте оказалась возможность карьерного роста — 64%. На третьем с небольшой разницей — престижность и условия труда (56% и 53% соответственно). Наименее популярными оказались социальные льготы (15%). Полученные данные подтверждают экономическую ситуацию нашего время: наиболее важной характеристикой работы является получаемая зарплата, далее — карьерный рост, престижность должности и условия труда.

При анализе ответов на вопрос о размерах заработной платы на начальном этапе карьеры, мы получили следующие данные. Так, большинство респондентов (43%) претендует на средний уровень заработной платы, от 20–30 тыс. рублей, 25% отметили уровень от 10–20 тыс. рублей и 20% хотели бы получать от 30–50 тыс. рублей. Как мы видим, ожидания будущих выпускников несколько завышены, материальная сторона вопроса является, несомненно, важной для молодежи. Однако с первыми попытками «неудачного» и длительного трудоустройства эта планка понижается.

О преобладании индивидуалистической направленности личности современных молодых людей свидетельствуют ответы на вопрос об отношениях в коллективе. Лишь 27% считают благополучные отношения в коллективе важной частью хорошей работы. Большинство респондентов (61%) считают хорошие отношения в коллективе не столь значимой характеристикой. И 12% заявили, что им совершенно не важны отношения в коллективе.

Анализируя ответы на вопрос занятости, мы выяснили, что современные молодые люди предпочитают полную занятость на работе — 55%, 34% респондентов устроила частичная занятость и 11% готовы работать посменно.

Немаловажную характеристику составляет место работы, а именно расстояние до нее. Так, большинство молодых людей (58%) готовы тратить на поездки до работы не более часа, менее получаса хотели бы затрачивать 21%, менее полутора часов готовы тратить 11% и 10% согласны добираться на работу более полутора часов.

Значимым для современной молодежи оказался вопрос о размере компании, где хотели бы работать респонденты. Большинство студентов настроены на то, чтобы работать в крупных российских компаниях (40%). Достаточное количество молодых людей хотели бы уехать за границу (33%), 21% согласились бы работать в небольшой компании и 6% считают, что им безразлично, где работать. Большинство респондентов считают, что отличительной чертой работы в крупной организации является высокая зарплата (45%) и карьерный рост (23%).

Анализ ответов позволил нам сформировать представление об идеальной работе для современной молодежи. В первую очередь она должна удовлетворять требованиям о зарплате, давать возможность карьерного роста и престиж.

Это должна быть крупная российская компания, обеспечивающая полную занятость. Ответы на вопросы, направленные на выяснение мотивации выбора профессии, еще раз подтвердили преобладание материальных потребностей. Так, на первом месте у молодых людей находится стабильный и высокий уровень заработной платы (76%). Самостоятельно приняли решение о выборе будущей профессии 46% респондентов. На выбор молодых людей повлияло мнение членов семьи (45%), мнение друзей (32%), а 34% решили продолжить династию.

Анализируя ответы респондентов на вопрос о поиске работы, мы выяснили, что очень малой популярностью у современной молодежи пользуются биржи труда и поиск работы по объявлениям в газетах (10% и 15% соответственно). Большинство предпочитают воспользоваться помощью друзей и знакомых (44%) и 31% ищут работу через социальные сети и Интернет.

В условиях рыночной экономики возрастают требования к качеству подготовки специалистов, которые, в свою очередь, напрямую зависят от успешного профессионального самоопределения выпускников. Однако профориентационные мероприятия зачастую носят преимущественно эпизодический характер, профконсультационная помощь организована без активизации самих консультируемых. Подтверждением этого служат ответы на вопрос об участии студентов в профориентационных мероприятиях. Так, нами было выявлено, что 24% респондентов посещали такие мероприятия и они помогли им найти работу, 35% молодых людей обращались к профориентационной помощи, но не считают ее значимой и существенной для себя, 6% посетили такие мероприятия и посчитали их неинтересными, и 35% вообще студентов не посещали мероприятия данной направленности.

Проведенное исследование позволило выяснить современные тенденции в трудоустройстве студентов выпускных курсов, разобраться в том, какие черты будущей работы важны для студента. Результаты исследования говорят о том, что довольно большое количество студентов не связывают свою получаемую специальность с будущей работой. Этот показатель ежегодно увеличивается и свидетельствует о неэффективном распределении ресурсов и мест в образовательной системе.

Наше исследование позволило выяснить, что именно важно для современного молодого человека в будущей работе. Наиболее важными респонденты отметили материальную составляющую трудовой деятельности. Затем следует возможность карьерного роста, престижность профессии, условия труда, месторасположение работы, возможность самореализации, отношения в коллективе и социальные льготы. Полученные нами результаты позволили составить рекомендации по актуализации молодежной политики в городе Ярославле в совершенствовании трудовой социализации молодежи.

На территории региона существуют центры занятости населения, оказывающие содействие трудоустройству граждан. При высших учебных заведениях также созданы центры по содействию трудоустройству выпускников. Так, например, в ЯрГУ им. П.Г. Демидова, таким подразделением является центр содействия трудоустройству «Исток». Центр занимается всесторонним содействием трудоустройству студентов и выпускников. Регулярно в университете проходит опрос, в результате которого определяется количество выпускников, не сумевших найти для себя подходящую вакансию. Центр предлагает таким выпускникам работу или стажировку. Центр «Исток» сотрудничает с органами занятости населения по вопросам снижения количества безработных молодых

людей на ранке труда. Данное структурное подразделение регулярно получает информацию от центров занятости населения о количестве выпускников, обратившихся в центры занятости за помощью и состоящих на учете, как безработные. «Исток» стал участником внедрения автоматизированной информационной системы содействия трудоустройству выпускников (АИСТ), которая обеспечивает выпускников образовательных учреждений информацией о свободных вакансиях на ранке на территории всей страны.

Однако результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что на современном этапе целесообразно расширить список направлений работы центра для повышения эффективности его работы. А именно, необходимо организовать индивидуальную работу со студентами и выпускникам по вопросам профориентации, трудоустройства и временной занятости; производить анализ рынка руда и взаимодействия с работодателями; создать базу даны о студентах старших курсов (выпускников по специальностям); обеспечить проведение психологической подготовки по деловому общению при трудоустройстве на работу; организовать проведение компьютерной диагностики и тестирования студентов и выпускников с целью выявления личностных и профессиональных качеств; реорганизовать систему производственных практик во время обучения студентов последующим трудоустройством по месту прохождения практики. Мы считаем, что предложенные нами расширения в направлениях работы центра могут оказать позитивное влияние на трудоустройство студентов и выпускников ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Таким образом, успешное трудоустройство выпускников зависит в первую очередь от продуманной государственной политики в образовании, от создания рычагов, посредством которых происходит грамотное управление учебными заведениями высшего и среднего профессионального образования.

Список литературы

1. *Базарова Т.С.* Динамика социального самочувствия студентов в условиях изменяющегося общества // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. — 2014. — № 4. — С. 6–9.
2. *Безбогова М.С., Ионцева М.В.* Социально-психологический портрет современной молодёжи // Интернет-журнал «Мир науки». — 2016. — Т. 4. — № 6. — С. 1–9.
3. *Бибик В.Л.* К проблеме трудоустройства молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2012. — № 8. — С. 93–95.
4. *Вишневецкая Н.Г.* Молодежь на рынке труда крупного города: проблемы эффективного трудоустройства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. — 2014. — № 15-1. — С. 38–47.
5. *Воронин В.Н.* Социально-психологические механизмы формирования организационной культуры: дис. ... д-р психологических наук: 19.00.05. — М., 2009. — 297 с.
6. *Дерюгин П.П., Колесникова Ю.А.* Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. — 2012. — № 3. — С. 230–234.
7. *Иванова Т.А., Леонидова А.И.* Проблема трудоустройства молодежи // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2012. — № 8. — С. 380–381.

8. *Ионцева М.В., Никитина Н.В.* Теоретический анализ Я-концепции в организации // Вестник университета (государственный университет управления). — 2013. — № 22. — С. 229–232.

9. *Кабеева Н.В.* Проблемы трудоустройства и профессионального самоопределения молодежи // Вестник ЧелГУ. — 2014. — № 24. — С. 65–67.

10. *Кириллюк О.М.* Труд и особенности социализации молодежи в профессиональной деятельности // Общество. Среда. Развитие (Terza Humana). — 2013. — № 4. — С. 119–123.

11. *Киселева И.А., Симонович Н.Е.* Проблемы безопасности и риска с позиции психолога и экономиста — М.: Новая реальность, 2016. — 148 с.

12. *Киселева И.А., Симонович Н.Е.* Проблемы социальной безопасности человека в современном обществе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — № 44. — С. 48–52.

13. *Киселева И.А., Симонович Н.Е.* Роль мотивации в жизни людей // Аграрное образование и наука. — 2016. — № 3. — С. 14–15.

14. *Колесникова Ю.А.* Теоретико-методологический анализ понятия трудовой социализации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2012. — № 150. — С. 120–124.

15. *Кошарный В.П., Корж Н.В.* Трудовые ценности и установки студенческой молодежи // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. — 2012. — № 1. — С. 126–134.

16. *Краснопёрова А.Г., Петьков В.А.* Педагогическая поддержка профессионально-трудовой социализации студентов колледжа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. — 2015. — № 3. — С. 34–39.

17. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ; Хранитель, 2006. — 873 с.

18. *Мурзаева Е.С.* Основные мотивы трудоустройства молодежи // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 10. — С. 311–313.

19. *Нутфулина Р.М.* Основные тенденции развития трудовой социализации студентов на современном этапе // Вестник Башкирск. ун-та. — 2013. — № 3. — С. 128–130.

20. *Павлова В.Е., Шевалдина Е.И.* Студенчество как социальная группа и социально-ценностные ориентации // Инновационная наука. — 2017. — № 4–2. — С. 193–195.

21. *Пакина Т.А.* Трудовая социализация молодежи в современных условиях занятости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2012. — № 2. — С. 39–46.

22. *Самсонова Т.И.* Трудовая социализация молодежи: современные тенденции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2013. — № 10. — С. 41–49.

23. *Симонович Н.Е., Киселева И.А., Симонович Н.Е.* Особенности оценки рисков и роль мотивации в период кризиса. — М.: Новая реальность, 2016. — 136 с.

24. Результаты опроса молодых специалистов о важных аспектах выбора работодателя в начале карьеры. — Текст: электронный // HeadHunter: [сайт]. — URL: <https://hhcdn.ru/file/16625765.pdf> (дата обращения: 22.08.2019).

КУЛЬТУРА ИНКЛЮЗИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

INCLUSIVE CULTURE AS A STRATEGIC GUIDELINES
FOR EDUCATION

МИРЗАЕВА Елена Рудольфовна — заместитель директора по научно-методической работе ГБУДО ДМШ г. Москвы (e-mail: panihella@bk.)

MIRZAEVA Elena Rudolfovna — Deputy Director for Scientific and Methodological Work GBUDO Children's Music School in Moscow (e-mail: panihella@bk.)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению категории инклюзии. Социально-политическая парадигма социальной эксклюзии и вопросы неравенства в образовании рассмотрены как теоретико-методологическая предпосылка и объективные условия, послужившие развитию и широкому распространению идеологии инклюзии. Статья содержит постановку вопроса о необходимости детального и более пристального научного и эмпирического анализа культуры и этики инклюзии. Отмечено, что проблемы реализации инклюзии в конкретных учреждениях связаны с тем, что нет целостного понимания того, что именно предполагает, например, инклюзивное обучение помимо формального обеспечения требований доступности и адаптивности образовательных программ.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, инклюзия, образование, культура инклюзии.

Abstract. The article is devoted to the inclusion category. The socio-political paradigm of social exclusion and the issues of inequality in education are considered as a theoretical and methodological prerequisite and objective conditions that served the development and widespread dissemination of the ideology of inclusion. The article contains a statement of the question of the need for a more detailed and closer scientific and empirical analysis of the culture and ethics of inclusion. It is noted that the problems of the implementation of inclusion in specific institutions are related to the fact that there is no holistic understanding of what exactly involves, for example, inclusive education in addition to formally ensuring accessibility and adaptability of educational programs.

Keywords: social exclusion, inclusion, education, inclusion culture.

Образование как социальный институт продолжает модернизироваться, становятся востребованными новые формы образования — инклюзивное, дистанционное, образование на протяжении всей жизни, появились университеты третьего возраста. Социально-экономические и социально-демографические структуры предъявляют новые требования к формальному и качественному состоянию системы образования. Требуется особое внимание содержанию наполнения активности внутри института современного образования. Авторы, работающие в области социологии образования и социологии инвалидности, констатируют, что при активном развитии инклюзивного обучения сегодня не хватает сформированной культуры инклюзии, то есть социального осознания фундаментальных основ инклюзивного образования и умения его выстраивать,

руководствуясь определенными этическими ориентирами. Потребность в развитии инклюзивного образования актуализирована, в том числе, государственным финансированием программ инклюзивного обучения и доступности образования, однако общая социокультурная атмосфера, ярлыки и общественные стереотипы относительно инвалидности препятствуют эффективной реализации задач инклюзии. Цель данной статьи состоит в постановке вопроса о культуре инклюзии, которая необходима для эффективной реализации практической деятельности, в том числе в области инклюзивного обучения.

Методологической основой тематики, где ставится проблема неравенства и дискриминации, безусловно, является теория стигматизации И. Гоффмана, в русле которой изучались коммуникации людей с определенными отклонениями, характерными чертами (стигмами), из-за которых другие считают этих людей необычными, неприятными или девиантными. По мнению Гоффмана, люди с видимыми недостатками сталкиваются с проблемами социального взаимодействия и адаптации. Имея видимый недостаток (стигму), человек заранее ожидает негативных реакций других членов общества [3, с. 40]. Об особом типе социальных отношений, которые выстраиваются при наличии стигмы нетипичности у ребенка или семьи с ребенком-инвалидом позволяет рассуждать и теория социокультурного анализа «нетипичности».

В настоящее время актуальным направлением развития российского общества является инклюзия (от *inclusion* — включение), однако этические нормы и основы культуры инклюзии слабо артикулированы в современном научном и научно-практическом дискурсе. Концепция инклюзии сложилась в ответ на явление социальной эксклюзии, которое распространялось на социально незащищенные слои населения (к ним причислялись люди с умственными и физическими нарушениями здоровья, пожилые и инвалиды, маргиналы и другие категории граждан) [2, с. 154]. Идея «социальной эксклюзии», изначально описывающая депривацию граждан с ограниченными возможностями, обрела концептуализацию в работах К. Walsh [6, с. 580]. Социальная эксклюзия стала измеряться индикаторами риска и разного рода затруднительными обстоятельствами, которые приходится преодолевать гражданам. Э. Гидденс под социальным исключением понимал «механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока» [12, с. 105]. В широком смысле социальная эксклюзия — это явление или процесс, в результате которого определенные индивиды или группы исключаются (вытесняются) частично или полностью из сферы участия в делах общества, в котором они живут [6, с. 182]. В рамках социологических теорий конфликта эксклюзия интерпретируется как результат общественного конфликта. Карл Маркс считал, что в основе конфликта лежит неравное распределение ресурсов в обществе, которое ведет к неизбежным революционным действиям. Г. Зиммель, полагал, что конфликт может способствовать выведению групп и общностей на качественно и количественно новый уровень. Концепция социальной эксклюзии является многомерным понятием, наиболее полное описание, которого в западной социологии сделал П. Абрахамсон [1].

Не только в научной, но и в социально-политической плоскости происходило распространение парадигмы социальной эксклюзии. Со времен окончания Второй мировой войны одной из функций политики всеобщего благоденствия (*welfare state*) в Европе стала борьба с бедностью, помощь нуждающимся слоям населения. Начиная с 80-х годов, ученые и политики при анализе бедности с опорой на концепцию относительной бедности стали использовать термин

«социальная эксклюзия». Согласно данной модели можно говорить о том, что люди подвергаются социальной эксклюзии, если их материальные и социокультурные ресурсы настолько ограничены, что они не могут вести минимально приемлемы для данного общества образ жизни. Недостаток социального и материального капитала запускает механизмы социального исключения, маргинализации и девиации [1].

Парадигма оценки причин социальных проблем в связи с новой логикой привела социальных политиков и практиков, осуществляющих социальную работу к пониманию того, что люди подвергаются социальной эксклюзии, если длительное время находятся в невыгодном положении в системе образования, занятости и не имеют возможности улучшить свою ситуацию из-за ограниченности материальных и социальных ресурсов. Проявление эксклюзии связано с недоступностью для определенных категорий граждан основных социальных институтов, распределяющих ресурсы.

В рамках политического дискурса Дж. Фридман для борьбы с социальной эксклюзией предлагал уделять повышенное внимание соблюдению гражданских прав, гарантировать всем людям профессиональную помощь при рождении, безопасность жизненного пространства, доступность медицинской помощи и образования, право на участие в политической и экономической жизни, защиту от безработицы, обеспеченную старость. Благодаря общественным и политическим инициативам к началу 1990-х гг. на Западе социальная эксклюзия стала основной концепцией для понимания социальной несправедливости и борьбы с ней. Эксклюзия — это форма дискриминации, обособленность, невозможность самовыражения индивида или группы граждан, эксклюзия подразумевает исключение из общества, ограничение в занятиях определенными видами деятельности, что препятствует человеческому развитию и получению социальных и материальных благ.

Стратегией разрешения общественных противоречий в этой логике становится инклюзия, которая подразумевает развитие общества до такой степени, что социальные институты учитывают интересы депривированных категорий граждан и позволяют им полноценно проявлять себя в обществе. Далее мы будем рассматривать категории инклюзии и эксклюзии на примере включения и исключения людей с инвалидностью в общество.

В отечественных научных работах формулируются установки относительно понимания инклюзии, например: идея равенства, толерантное отношение, равенство возможностей, уважение прав и достоинства каждого человека, отсутствие дискриминации. Сегодня большое внимание уделяется инклюзивному образованию, но инклюзию следует понимать намного шире, поскольку это понятие связано с тем как разные люди могут эффективно объединяться в одну общность и эффективно взаимодействовать.

Отечественные социологи под социальной инклюзией предлагают понимать «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу» [10]. Инклюзия это процесс, включающий определенные усилия для достижения равных возможностей для всех, независимо от пола, возраста, социального статуса, образования, этнической принадлежности [2, с. 153]. Цель инклюзии заключается в обеспечении полноценного и активного участия людей во всех сферах жизни, включая гражданскую, социальную, экономическую и политическую активность.

Проблему реализации инклюзивного образования можно рассматривать не только в логике модели социальной эксклюзии, но и через призму социального неравенства в образовании (Л.Д. Константиновский, В.Н. Шубкин). Традиционный подход в образовании имел целью дать учащимся как можно больше знаний, в современных условиях уже нельзя определить уровень компетентности и образованности через объем знаний. Ж.Т. Тощенко в своем докладе «Современные проблемы российского высшего образования» отметил, что негативно отражаются на образовании бюрократизация и ужесточение контроля, ликвидация творчества и научно-педагогического поиска (не стало авторского преподавания), неясность в оплате труда, резкое повышение трудовой нагрузки преподавателей, временность трудовых договоров, их правовая незащищенность, подчинение коммерческим началам в обучении студентов, нестабильность университетской жизни. Современная концепция высшего образования «Университет 3.0» тоже подвергается критике и считается губительной для провинциальных вузов.

Рассмотрим основные тенденции и векторы развития отечественной системы образования. Сегодня в России можно выделить 3 тренда: рост популярности онлайн-образования; востребованность высшего и непрерывного образования; развитие инклюзивного образования [8, с. 57]. В 2016 г. был утвержден приоритетный проект в сфере образования: «Современная цифровая образовательная среда в РФ», который предполагает, что к 2025 г. 11 млн студентов пройдут курсы от ведущих вузов России в формате онлайн-обучения на национальной платформе «Открытое образование» (openedu.ru). Все более востребованной и актуальной признается модель «образования в течение жизни», когда индивид выступает активным потребителем различных форм образовательных услуг [5]. Современный специалист для сохранения профессиональной конкурентоспособности должен постоянно развиваться, получая новые знания, поэтому непрерывное образование в условиях общественной модернизации становится стилем жизни и играет важную роль.

Гуманизация общественных систем меняет требования к образованию, оно все больше должно быть доступным, гибким, прикладным. На законодательном уровне поддержаны государственные программы обеспечивающие «включенность» людей с инвалидностью в общество, подписываются нормативно-правовые акты, регулирующие предоставление гарантий и равных возможностей для реализации собственных прав. В Конституции РФ закреплено право каждого индивида на доступность и бесплатность дошкольного, общего и среднего профессионального образования, а также на получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Подписав (в 2008 г.) и ратифицировав (в 2012 г.) Конвенцию ООН о правах инвалидов Россия тем самым примкнула к мейнстримной международной политике государств, обязуясь обеспечить инклюзивное обучение людей с инвалидностью на всех уровнях в целях реализации права людей с инвалидностью на жизнь без дискриминации и на основе равенства возможностей. В соответствии с этим были внесены инициативы и изменения в существующее отечественное законодательство. В Законе «Об образовании» закреплены понятия инклюзивного образования и особых образовательных потребностей, для людей с инвалидностью законодательно закреплены льготы вступительного приема на обучение по действующим образовательным программам. В целом, современное законодательство Российской Федерации

в сфере высшего образования соответствует международным требованиям и стандартам обеспечения равенства возможностей людей с инвалидностью, однако существуют трудности с реализацией законодательных мер на всех уровнях образования в логике непротиворечивости и соблюдения принципов преемственности.

Несмотря на усилия, предпринимаемые для развития инклюзии, на пути реализации инклюзивного обучения существуют барьеры. Социологические исследования отечественных авторов Е.Р. Ярской-Смирновой, Э.К. Наберушкиной [11], А. Заляевой фиксируют спектр трудностей и ограничений. Данные исследования «Сравнительный анализ отношения к людям с ограниченными возможностями в России и Европе» показали отсутствие единодушного положительного отношения к инклюзии. Если в России на вопрос «*Как вы относитесь к интегрированной образовательной среде?*» 7% респондентов ответили, что они категорически «против», то западные респонденты выражали положительное отношение (87%). Почти половину российских респондентов никак бы не затронуло, если бы их дети учились вместе детьми с ОВЗ, а 45% были бы даже рады, но пяти процентам респондентов это не понравилось бы. Среди европейских респондентов не было тех, кто ответил, что «это ему не понравилось бы» [4, с. 117]. Очевидно, что речь идет о формировании особого типа культуры — культуры инклюзии.

Социальная атмосфера, барьеры сознания и стереотипное мышление общества относительно инвалидности не способствуют интериоризации этики принятия человеческого разнообразия, все еще сильны социальные стереотипы, а дискриминирующие стили коммуникации встречаются довольно часто. Российскому обществу предстоит серьезный путь по формированию особой культуры инклюзии, а именно необходимо достичь такого уровня развития общества, который выражается в толерантном, гуманном, терпимом, безопасном отношении людей друг к другу, где разделяются идеи сотрудничества, где ценность каждого является основой общих достижений. Культура инклюзии, инкорпорированная в повседневность, выражается, например, в профессиональных обязанностях сотрудников разных организаций и социальных институтов при каждодневном взаимодействии с разными участниками социальных процессов. Культура и этика инклюзии включают комплекс мер, процедур, программ и правил, создают особую атмосферу, где вариативность человеческих потребностей не мешает, а способствует успеху.

Для того чтобы образование легитимно являлось инклюзивным, необходимо обеспечить развитие трех взаимосвязанных аспектов: создание инклюзивной культуры, развитие инклюзивной политики и внедрение инклюзивной практики. Культура, политика и практика инклюзии обеспечивают не только гуманизацию социальных институтов и социальных систем, но и способствуют формированию нового мышления, развитию социальной солидарности и общих ценностей объединяющих членов социума.

Для лучшего понимания культуры инклюзии исследователи предлагают использовать модель, состоящую из видимых и не видимых составляющих. Именно скрытая часть включает этические правила и нормы вербальной и невербальной коммуникации с людьми, имеющими определенные особенности, что задает общий демократический тон социальным действиям и процессам. Видимые составляющие инклюзивного образовательного учреждения проявляются в доступной и адаптированной среде для различных категорий учащихся.

Невидимая часть инклюзивной культуры — это явление более сложное, так как включает в себя ценности и нормы отношений субъектов образовательного процесса.

Выраженность инклюзивной культуры является ключом к повышению качества образования и оптимизации работы всех участников образовательного процесса. Проявляющиеся порой предубеждения специалистов системы образования при принятии решений приводят к неравенству в отношении людей с инвалидностью даже там, где обеспечен равный доступ к необходимым ресурсам. Одним из основных способов для смягчения предвзятости специалистов системы образования является создание инклюзивных условий в виде оснащенной структуры образовательного процесса ассистивной составляющей. Второй ключевой момент связан с ростом осознания важности учета каждой особенности и точки зрения для достижения коллективного успеха. Хотя сегодня повсеместно употребляется понятие инклюзия, проблемой остается отсутствие понимания того, что именно это означает для конкретной образовательной организации или социального сервиса, и как это может быть внедрено в поле практической деятельности.

В 2016 г. Фрэнсис Барг [13] провел исследование, где были собраны три сотни анонимных историй об опыте инклюзии людей, находившихся в медицинских учреждениях. Информанты рассказали о своем опыте, когда они чувствовали себя либо включенными и желанными, либо исключенными и дискриминируемыми, а также рассуждали об общем климате инклюзивности и уважения в организации. В опросе участвовали различные группы населения (этнические и религиозные меньшинства, люди с разной сексуальной ориентацией, люди с инвалидностью, различные страты женщин и мужчин). В результате были выявлены ключевые факторы, влияющие на инклюзию: дискриминация и замалчивание случаев дискриминации (когда кто-то становится свидетелем дискриминации, но боится принять соответствующие меры); эффективность руководства в организации и развитость системы наставничества; культура уважения и вежливости в меж иерархическом взаимодействии в организации; такая организация окружающего пространства учреждения, которая не вызывает стресс, беспокойство, ощущение безнадежности; фаворитизм и микроагрессия в организации разрушают чувство самооценности участников и тем самым ограничивают их вклад в общее дело организации.

Для формирования культуры инклюзии в образовательной организации могут быть предложены рекомендации системного уровня, связанные с пересмотром организационной политики и организационной культуры. Для распространения ценностей инклюзии имеют значение пропагандистские кампании о вреде дискриминации и недобросовестности в решении профессиональных задач, а также проекты, связанные с поощрением профессиональных сетей для получения новых перспектив и усиления чувства профессиональной общности.

Социологические исследования подобного рода по изучению опыта дискриминации и преодоления эксклюзии могут стать частью миссии по формированию культуры инклюзии, чтобы наметить курс для построения эффективных инклюзивных практик, правил, установок, системы представлений, моделей поведения, усвоенных до такой степени, когда люди не рассуждают об их спорности или очевидности. Именно эта плоскость, связанная с повседневными практиками и коммуникациями в инклюзивной организации, является основой инклюзии. Для решения задач по формированию культуры инклюзии

необходимо приобретение знаний по инклюзивной культуре, формирование ценностей и норм коммуникации, выведенных из опыта доверительных отношений между участниками с инвалидностью и без особенностей развития. Ценности, этикет и нормы общения и взаимодействия имеют характер встречного движения, когда не только обычные люди демонстрируют принятия и уважение людей с инвалидностью, но и инвалиды соблюдают те же правила. Инклюзивная культура должна стать особой философией, когда ценности инклюзии приняты и разделяются всеми членами общества. Уважение личности, гуманное отношение, отзывчивость важны для любого человека. Если современное общество научится «принимать каждого своего члена таким, какой он есть», преодолевать «в себе чувства раздражения от непохожести других» [7, с. 415], то значительно упростится задача воспитания терпимости к людям с ограниченными возможностями здоровья, чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним.

Итак, существенную роль для преодоления социальной эксклюзии имели процессы борьбы за свои права людей с инвалидностью, происходившие в европейских странах в начале двадцатого столетия, благодаря чему удалось сформировать принципы инклюзии. В российском обществе дискурс инклюзии начал формироваться относительно недавно (с 1995 г.). Сегодня инклюзии уделяется большое внимание в аспекте образования. Но инклюзию следует понимать намного шире, это понятие связано с тем как разные люди могут эффективно объединяться в одну общность и эффективно взаимодействовать.

Формирование культуры и этики инклюзии — это новый запрос современности и законное требование к действующим учреждениям и сервисам. Мы понимаем культуру инклюзии в образовательном учреждении как этический кодекс и нормы не дискриминационного общения и двусторонний процесс уважительной коммуникации между людьми с инвалидностью и без инвалидности. Встречные векторы формирования культуры и этики инклюзии предполагают, что люди с инвалидностью вырабатывают стратегии поведения, не нарушающие общепринятые культурные нормы общения, люди без инвалидности воспринимают людей с инвалидностью в контексте равного гражданства, а социальные институты выстраивают свою деятельность в логике доступности.

Список литературы

1. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 2. — С. 158–166.
2. *Антонова В.К.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. — 2013. — Т. 11. — № 2. — С. 154.
3. *Гоффман И.* Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1: Стигма и социальная идентичность. Ч. 2: Контроль над информацией идентичность. Главы 3–6. — Текст: электронный // *Высшая школа экономики: [сайт]*. — URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 25.11.2019).
4. *Залаяева А.В.* Сравнительный анализ отношения к людям с ограниченными возможностями в России и Европе (пилотажное исследование) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2015. — № 2 (125). — С. 113–120.

5. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М.: ЦСП и М, 2014. — 548 с.

6. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири // Успехи геронтологии. — 2017. — Т. 30. — № 4. — С. 579–586.

7. Нигматов З.Г. Формирование поликультурной личности в условиях инклюзивного образования. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Поликультурное образовательное пространство Поволжья: пути и формы интеграции» (Казань, КФУ, 1 ноября 2013 г.). — Казань: ИПП КФУ, 2013. — С. 414–419.

8. Пузанова Ж.В., Гаспаршвили А.Т., Ларина Т.И. Образовательные тренды современной российской молодежи // Вестник Института социологии. — 2017. — № 22. — С. 53–68.

9. Старовойт Н.В. Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 8. — С. 31–35.

10. Ярская В.Н., Ловцова Н.И. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — Т. 8. — № 2.

11. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Женщины и инвалидность: испытания на прочность // Социологические исследования. — 2009. — № 5. — С. 70–76.

12. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. — Cambridge, 1998. — P. 105.

13. Ensuring equality: Penn develops method to measure and operationalize inclusive culture. — Текст: электронный // American Association for the Advancement of Science: [сайт]. — URL: https://www.eurekaalert.org/pub_releases/2018-08/uops-ee080218.php (дата обращения 1.10.2019).

О.А. Судоргин, М.Ю. Карелина, Э.К. Наберушкина

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ¹

SOCIOLOGICAL METHODOLOGY OF PALLIATIVE CARE

СУДОРГИН Олег Анатольевич — доктор политических наук, доцент кафедры социологии и философии МГГЭУ (e-mail: sudorginoleg@yandex.ru)

КАРЕЛИНА Мария Юрьевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры «Детали машин и теории механизмов» МАДИ

НАБЕРУШКИНА Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и философии МГГЭУ (e-mail: naberuskinaek@gmail.com)

SUDORGIN Oleg Anatolyevich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor of Department of Sociology and Philosophy, MGGEU (e-mail: sudorginoleg@yandex.ru)

KARELINA Maria Yurievna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of Machine Parts and Theory of Mechanisms, MADI

NABERUSHKINA Elmira Kamalovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Sociology and Philosophy Department, MGGEU (e-mail: naberuskinaek@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы концептуализации паллиативной помощи как социального института и необходимости его инкорпорирования в систему национальной политики Российской Федерации. Осуществленный обзор теоретических концепций связанных с тематикой паллиативного ухода, показал, что научные работы рассыпаны по полям медицины, права, философии, социальной работы, геронтологии и социальной политики, но трансдисциплинарной концептуальной модели паллиативной помощи, где детально представлены как фундаментальные концепты, так и частные вопросы институционализации и профессионализации паллиативной помощи еще не создано. В статье поставлены ключевые задачи, решение которых будет способствовать формированию института паллиативной помощи, выполняющего функцию обеспечения лучшего качества жизни терминальных больных и членов их семей.

Ключевые слова: паллиативная помощь, социальный институт, хоспис, качество жизни.

Abstract. The article discusses the conceptualization of palliative care as a social institution and the need to incorporate it into the national policy system of the Russian Federation. A review of theoretical concepts related to the topic of palliative care showed that scientific works are scattered across the fields of medicine, law, philosophy, social work, gerontology and social policy, but a transdisciplinary conceptual model of palliative care, which presents in detail both fundamental concepts and particular issues The institutionalization and professionalization of palliative care has not yet been established. The article poses key tasks, the solution of which will contribute to the formation of the palliative care institution, which

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта «Интеграция института паллиативной помощи в национальную политику РФ» № 19-011-31181.

performs the function of ensuring a better quality of life for terminal patients and their families.

This article was prepared with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the grant «Integration of the Institute of Palliative Care in the National Policy of the Russian Federation» No. 19-011-31181.

Key words: *palliative care, social institution, hospice, quality of life.*

Постановка проблемы. Одним из вызовов, детерминированных демографической динамикой и запросом гражданского общества на гуманизацию социальных институтов для лучшего качества жизни человека на любой стадии его жизни, является отсутствие на сегодняшний день четкой национальной концепции паллиативной помощи. Медицинские науки, социология медицины, теория социальной работы, социальная геронтология, ряд парамедицинских научных направлений содержат постановку проблемы этики, методологии, ценности паллиативной помощи, однако в отечественном научном поле не представлена концептуальная логика и методология паллиативной заботы, нет целостной парадигмы, которая стала бы основой национальной политики паллиативной помощи. Увязывание интересов различных стейкхолдеров через достижение общественного консенсуса дает основание для позиционирования паллиативной помощи как института, работающего на повышение доверия к власти и гуманизацию социума.

Пока не создан научно обоснованный инструмент статистического учета людей, нуждающихся в паллиативной заботе. Всемирная организация здравоохранения фиксирует, что ежегодно во всем мире около 20 млн человек нуждаются в паллиативной медицинской помощи, а по приблизительным данным не меньшее количество людей испытывают потребность в паллиативной помощи в течение последнего года жизни. Таким образом, общее число людей, которым ежегодно требуется паллиативная помощь, составляет около 40 млн. Большинство нуждающихся в паллиативной заботе проживают в странах с низким и средним уровнем доходов, в основном это люди пожилого возраста (старше 60 лет) и около 6% — дети [2].

Теоретические основы исследования проблематики. Неоднозначность деонтологии завершающего этапа жизни человека можно усмотреть в различии сложившихся в социально-философской традиции взглядов на обусловленность человеческого бытия. Тематика паллиативной помощи уходит корнями в философию и философскую танатологию. Экзистенциальная философия Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, К. Ясперса, М. Хайдегера, Ж.-П. Сартра вызвала резонанс в массиве современной социокультурной мысли, оказав огромное влияние на развитие культуры и цивилизации в целом. Сократ, Платон, Августин, а позже Б. Паскаль, С. Кьеркегор сделали отношение человека к смерти предметом особого анализа. У Платона и Аристотеля жизнь человека принадлежит обществу и тематика прекращения жизни «лишних людей» находит одобрение одновременно с осуждением самоубийства. Средневековая социальная философия, представленная Фомой Аквинским, Блаженным Августином утверждает принадлежность человеческой жизни Богу и примат веры над разумом, в том числе в решении проблем смерти и процесса умирания. Третья традиция начала складываться в эпоху Возрождения и получила развитие в эпоху Просвещения, здесь жизнь человека — это выбор самого человека. Философия жизни М. Шеллера и М. Хайдегера с феноменологических пози-

ций объясняет, как жизнь индивида определяет всю структуру его сознания и его деятельность.

К числу наиболее фундаментальных современных социально-философских направлений рассматривающих тематику жизни и смерти можно отнести: культурно исторический, представленный работами Ф. Арьес, [1] В. Рогозина; герменевтический (в работах М. Бахтина, М. Уварова); семиотический (М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида); психоаналитический (З. Фрейд, Ж. Лакан); клинический (С. Грофф [4], Л. Уотсон). Хотя философов и психологов глубоко интересовала тематика жизни и смерти, в зрелом виде проблематика конечного этапа жизни человека является производной правозащитной идеологии, утверждающей этические принципы уважения личности в ситуации умирания и смерти, а также результатом развития методологии и практики социальной работы.

В 1947 г. социальный работник и медицинская сестра Сесилия Сондерс [7] начала проводить систематические исследования в области лечения хронической боли, а в 1967 г. организовала в пригороде Лондона в приюте Св. Христофора первый в мире хоспис современного типа. Методология хосписного движения нашла отражение в ее работах. Понятие «паллиативная помощь» впервые было использовано канадским доктором Бэлфуром Маунтом [3], а этические основы ухода за умирающими больными представлены работами Жанны Гарнье, заложившей основы общего ухода за пациентами, заботы о семье, которую постигла тяжелая утрата. Далее принципы паллиативной помощи разрабатывались Робертом Беккером. Во второй половине XX в. наблюдается существенное увеличение внимания к проблеме умирания и смерти, как со стороны медиков, так и ученых, работающих в гуманитарных науках. Тему контроля над смертью в 1955 г. подробно осветил Дж. Флетчер, который в социально-теологическом дискурсе рассуждал об этом как об основе человеческого достоинства. Несколько лет спустя появились работы правового характера (Г. Уильямс), в которых обсуждались юридические аспекты конечного этапа жизни человека. Социально-антропологическое прочтение смысла смерти отражено в работах Г. Фейфеля, а в культурологическом дискурсе тематику ухода из жизни раскрыл Дж. Митфорд, уделяя особое внимание погребальным обычаям. Психологические аспекты проблемы умирающих больных раскрывались в работах психиатров и медиков, в частности в 1967 г. вышла монография Хинтона «Умирание». В деятельности общественных организаций тематика паллиативной помощи была представлена появившимися фондами по оказанию помощи терминальным больным. Наибольшее влияние на паллиативную медицину оказала работа Элизабет Кюблер-Росс «О смерти и умирании» [5], в которой паллиативная забота представлена как комплексная междисциплинарная проблема. В 1976 г. в рамках формирующегося направления биоэтики Роберт Витч анализирует этическую сторону взаимодействия с терминальными больными, двумя годами позже в рамках медицинской психологии появилась работа Ч. Гарфильда о психосоциальной поддержке умирающего больного.

Формирование современной научной методологии паллиативной помощи связывают во многом с именем Филиппа Арьеса, который в 1977 г., анализируя отношение человека к смерти, отмечал, что последний этап жизни человека характеризуется не только медикализацией жизни, но и медикализацией отношения к смерти. Ф. Арьес с критических позиций оценил тот факт, что умирание и смерть происходят преимущественно в больницах, а также критиковал методы оказания медицинской помощи за их изоляционизм и склонность к эксклюзии

больного в тот момент, когда ему более всего необходимо присутствие родных и близких. Благодаря работам Ф. Арьеса начинается поворот к демедиализации паллиативной заботы. Одновременно с этим в конце двадцатого столетия появился блок работ, посвященных эвтаназии, где сразу обозначились полярные позиции — критикующие и оправдывающие эвтаназию. Некоторое время обсуждение паллиативной помощи и эвтаназии находилось в одной плоскости. Хотя в ряде работ конца двадцатого столетия эвтаназия определялась как милосердное убийство неизлечимых больных, весомые доводы критики основывались на том, что определяющее влияние на развитие идеи эвтаназии оказала соответствующая медицинская практика в нацистской Германии, где эвтаназия осуществлялась, прежде всего, в отношении душевнобольных, дряхлых стариков, детей с неизлечимыми отклонениями. Позиция основоположницы хосписного дела Сесилии Сондерс полностью противостоит идее эвтаназии. Автор в своей работе «Помощь умирающим» называет идею эвтаназии социально опасной и противопоставляет ей современную паллиативную медицину и заботу.

В отечественном научном поле проблематика умирающих больных становится предметом анализа в 80-е гг., но основной массив этой литературы относится к 90-м гг. XX в. Преимущественно эта тема присутствовала в медицинской литературе, посвященной онкологическим больным, вопросам хирургической деонтологии. В медицинских публикациях, касающихся эвтаназии, традиционно обосновывалось резко негативное к ней отношение, однако в ряде публикаций юридического характера (Н.С. Малеин) излагается взгляд на эвтаназию как добровольное решение терминального больного и формулируются юридические требования к такой социальной практике. В 1990 годы появляются и первые социологические исследования, которые фиксируют, что более половины московских врачей никогда не думали на тему эвтаназии или затруднились дать ответы на вопросы об эвтаназии вообще, а около 35% давших ответ, вопреки официально провозглашаемым юридическим и этическим нормам, посчитали, что эвтаназия в некоторых ситуациях допустима. Сегодня согласно данным ВЦИОМ (2019 г.) 81% россиян против добровольной эвтаназии [6].

Необходимо отметить, что в целом в отечественной науке паллиативная тематика слабо развивалась, а медицинская практика имела немного возможностей для эффективного контроля боли. Развитие терапии наркотическими средствами в 50-х годах прошлого века, в сочетании с большим пониманием психологических и духовных потребностей умирающих пациентов, заложили основу для становления служб паллиативного ухода. Принципы паллиативного ухода стали уточняться, а философия хосписного движения стала известна в нашей стране в основном благодаря работам Роберта Дж. Твайкросса и Дэвида Р. Фрамптона, где были подняты проблемы сознательного отношения к онкологическим заболеваниям. Впервые в отечественной литературе появилось, пусть краткое, изложение религиозных и этических вопросов паллиативной помощи.

О современном состоянии научной методологии паллиативной заботы можно сказать, что она более всего, но не в полной мере, разработана в области медицины, в определенной степени представлена в поле методологии социальной работы. Имеются отдельные научные разработки темы в рамках социальной геронтологии, социологии социальных проблем и социологии медицины. Правовой контекст проблемы умирающего больного рассматривают Ю. Сергеев, Г. Стеценко, о путях реформирования системы здравоохранения пишут А.К. Хетагурова, Н.В. Эккерт, В.З. Кучеренко, В.И. Семенов. Паллиативную

помощь инкурабельным больным в системе социальной работы раскрывают Т.Б. Фирсов, Е.И. Холостова, Б.Ю. Шапиро, В.Н. Ярская. Перспективы развития паллиативной помощи в РФ обсуждают Г.А. Новиков, В.И. Чиссов, С.В. Рудой. Организационные механизмы взаимодействия в оказании паллиативной помощи описывает В.Ю. Кулькова; теоретические аспекты помощи паллиативным больным в хосписе — Н.Ф. Дивицына, А.Б. Дубрович, И.Н. Закатова, Г.А. Макеев. Проблемы врачебной тайны и этики исследовались В.И. Чиссовым и С.Л. Дарьяловой. В рамках клинической психологии и понимающей психотерапии Ф.Е. Василюк анализирует тематику паллиативной помощи, а биоэтические вопросы обсуждаются в контексте терминальной стадии жизни человека в работах В. Миллионщиковой, А. Иванюшкина, Е. Михайловой. Как особое междисциплинарное научное поле, представленное работами медиков, философов, геронтологов, социологов продолжает формироваться научное направление — танатология.

Вместе с тем анализ значительного объема работ касающихся проблем паллиативной помощи и вообще тематики последнего этапа жизни человека показал, что тематика паллиативной заботы медиализирована, по-прежнему взаимодействие с терминальным больным отдается на откуп медицине. Практически отсутствуют фундаментальные социологические работы в рамках проблемы паллиативной помощи, а в поле социально-политического дискурса вопросы организации и управления системой паллиативной помощи попадают редко и благодаря колоссальным усилиям общественных организаций.

Заключительные положения. В этой связи сегодня существует острая необходимость институционализации паллиативной помощи, что обусловлено объективно существующими рисками. Во-первых, ситуация людей, страдающих от неизлечимой болезни, усугубляется вытеснением их проблем в частную семейную, реже в благотворительную сферу, отсутствием или недостаточностью помогающих медико-социальных учреждений. Во-вторых, умирающие больные на сегодняшний день маркируются преимущественно как пациенты системы здравоохранения, для которой эта категория пациентов периферийна, поскольку помощь им в основном сведена к одной функции — функции обезболивания и сестринского ухода. Вместе с тем очевидно, что медиализация не только сужает понимание паллиативной помощи, но оставляет за бортом такие ее важные задачи как социальная, психологическая, духовная и юридическая поддержка в целях улучшения и поддержания качества жизни непосредственно больных и членов их семей. В-третьих, попытки наладить партнерские взаимодействия между ведомствами и основными помогающими структурами, способными эффективно решать задачи паллиативной помощи не увенчались успехом. Здесь существует спектр проблем, связанных с политикой складирования и эксклюзии самих людей в терминальной стадии, с контролем со стороны ФСКН, с разногласиями восприятия наркотических анальгетиков (в частности, фиксируются случаи сопротивления их применению со стороны служителей религиозных институтов). Сам человек, нуждающийся в паллиативной помощи, зачастую оказывается объектом манипуляций, инфантилизируется обществом, не воспринимается как активный субъект в процессе принятия решений относительно собственной жизни.

Государство и государственная система вмешательства в решение задачи помощи умирающим больным находится в зачаточном состоянии, хотя поправки к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоро-

вья граждан в РФ» приняты, все же требуется единый документ, определяющий всю систему, ответственность и координирование института паллиативной помощи в целом. Одновременно необходимы научно-методологические и общественные усилия по демедиализации паллиативной помощи и выведению на первый план самого человека, находящегося в конце жизни. Существующая сегодня практика оказания помощи людям в терминальном состоянии не видит самого человека с его индивидуальными потребностями, особенностями его семейной ситуации и порогами чувствительности к обезболивающим препаратам. В приказе Минздрава № 330 прописаны дозы наркотических препаратов, которые должны соблюдаться, но порой эти нормы не позволяют добиться качественного обезболивания. Единственный критерий достаточного обезболивания в зарубежных странах — наступление момента прекращения боли, в отечественной практике — момент, когда доза препарата превысит нормы приказа». И наконец, ставится вопрос о том, что государство должно обеспечивать достойную жизнь всем гражданам, однако социальные учреждения, предназначенные для обеспечения помощи больным, чьи дни сочтены, сегодня оказываются неспособными существовать в системе, созданной без реальной экономической основы.

Юридическая неопределенность системы паллиативной помощи влечет за собой проблемы связанные с профессионализацией паллиативной помощи в России. Сегодня научная специализация по профилю паллиативной помощи существует только в виде курсов повышения квалификации и дополнительного образования, система подготовки кадров в целом не выстроена. В законодательной и в экономической сфере не отрегулирован баланс между медицинской и социальной сторонами работы паллиативных служб.

Социокультурный анализ проблемы показывает, что среди большинства россиян бытует представление о паллиативной помощи как исключительно онкологической медицинской специальности, в общественном сознании сохраняется страх перед детальным обсуждением темы смерти и ухода из жизни. Продолжается мифологизация представлений о паллиативной помощи и заключительном этапе жизни человека. Логика паллиативной помощи в социокультурном поле исключительно увязана с процедурой облегчения процесса умирания, в то время как цивилизованный подход требует концептуализации паллиативной помощи в логике нормализации жизни неизлечимо больного человека и членов его семьи.

Следовательно, развитие дискурса паллиативного ухода в трансдисциплинарной логике политических и социальных наук — это необходимый подход, прикладные аспекты которого направлены на восстановление экономического роста и укрепление социальной сплоченности, это инвестиции в доверительное управление в контексте реформ государственного сектора. Сегодня необходимо ставить задачу обоснования паллиативной помощи как социального института для дальнейшей интеграции в национальную политику РФ. В междисциплинарном контексте необходимы доказательные научные подходы и методики, позволяющие оценивать меры и качество оказания паллиативной помощи. Отсутствие политического признания и сложившейся государственной политики в области развития института паллиативной заботы, отсутствие устойчивых партнерских межведомственных взаимодействий, пробелы профессиональной подготовки специалистов паллиативной помощи и отрицательные социокультурные стереотипы как барьеры на пути институционализации паллиативной по-

мощи — далеко не полный спектр проблем, требующих продуманного решения. Всемирная организация здравоохранения определяет паллиативный уход как активный полный уход за пациентами, болезнь которых толерантна к проводимому лечению. Приоритетными являются: контроль боли, других симптомов, психологических, социальных и духовных проблем. Целью паллиативного ухода является достижение лучшего качества жизни для пациентов и членов их семей. В этой связи создание института паллиативной помощи требует разработки принципов принятия политических, законодательных и других мер для развития стратегии паллиативного ухода в логике прав человека, человеческого достоинства, справедливости, равного отношения к пациентам разного пола, национальности, социально-экономического статуса. Планомерное развитие института паллиативной помощи, основано на алгоритмах общественно-государственного партнерства, где в центре находится индивид, нуждающийся в паллиативной заботе. Теоретическим базисом для дальнейшего транспорирования института паллиативной помощи в поле национальной политики, безусловно, является принятие основного принципа декларирующего две основные функции этого института — фасилитации и нормализации жизни индивида на терминальной стадии. Институционализация паллиативной помощи возможна в совокупности и одновременно с развитием новой отрасли отечественной социальной науки, находящейся на пересечении проблемных полей социальной политики, теорий биоэтики, социологии управления, социальной работы, вбирающей в себя вопросы нормализации завершающего этапа жизни индивида, гуманизации общества и социальной ответственности государства.

Список литературы

1. *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти // пер. с франц. — М.: Прогресс-Академия, 1992. — 527 с.
2. Атлас мира по паллиативной помощи в конце жизни / под ред. Стивен Р. Коннор. — World Health Organization, 2014.
3. Введение в паллиативную помощь / пер. с англ. О. Цейтлиной, Е. Бакуниной; под ред. Д.В. Невзоровой. — М.: Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2016. — 276 с.
4. *Гроф С., Галифакс Дж.* Человек перед лицом смерти // пер. с англ. — М.: РАН ИНИОН, 1995.
5. *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании // пер. с англ. — Киев: София, 2001. — 320 с.
6. Опрос: половина россиян считает допустимой эвтаназию для тяжелобольных людей. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6099205> (дата обращения: 11.10.2019)
7. *Сондерс С.* Помощь умирающим // Здоровье мира. — 1982. — № 11. — С. 16.

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА
В КОНТЕКСТЕ СПЛОЧЕННОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**UNIVERSITY STUDENT VALUE ORIENTATIONS
IN THE CONTEXT OF A COHESIVE CORPORATE CULTURE**

КУДРИНСКАЯ Людмила Александровна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации», руководитель Центра социологических исследований Управления стратегического развития Омского государственного технического университета (e-mail: kudr_omsk@bk.ru)

КЛЕПИНИНА Юлия Владимировна — аспирант и ассистент кафедры «История, философия и социальные коммуникации», социолог Центра социологических исследований Управления стратегического развития Омского государственного технического университета (e-mail: klepinina15@bk.ru)

KUDRINSKAYA Lyudmila Aleksandrovna — Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Head of the Sociological Research Center of Omsk State Technical University Strategic Development Department (e-mail: kudr_omsk@bk.ru)

KLEPININA Yulia Vladimirovna — Postgraduate and Assistant of the History, Philosophy and Social Communications Department, Sociologist of the Sociological Research Centre of Omsk State Technical University Strategic Development Department (e-mail: klepinina15@bk.ru)

Аннотация. В настоящее время одной из мировых тенденций является инвалидизация населения. В связи с этим в условиях изменений, происходящих в сфере экономики, в области информационно-коммуникационных технологий и обществе в целом, одной из основных задач мирового сообщества становится обеспечение достойной работой людей с инвалидностью. На фоне указанных тенденций анализируются ценностные ориентации студентов российского регионального опорного вуза на работу в организации с современной сплоченной корпоративной культурой. Эмпирической базой исследования послужили данные компьютеризированного анкетного опроса студентов — будущих работодателей и сотрудников корпораций (N=2970). Отметим, что студенты продемонстрировали высокий уровень информированности о профессиональных достижениях сотрудников с инвалидностью в нашей стране и за рубежом. Большинство респондентов проявили положительный настрой на общение в рамках будущего трудового коллектива с сотрудниками, имеющими инвалидность, и будут способствовать их включению в трудовой коллектив. Однако у некоторой части студентов сохраняется нейтрально-отстраненное и даже негативное отношение к будущим коллегам с инвалидностью.

Ключевые слова. Корпоративная культура, сплоченность, студенты, люди с инвалидностью, трудовой коллектив, ценностные ориентации.

Abstract. At present, one of the global trends is the disability of the population. In this regard, in the context of changes in economy, information and communication technologies and society as a whole, one of the main tasks of the world community is to ensure decent work for people with disabilities. On the background of these

trends, the value orientations of students of Russian regional flagship university to work in an organization with a modern cohesive corporate culture are analyzed. The empirical base of the study is the data of a computerized questionnaire survey of students – future employers and employees (N=2970). It should be noted that student demonstrated a high level of awareness about the professional achievements of employees with disabilities in our country and abroad. Most respondents showed a positive attitude to the future workforce to communicate with employees with disabilities, and will contribute to their inclusion in the workforce. However, some students maintain a neutral-detached attitude to future colleagues with disabilities and even a negative one.

Keywords. *Corporate culture, cohesion, students, people with disabilities, work collective, value orientations.*

Постановка проблемы. В соответствии с концепцией человеческого развития, разработанной Программой развития ООН, сформированы индексы и индикаторы, позволяющие выявить долговременные тенденции и проблемы мирового развития. В настоящее время мировое сообщество заинтересовано в решении проблемы создания рабочих мест, в том числе для людей с инвалидностью, поскольку одной из мировых тенденций является инвалидизация населения. В частности поэтому «основной акцент в концепции сделан не только на экономическом росте, но и на расширении свобод и возможностей людей, независимо от их особенностей» [6]. В данном контексте ключевую роль в изучении проблемы играет «индекс развития человеческого потенциала», который в 2013 г. был переименован в «индекс человеческого развития» (далее — ИЧР).

ИЧР — составной показатель, который фокусируется на трех основных измерениях [6]:

- показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В рамках данного показателя особое внимание уделено качеству здоровья, которое оценивается при сравнении индикаторов: ожидаемая общая продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность здоровой жизни [6], что приобретает особую актуальность в условиях инвалидизации населения;
- средняя продолжительность обучения и ожидаемая продолжительность обучения. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, среди групп населения с более низким уровнем образования входящих в нее стран показатель уровня инвалидности выше [9];
- показатель валового национального дохода на душу населения. Согласно информации, представленной ООН, 20% наиболее бедных слоев населения Земли имеют инвалидность [9].

В рамках доклада «Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018» был представлен рейтинг среди 189 стран по различным показателям. Российская Федерация входит в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития, занимая среди них 49 место. Значение ИЧР в 2017 г. для нашей страны составило 0,816. Если говорить об ожидаемой продолжительности здоровой жизни, то данный показатель для России в 2016 г. имел значение 63,5 лет. В указанном докладе среди глобальных задач в области устойчивого развития отмечается обеспечение к 2030 г. полной и производительной занятости и достойной работы для людей с инвалидностью [6].

Современные компании в рамках реализации стратегии развития начинают уделять особое внимание формированию корпоративной социальной сплоченности. Вопросы построения такой корпоративной культуры, которая способствовала бы достижению профессиональных успехов всеми категориями работников, становятся одним из актуальных направлений исследований. По мнению Ж.Т. Тощенко и Г.А. Цветковой, под корпоративной культурой понимается совокупность разделяемых всеми участниками трудового процесса ценностей, норм и традиций, которые формируют у работников чувство сопричастности к организации и ее ценностям [5, с. 309].

Современная организационная среда предполагает отрицание дискриминации и изоляции сотрудников по каким-либо признакам. Отметим, что среди российских работодателей и сотрудников происходит постепенное переосмысление роли человека с инвалидностью в рамках функционирования организации. Руководители компаний начинают убеждаться в профессиональной компетентности таких сотрудников и отмечают, что эффективность их работы ничуть не уступает эффективности здоровых коллег. Данное положение подтверждается результатами онлайн-опроса службы исследований HeadHunter, проведенного в 2016 г. среди 130 представителей российских компаний. Так, 72% работодателей оценили эффективность работы сотрудников с инвалидностью на уровне других сотрудников. Важно, что по мнению 41% опрошенных инвалидность сотрудника положительно влияет на взаимодействие в коллективе: 33% считают, что сотрудники развивают свои человеческие качества (например, толерантность), которые важны для бизнеса, а 8% — что взаимопомощь сближает сотрудников [8]. Интересными являются и результаты онлайн-опроса службы исследований HeadHunter в апреле 2017 г. среди 235 соискателей на своем сайте: 44% респондентов указали, что имеют опыт работы с сотрудниками с инвалидностью, а 11% — сами имеют инвалидность. Респондентам задавался вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, если бы в Вашем коллективе появились сотрудники с инвалидностью?»: 46% опрошенных отнеслись бы к этому нейтрально, 43% — положительно и лишь 7% — отрицательно, 4% затруднились ответить. Исследователи отмечают, что 67% опрошенных, имеющих опыт работы в одном коллективе с сотрудником с инвалидностью, не испытывали трудностей в работе с такими коллегами (для сравнения: из тех, кто не работал с таким сотрудником, данный вариант ответа выбрали 44%). Респонденты, не имеющие указанного опыта работы, среди основных барьеров отметили отсутствие практики коммуникации с такими сотрудниками — 30% (среди имеющих опыт работы — 13%), жалость — 20% (соответственно — 7%), сомнения в компетентности сотрудника с инвалидностью — 11% (соответственно — 10%) [7]. Таким образом, у сотрудников, которые не имеют опыта работы и практики коммуникации с коллегами с инвалидностью, в большей степени наблюдаются негативные установки в данном аспекте, что приводит к пониманию необходимости проведения соответствующих мероприятий, направленных на совершенствование организационных коммуникаций. Половина респондентов указали, что в их компании не проводятся беседы с коллективом на тему правильного налаживания коммуникации с сотрудниками, имеющими инвалидность, но такие беседы нужны (51%) [7].

Умение налаживать коммуникацию с людьми с инвалидностью начинает формироваться еще на ступени получения образования в средней общеобразовательной школе. Как отмечают Л.А. Кудринская и Е.В. Шенгалыц, важным

направлением в системе образования является работа по организации повседневных практик взаимодействия здоровых учащихся и учащихся с инвалидностью в общеобразовательной школе, что позволит сформировать у современных школьников многоаспектную картину мира и представление о жизни общества с учетом позиций людей с разными особенностями [1, с. 38].

Современная студенческая молодежь является особой группой в структуре социальной системы, остро реагирующей на трансформации, происходящие в российском обществе и профессиональной среде. На наш взгляд, основные ценности сплоченной корпоративной культуры, которые направлены на создание внутриорганизационного сотрудничества и равных возможностей для профессиональной самореализации, также должны закладываться у студентов (как будущих работодателей и сотрудников корпораций) в рамках высшей школы. Данные ценности являются неотъемлемой частью Soft Skills, то есть личных качеств и социально-психологических навыков сотрудников, которые очень важны в профессиональной деятельности: навыков командной работы, коммуникативных навыков, в том числе нетворкинга.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования. Достижение корпоративной социальной сплоченности предполагает создание условий для устранения дискриминации и стигматизации людей с инвалидностью, а также предоставление им возможностей становиться участниками широкого круга социальных связей. Подвергаясь социальной изоляции, как отмечает, В.Д. Роик, люди испытывают всю гамму социальной уязвимости, которая сопровождается крайне сложным социально-психологическим состоянием утраты сопричастности к «общему делу» и принадлежности к малой трудовой и социальной общине [2, с. 105]. Данное положение позволяет говорить об особой значимости малой группы (трудового коллектива) в процессе закрепления на рабочем месте сотрудника с инвалидностью. Современной стратегической задачей российских хозяйствующих субъектов становится тезис, озвученный на Форуме труда в 2018 г. в Санкт-Петербурге: «Сегодня необходима полноценная работа с сотрудниками компаний, чтобы они воспринимали людей с инвалидностью на работе как равных себе» [10].

Ж.Т. Тощенко и Н.Н. Могутнова выделяют ценности, на которых основывается корпоративная культура. Особенно актуальными для коллективов, где работают люди с инвалидностью, становятся: доверие к руководству, умение работать в команде и вера во взаимопомощь, возможность самореализации, уверенность в завтрашнем дне, защищенность интересов и прав работника, вера в свои силы, хороший коллектив [4, с. 135]. От готовности работодателя трудоустроить в свою организацию человека с инвалидностью, от отношения к такому сотруднику руководителя зависят возможности его самореализации. Успешное включение сотрудника с инвалидностью и усвоение им ценностей данного предприятия во многом зависит от установок здоровых сотрудников, от их отношения к коллеге, желания налаживать коммуникацию с таким новичком. Такая функция корпоративной культуры как создание и поддержание у сотрудников чувства причастности к общему делу способствует формированию морально-этических ценностей и установок, которые усиливают реализацию потенциала интеллектуальной и духовной энергии сотрудников, создают синергетический эффект [4, с. 133–134].

Таким образом, корпоративная культура является своеобразным механизмом, который обеспечивает увеличение эффективности работы организации,

оказывает влияние на мотивацию сотрудников, характер взаимоотношений, способы выполнения профессиональных задач и возможности их профессиональной самореализации. Если говорить о сплоченной корпоративной культуре, то мы понимаем ее как культуру организации, объединяющую работников и формирующую у них чувство сопричастности к общему делу, способствующую интериоризации организационных ценностей, достижению профессиональных успехов всеми категориями работников, направленную на успешное включение всех сотрудников в трудовой коллектив, предполагающую появление синергетического эффекта.

На вышеуказанных теоретических положениях было основано исследование, цель которого — изучение ценностных ориентаций студентов опорного регионального вуза (как будущих работодателей и сотрудников) на работу в организации с современной сплоченной корпоративной культурой, основанной на отсутствии дискриминации и стигматизации людей с инвалидностью. Отметим, что ценностные ориентации, по мнению Г.Н. Соколовой и В.А. Ядова, представляют собой предпочтение или отвержение определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и готовность или неготовность социальных субъектов вести себя в соответствии с ними [3, с. 393].

Нами были изучены следующие аспекты-индикаторы, которые позволяют охарактеризовать ценностные ориентации студентов: восприятие студентами понятия «инвалидность», информированность о достижениях людей с инвалидностью в различных профессиональных сферах и на различных уровнях социума, установка на построение внутриорганизационного сотрудничества в рамках будущего трудового коллектива, в котором работают люди с инвалидностью. Эмпирической базой послужили данные анкетирования студентов опорного университета Омского региона — самого крупного вуза региона. Компьютеризированный опрос проводился в учебных группах студентов-очников 1–5 курсов обучения (N = 2970) в 2016 г. методом основного массива.

Были опрошены студенты различных факультетов, большая часть респондентов — представители технических направлений подготовки:

- факультет транспорта, нефти и газа (далее — ФТНГ) — 18,6%,
- энергетический институт (ЭНИ) — 12,4%,
- машиностроительный институт (МСИ) — 12,3%,
- радиотехнический факультет (РТФ) — 11,1%,
- нефтехимический институт (НХИ) — 11,0%,
- факультет информационных технологий и компьютерных систем (ФИТиКС) — 7,2%,
- факультет гуманитарного образования (ФГО) — 19,5%,
- факультет экономики и управления (далее ФЭУ) — 7,9%.

Большинство респондентов представлено юношами — 60,8%, количество девушек составило 39,2%. Основная часть респондентов поступили в учебное заведение сразу после окончания школы — 89,5%.

Сплоченная корпоративная культура: ценностные ориентации студентов вуза. Говоря о ценностях корпоративной культуры, сформированных у студентов вуза, важно понять, каким образом респонденты воспринимают понятие «инвалидность» в контексте возможностей профессиональной самореализации таких сотрудников. Оказалось, что подавляющее большинство студентов, независимо от профиля обучения, считают инвалидность преодолимым препятствием, если человек стремится к профессиональным достижениям (75,7%,

см. табл. 1). Выявлено, что студенты в первую очередь обращают внимание на профессиональные качества сотрудника, а не на его физиологические особенности. По мнению студенческой молодежи, целеустремленность и активная позиция человека с инвалидностью позволяет компенсировать ограничения, с которыми он сталкивается в профессиональной работе. Данную ценностную ориентацию можно обозначить как вера в профессиональные достижения сотрудников, имеющих инвалидность.

Таблица 1

С каким из высказываний по поводу трудовой занятости людей с инвалидностью вы согласны? (%)

Факультет	С каким из высказываний по поводу трудовой занятости людей с инвалидностью вы согласны?				
	Инвалидность — препятствие, которое можно преодолеть, если стремишься к профессиональным достижениям	Инвалидность не позволит человеку добиться успеха в профессии, как бы он ни старался	Люди с инвалидностью вообще не должны работать	Затрудняюсь ответить	Итого
ФТНГ	75,7	3,0	1,6	19,7	100
ЭНИ	76,1	3,0	1,9	19,0	100
МСИ	70,8	2,4	3,3	23,5	100
РТФ	77,6	0,3	1,3	20,8	100
НХИ	78,0	2,5	1,8	17,7	100
ФИТиКС	71,0	3,7	0,5	24,8	100
ФГО	76,8	3,0	2,6	17,6	100
ФЭУ	78,2	2,6	0,9	18,3	100
Итого	75,7	2,5	1,9	19,9	100

Незначительная часть студентов продемонстрировала негативные установки по отношению к людям с инвалидностью. По мнению 1,9% респондентов они вообще не должны работать, а 2,5% считают, что инвалидность не позволит человеку добиться успеха в профессии. При этом стоит отметить высокий уровень затруднившихся с ответом на данный вопрос — 19,9%. Полученные данные позволяют говорить о необходимости проведения информационно-разъяснительной работы со студентами по вопросам о трудовых возможностях людей с инвалидностью в условиях информационного общества и необходимости их поддержки.

Респондентам задавался вопрос: «Известны ли вам какие-либо примеры, когда люди с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, невзирая на физиологические ограничения?» (табл. 2). Статистически значимых различий в разрезе факультетов также не выявлено. Большинство студентов знают об известных спортсменах с инвалидностью — 69,5%, а также о представителях творческих профессий — 35,7%.

Среди наименее известных примеров респонденты всех направлений подготовки отметили политических и государственных деятелей (6,3%). Также

Известны ли вам какие-либо примеры, когда люди с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, невзирая на физиологические ограничения? (% , возможно несколько вариантов ответа)

Факультет	Известны ли вам какие-либо примеры, когда люди с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, невзирая на физиологические ограничения?							
	Рабочие, техники, инженеры, работники информационной сферы и т.п.	Спортивные паралимпийцы, тренеры и т.п.	Политические и государственные деятели	Представители образования и науки	Представители творческих профессий	Военные	Мне не известны такие примеры	Итого:
ФТНГ	21,1	71,1	7,4	32,7	35,2	14,5	13,8	195,8
ЭНИ	19,0	68,8	5,7	28,0	36,7	12,2	18,0	188,4
МСИ	24,0	64,8	4,1	23,5	31,7	11,5	19,1	178,7
РТФ	24,2	71,3	7,3	36,6	34,7	14,8	13,9	202,8
НХИ	19,6	69,1	6,7	33,3	36,1	16,2	14,4	195,4
ФИТиКС	24,3	60,3	8,4	35,5	39,3	11,2	22,0	201,0
ФГО	16,0	71,5	6,7	23,1	38,5	10,4	16,0	182,2
ФЭУ	16,2	75,6	3,0	21,8	32,5	11,1	15,0	175,2
Итого	20,2	69,5	6,3	29,0	35,7	12,8	16,1	189,6

интересным является тот факт, что среди представителей технических направлений доля респондентов, которым известны рабочие, техники, инженеры, работники информационной сферы, имеющие инвалидность, варьируется лишь от 19,0% (ЭНИ) до 24,3% (ФИТиКС). Данное обстоятельство говорит о низкой информированности студентов о профессиональных достижениях сотрудников с инвалидностью, которые работают в близких к их специальности профессиональных областях, а также о незначительной доле таких профессионалов с ограничениями здоровья в реальном секторе экономики.

Представителям всех факультетов примеры того, как люди с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, в большей степени известны в нашей стране (51,9%) и чуть менее за рубежом (43,5%) (табл. 3). Значительно хуже студенты знают о профессиональных достижениях регионалов (15,5%). Важно, что среди респондентов есть студенты, которым примеры профессиональных достижений людей с инвалидностью также известны среди родственников и знакомых, однако их доля невелика — 6,2% (табл. 3).

Высокая информированность студентов о достижениях людей с инвалидностью в различных профессиональных областях и на различных уровнях является следствием тенденции развития компьютерных технологий и превращением СМИ в важнейший социальный институт, «четвертую власть». Именно СМИ формируют повестку дня, структурируют информационное

**Перечисленные примеры, когда люди с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, известны вам...
(%, возможно несколько вариантов ответа)**

Факультет	Перечисленные примеры, когда люди с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, известны вам...						
	Среди моих родственников, знакомых	В нашем регионе	В нашей стране	За рубежом	Мне не известны такие примеры	Затрудняюсь ответить	Итого:
ФТНГ	4,9	15,8	57,5	43,4	8,7	17,4	147,7
ЭНИ	7,1	15,5	49,2	42,7	12,2	15,5	142,2
МСИ	5,7	20,5	47,0	38,8	8,5	21,0	141,5
РТФ	6,6	12,7	53,8	49,5	8,8	15,1	146,5
НХИ	4,3	14,4	50,5	46,5	11,3	18,7	145,7
ФИТ _и КС	7,0	15,0	44,4	48,6	6,5	21,5	143,0
ФГО	6,6	15,5	52,3	39,6	10,2	17,1	141,3
ФЭУ	9,0	13,2	55,6	44,9	6,4	15,0	144,1
Итого	6,2	15,5	51,9	43,5	9,4	17,5	144,0

пространство, вызывая интерес общества к различным событиям, активно влияя на общественное мнение. В последнее десятилетие международные и российские СМИ активно привлекают внимание общественности к особенностям людей с инвалидностью, испытываемым им проблемам, а также достигаемым успехам. Благодаря освещению данных аспектов в обществе формируются соответствующие ценности, которые усваиваются и студенческой молодежью.

В ходе проведения исследования студентам предлагалось смоделировать ситуацию, когда в рамках их будущего трудового коллектива будут работать сотрудники с инвалидностью. Данный вопрос позволяет охарактеризовать такие ценностные ориентации, как настрой на сплоченную командную работу, взаимопомощь и взаимовыручку, налаживание внутриорганизационного сотрудничества, принятие работника с инвалидностью как профессионала. Изучение данного аспекта является важным, поскольку чувство причастности к общему делу способствует реализации профессионального потенциала сотрудников и появлению синергетического эффекта.

Так, 76,8% от общего количества респондентов указали, что будут общаться и способствовать включению в трудовой коллектив сотрудника с инвалидностью (табл. 4). Самый большой процент опрошенных, выбравших данный вариант ответа, — это представители ФЭУ (85,0%), которые изучают основы менеджмента, использования современных информационных технологий в рамках организации, а также представители ФГО (81,7%), которые изучают различные аспекты командной работы, социально-психологического климата в организации и т.п. (табл. 4).

Однако среди студентов есть респонденты, которые будут демонстрировать нейтральное отношение к коллегам с инвалидностью (11,6%) и даже негативное отношение (1,0%). Часть опрошенных (10,6%) затруднились в опре-

Представьте, что в вашем будущем коллективе будет работать человек с инвалидностью, как вы будете строить с ним отношения? (%)

Факультет	Представьте, что в вашем будущем трудовом коллективе будет работать человек с инвалидностью, как вы будете строить с ним отношения?				
	Буду общаться и способствовать его включению в трудовой коллектив	Буду равнодушен к такому коллеге	Мне будет неприятно с ним общаться, думаю, что буду избегать его	Затрудняюсь ответить	Итого
ФТНГ	75,9	12,9	0,7	10,5	100
ЭНИ	75,0	12,8	1,3	10,9	100
МСИ	70,8	14,7	1,1	13,4	100
РТФ	75,5	13,0	0,9	10,6	100
НХИ	76,8	11,0	1,5	10,7	100
ФИТиКС	72,4	12,1	1,0	14,5	100
ФГО	81,7	9,2	0,5	8,6	100
ФЭУ	85,0	6,9	0,4	7,7	100
Итого	76,8	11,6	1,0	10,6	100

делении своей будущей модели поведения (отстраненное отношение). Полученные данные позволяют говорить о важности проведения в рамках учебно-воспитательной работы мероприятий, направленных на освещение роли сплоченной корпоративной культуры с учетом особенностей людей с инвалидностью.

Выводы

Выдвинутые нами гипотезы в целом подтвердились.

- Подавляющее большинство студентов, независимо от направления обучения, считают инвалидность преодолимым препятствием, если человек стремится к профессиональным достижениям (75,7%).
- Студенты вуза, независимо от направления подготовки, продемонстрировали высокий уровень информированности о профессиональных достижениях спортсменов-паралимпийцев, тренеров (69,5%), несколько ниже информированность о представителях творческих профессий (35,7%), представителях образования и науки, имеющих инвалидность (29,0%), а также о специалистах в технической сфере (20,2%). Примеры, когда сотрудники с инвалидностью достигали вершин в профессиональной деятельности, известны студентам, как правило, в нашей стране (51,9%), чуть менее — за рубежом (43,5%).
- Большинство студентов указали, что в рамках будущего трудового коллектива они настроены на общение с сотрудниками, имеющими инвалидность, и будут способствовать их включению в трудовой коллектив — 76,5%. Наибольший процент студентов, демонстрирующих положительные установки, — среди представителей ФЭУ и ФГО. Однако среди информантов есть те, кто будет демонстрировать нейтральное отношение к коллегам с инвалидностью (11,6%), отстраненное отношение (10,6%) и даже негативное отношение (1,0%).

Таким образом, нами было выявлено, что у большинства опрошенных студентов регионального опорного вуза сформированы ценностные ориентации сплоченной корпоративной культуры, которые являются важной составляющей в рамках Soft Skills: готовность к командной работе, взаимопомощи, основанная на информированности о достижениях людей с инвалидностью и вере в их профессионализм.

Стоит отметить, что запрос на успешное трудоустройство и включение в трудовой коллектив сотрудников с инвалидностью является современным общественным трендом. Развитие экономики и информационно-коммуникационных технологий, интеллектуализация труда позволяют людям с инвалидностью реализовать свой профессиональный потенциал. Студенческая молодежь, усваивая соответствующие ценности в процессе обучения в высшей школе, будет приходить в трудовой коллектив с уже сформированными в целом положительными установками относительно сотрудников с инвалидностью. Однако следует активнее формировать такие ценности через проведение соответствующих вузовских мероприятий, направленных на приобретение знаний и опыта коммуникации со всеми людьми, без исключения, в профессиональной деятельности. Особенный эффект могли бы дать студенческие проектные команды, связанные с решением различных общественных и профессиональных проблем, с привлечением в эти команды людей с инвалидностью.

Список литературы

1. Кудринская Л.А., Шенгалъц Е.В. Мнения студентов вуза о социальном взаимодействии, достоинствах и рисках в инклюзивном образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2018. — №4 (55). — С. 29–40.
2. Ройк В.Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — № 1. — С. 97–108.
3. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. — СПб.: Наука, 2006. — 426 с.
4. Тощенко Ж.Т., Могутнова Н.Н. Новый взгляд на понятие «корпоративная культура» // Социологические исследования. — 2005. — №4. — С. 130–136.
5. Тощенко Ж.Т. Социология труда / Тощенко Ж.Т. Цветкова Г.А. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. — 464 с.
6. Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Режим доступа: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 17.05.2019).
7. Инклюзия в коллективе: ожидание и реальность [Электронный ресурс] // HeadHunter. Режим доступа: <https://omsk.hh.ru/article/21435> (дата обращения: 20.05.2019).
8. Трудоустройство людей с инвалидностью на сайте hh.ru. [Электронный ресурс] // HeadHunter. Режим доступа: <https://hhcdn.ru/file/16400574.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).
9. Фактологический бюллетень по вопросам инвалидов [Электронный ресурс] // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml (дата обращения: 01.06.2019).

10. Форум Труда [Электронный ресурс] // Архив Санкт-Петербургского международного Форума Труда. Режим доступа: <https://forum-truda.expoforum.ru/arkhif-2018> (дата обращения: 15.06.2019).

А.А. Антипов

**СОВРЕМЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ:
В ПАУТИНЕ СОФИСТИКИ (ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

**MODERN HIGHER SCHOOL IN RUSSIA: IN THE TRAP
OF SOPHISTRY (PHILOSOPHICAL ANALYSIS)**

АНТИПОВ Антон Александрович — кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО (e-mail: aantipov80@mail.ru)

ANTIPOV Anton Aleksandrovich — candidate of Philology, Associate Professor of the Faculty of Technological Management and Innovation of ITMO University (e-mail: aantipov80@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена реформе высшей школы России на современном этапе в фокусе философского инструментария. С помощью майевтического метода показано, что теоретические основы образовательной реформы носят софистический характер, являются самопротиворечивыми и бессодержательными, в том числе не соответствуют исторической и современной образовательной практике и опыту зарубежных исследований. Такие «софизмы», как признание традиционной модели образования неэффективной, рассмотрение роли преподавателя как менеджера учебного процесса, обоснование студентоцентричной парадигмы и необходимости наращивания цифровых дистанционных технологий образования, приводят к деструктивным практическим следствиям и разрушению национальной образовательной культуры. В заключение предложены пути преодоления кризиса реформы современной высшей школы: переориентация вузов на реальные потребности национальной экономики, минимизация коммерческого аспекта образовательной деятельности, признание фундаментального статуса субъект-субъектной модели образования, смещение вектора дискурса о состоянии и перспективах высшей школы России в методологическое русло.*

Ключевые слова: *реформа высшей школы, двухуровневая система образования, софистика, майевтика, дистанционные технологии обучения.*

Abstract. *The article considers the reform of University education in Russia at the present stage in the focus of philosophical methods. Socratic method (maieutics) revealed the essence of the theoretical foundations of educational reforms. They are sophisms: contradict themselves and meaningless, including do not correspond to historical and modern educational practices and experience of foreign research. The main sophisms are the recognition of the traditional model of education as ineffective, the consideration of the role of the teacher as a Manager of the educational process, the justification of the student-centered paradigm and the determining value of digital distance learning technologies. False theoretical assumptions lead to the destruction*

of national educational culture. In conclusion, the author suggests ways to overcome the crisis of reforming modern higher education: to reorient universities to the real needs of the national economy, to minimize the commercial aspect of educational activities, to recognize the fundamental status of the model of education «teacher-student», to shift the vector of discourse on the state of prospects of higher education in Russia in the methodological direction.

Keywords: *reform of University education in Russia, Bologna system of education, sophistry, maieutics, distance learning technologies.*

Введение. В 2005 г. профессор МГУ В.А. Бочаров (1937–2012) написал статью о начинающейся глобальной реформе высшей школы России, выразив названием статьи свое отношение к данному процессу: «Реформа высшего профессионального образования. “Расстрел” высшей школы». В статье была подвергнута критике проходящая апробацию двухуровневая система образования как следствие присоединения в 2003 г. к Болонскому процессу. Сформулируем тезисно основные критические замечания статьи.

1. Отсутствие специализации в бакалавриате и сокращение специальных дисциплин в магистратуре превращает вуз в профилированную среднюю школу или техникум [2, с. 125] и делает невозможным подготовку квалифицированных кадров среди ППС, а также ставит закономерный вопрос о целесообразности самих кафедр (как сильнейшей стороны отечественного образования), занимающихся подготовкой именно *специалистов* [2, с. 126].
2. Сокращение числа общих обязательных дисциплин, в том числе философии, возвращает к печальному опыту николаевской эпохи, когда упразднение преподавания философии привело к массовому обескультуриванию студентов, которые в том числе становились жертвой «самых вульгарных псевдомировоззренческих взглядов» [2, с. 126].
3. Проблемы современного высшего образования, в числе которых нехватка квалифицированных преподавательских кадров — не вина университетов, а следствие политики государства [2, с. 127].
4. Россия имеет свою устоявшуюся и проверенную стратегию подготовки научных кадров, поэтому утверждение того, что переход к двухуровневой системе сделает эффективным использование бюджетных средств, является очень спорным [2, с. 128].
5. Именно национальная система образования являлась конкурентоспособной западной, и ее реформирование по западному образцу — это по сути подготовка кадров для Запада за российские бюджетные средства [2, с. 128].
6. Сама реформа является способом обогащения чиновников и делает государство слабым и зависимым от политики Запада [2, с. 129].

С момента *расстрела* высшей школы России прошло 13 лет. И сегодня имеет смысл проанализировать те результаты, к которым привел демонтаж национальных образовательных традиций.

Постановка проблемы и цели исследования. Работ, подобных работе В.А. Бочарова, где критикуется сущность системы — двухуровневая система образования — сегодня нет. Критике подвергаются отдельные, частные процессы, например, сокращение региональных вузов [3, с. 47–57], процесс оценивания [7, с. 80–82], несоответствие образования и рынка труда в целом [24], но уже

в рамках сущности — болонской модели. Основной же массив работ о высшей школе посвящен обоснованию закономерности и правильности происходящей унификации высшей школы, требуя ее дальнейшего *вписывания* в пространство глобального образования.

Продолжать анализировать проблемы и перспективы высшего образования в России, не выходя за границы того русла, в которое оно направлено, и переформулировать одни и те же идеи, не имеет смысла. Поэтому в данной работе будет предпринята попытка вскрыть содержание тех словесных конструкций, с помощью которых произошедшие катаклизмы и продолжающиеся эксперименты с национальной вузовской системой не просто оправдываются, а признаются закономерными и необходимыми.

Цель работы — дезавуировать с помощью философского инструментария содержание теоретических конструкций, которые искусственно сохраняют актуальность и жизнеспособность идеи перманентного реформирования российского высшего образования.

На пути достижения данной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- 1) назвать основные теоретические предпосылки реформы современного вузовского образования в России;
- 2) использовать философскую методологию и показать, что обоснование продолжающейся реформы носит бессодержательный алогичный софистический характер;
- 3) определить пути преодоления софистики и перспективы развития высшей школы в рамках продуктивного майевтического дискурса.

Теоретико-методологические основы. Теоретическую основу исследования составят работы, анализирующие разные аспекты развития современной высшей школы России и мира, в том числе структурные, методологические [5, с. 174–177], культурно-антропологические [15, с. 29–33] и философские [13, с. 65–73], а также зарубежные исследования, посвященные исследованию современного поколения студентов и использованию дистанционных технологий в учебном процессе.

В основе методологии исследования — структурно-семантический, диалектический (майевтика)¹, компаративистский (частично) и прогнозный методы.

Результаты исследования. Чем руководствуются апологеты реформы вузовского образования сегодня?

Прежде всего утверждается, что традиционная советская вузовская школа оказалась неспособной к изменениям, которые произошли в обществе и, что особенно важно, на рынке труда. На данном утверждении строятся целые теории. Интересной представляется работа Н.В. Козлова и Н.И. Головатенко, рассматривающих компетентностный подход как онтологическую проблему. Авторы различают традиционную (европейскую), проектную и современную модели образования. Традиционная является конвейером, который выпускает *знающих исполнителей* [5, с. 174], вторая ориентирована на проектное мышление и вариативность, в третьей обучающийся становится персональным лидером своего образования.

¹ Так как мы собираемся в числе других прибегнуть к методу Сократа, напомним, что суть противостояния Сократа и софистов — это противостояние стремления к истине, к подлинному знанию и стремления к риторическому торжеству субъекта, который позиционирует себя как «мера всех вещей». Если упрощать и осовременивать, то это противостояние учителя и платных репетиторов. Идеология последних лежит в основе развития современного образования.

Обратимся к опыту Сократа и попытаемся с помощью майевтических вопросов испытать формальную стройность данной классификации, выявив в ней самопротиворечия.

Если констатируется, что традиционная модель, в отличие от последующих, выпускает *ригидных* специалистов, не способных к изменениям рынка, почему именно выпускники традиционной советской школы являлись и являются наиболее востребованными в мире [22] и остаются на данный момент последними лауреатами Нобелевской премии от России (Алферов, Новоселов, Гейм)? И, если советская система знаний — это конвейер, наверное, алогично утверждать, что конвейер может давать всемирно признаваемых специалистов и ученых? Поэтому не следует ли признать, что именно советская высшая школа с ориентацией на фундаментальность выпускала тех специалистов, которые были востребованы в эпоху стабильности и остаются востребованными в условиях современной изменчивости, чего нельзя сказать о модернизированной высшей школе, которая уже десятилетия гонится за изменениями?

Уже не прибегая к майевтике, отметим, что проектная и современная ступени классификации также содержательно пусты. Практико-ориентированное образование не может возникать само по себе и являться отдельной моделью образования. Это надстройка традиционного образования, один из его аспектов, как прикладные исследования — аспект фундаментальных. А выделение современной ступени образования в рамках информационного общества в форме «написания собственного сценария в сетевом образовательном пространстве» [5, с. 174] представляется настолько же виртуальным, как и само сетевое пространство. Мы возвращаемся к одному и тому же аргументу: выбор *образовательной траектории* возможен на основе фундаментальности, иначе это факультативное обучение, и сама возможность выбора по логике образования возможна у субъекта, *уже* овладевшего базовыми знаниями, но никак не *вне* и *до* процесса образования.

Как видим, онтологический аспект, заявленный в названии работы, не использовался авторами, что сделало представленную классификацию софистической словесной конструкцией. И причина не столько в самой конструкции, сколько в ложной предпосылке, от которой уже десятилетия отталкиваются многие исследования современного образования, считая традиционное синонимом устаревшего. Здесь игнорируется тот факт, что образование как искусство (что неоспоримо) допускает появление новых форм, которые при этом не могут быть лучше или отменять традиционные. Серебряный век не отменил Золотой и не был лучше него, а являлся другой формой искусства. И современное экспериментаторское *проектное* и *субъектно-сетевое* образование точно не должно стремиться заменить классическое, разрушая материнское плато, на котором находится. Несмотря на это, сегодня мы видим уже не попытки такого разрушения, а его глобальные следствия.

Вслед за утверждением архаичности традиционного образования обструкции подверглись его ключевые элементы — знание и его носители. Мы не будем приводить конкретные цифры сокращения гуманитарных вузов и гуманитарного блока в вузовском образовании в целом и обсуждать проблемы, профессионально и остро освещенные другим авторами, в том числе бюрократизацию [14, с. 8–26] и дегуманитаризацию образования [17, с. 19–34]. Заметим только, что предмета обсуждения данной проблемы уже нет, так как следует констатировать, что гуманитарное образование как общее образование в рос-

сийском вузе давно уничтожено. И сегодня проблема заключается, повторим, не в успешно осуществленной дегуманитаризации образования, а в утилитаризации знания в целом.

Под этот процесс обструкции знания и образования подведена *научная основа*, выраженная в дефинициях «поколение Z» и «клиповое мышление». Всерьез говорится о «клиповом» мышлении как одном из уровней мышления, предшествующего концептуальному [11, с. 53–56], выявляются его достоинства и недостатки [6, с. 528–534] и даже констатируется, что теперь образование возможно только в этих клиповых Z-условиях [8, с. 393–396]. И все аргументы подводят к одному выводу, как *не учить*: якобы современное поколение не способно к контекстному знанию, но это не является недостатком, так как современному рынку нужен проектный цифровой человек, способный решать сиюминутные задачи. Ему важен не контекст, а необходимые нарубленные и скомпонованные цифрой подручные данные, которые всегда доступны в сетевом пространстве.

Насколько релевантны аргументы в пользу нового типа Z-сознания и, соответственно, поколения, требующего принципиально нетрадиционных способов образования?

В зарубежных трудах, основанных на длительных социологических исследованиях и обобщении большого объема данных, существование данного типа сознания подвергается критике. Так, исследователи британских студентов пришли к выводу о том, что поколение не является однородным в своем использовании и оценке новых технологий, и что существуют значительные различия среди студентов, которые лежат в пределах возрастной группы чистого поколения [29]. А в международном исследовании, где охватывались вузы разных стран, выдвигается гипотеза о необходимости смещения вектора с понятия «цифровое поколение», принадлежность к которому недоказуема, на модели обучения с применением цифровых технологий [27].

И, если представители отечественной педагогической науки не могут предъяснить никаких научных доказательств появления нового типа сознания и уровня мышления, помимо уже известных, и «поколение Z», и «клиповое мышление» — это термины популяризированных, эмпирически нерелевантных теорий¹, можно ли считать обоснованной изменение системы образования? Если мы отвечаем на этот вопрос утвердительно, то должны признать, что данное обоснование не универсально: целый ряд направлений подготовки инженеров, врачей, государственных служащих и др. могут обучаться только на традиционном специалитете, так как подразумевается, что в рамках болонской системы не могут быть подготовлены специалисты этих направлений. Более того, само государство на законодательном уровне ограничивает возможности наиболее *массового* по выпуску бакалавриата, разрешая занимать руководящие должности гражданской службы только выпускникам специалитета и магистратуры [1]. А если фунда-

¹ Достаточно указать на то, что теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса 1991 г. основана на исследовании сугубо американского социума, где катализаторы смены поколений — изменение интересов, что явно выводит ее за узкие рамки научности. Настолько же ненаучными выглядят адаптации этой теории на российской почве, выливающиеся в утверждениях о неготовности поколения «миллениумов» к долгому обучению и скрупулезной работе, «молчаливом» поколении Z [10, с. 94–97] и «цифровом поколении Путина» из «нового цифрового бессоциального пространства» [9, с. 30–35]. Хотя в эмпирическом исследовании, проведенном Barnes and Noble College, наоборот, утверждается, что главной особенностью современного поколения является полная вовлеченность в процесс обучения и желание самим участвовать в нем [28], [31].

ментальные профессии и ключевые должности государство доверяет только специалистам, обученным по традиционной системе, признавая тем самым, что у врача, инженера, руководителя госслужбы не может быть клипового мышления и Z-сознания, не является ли это констатацией того, что новая, санкционированная государством система образования и все, на чем она фундируется, — глобальная фальсификация?

Несмотря на то, что обучение будущих врачей и инженеров с помощью дистанционных технологий выглядит абсурдно, тенденция деперсонифицировать образование и подвергнуть обструкции вслед за знанием его носителей — преподавателей, становится все более распространенной. Неслучайно инициатива ректора ВШЭ полностью отказаться от традиционных лекций как «профанации» была поддержана другими руководителями ведущих вузов [21].

Данная инициатива — прямое следствие той аргументации, которая подводится под новую *студентоцентричную* парадигму. Молчаливому виртуальному студенту нужен соответствующий преподаватель, не в роли учителя, а в роли менеджера, предоставляющего образовательные услуги с правом выбора за обучающимся-покупателем формы их получения. Роль преподавателя становится минимальной, *сопровождающей* [16, с. 86–91] в условиях, когда каждый студент может выбирать свою образовательную траекторию и способы получения знаний [5]. Помимо выборности и цифровых технологий студентоцентричная парадигма зиждется на так называемом принципе дизайн-мышления, которое, как инновационное и творческое, противопоставляется традиционному аналитическому. Проверим на релевантность каждый из принципов.

Идея выбора своей образовательной траектории как основное условие современного вузовского образования в чистом виде является продуктивной. Выбор в априори *многознаниевой* среде университета — это и осознание принципиального отличия *свободного* вузовского образования от *принудительного* школьного, и стимул для формирования самостоятельной познающей личности будущего профессионала. Но если выборность становится абсолютной (а тенденция именно такая), это делает все получаемые знания факультативными. В результате не только сознательно обнулен *общий* социально-гуманитарный компонент университетского образования, но и лишено фундаментальности образование специальное, направленное на выпуск не обремененных *лишним* знанием линейных (В. Бочаров) менеджеров.

Стремление заменить фигуру преподавателя дистанционными цифровыми технологиями также выглядит прогрессивной лишь декларативно. Преподаватель *уходит* из аудитории и формализуется в виде онлайн-курса. На первый взгляд, это тот же преподаватель. Но очевидно, что замена аудиторного образования на видеоряд с заданиями подобен замене произведения его иллюстрацией. Учебный процесс — творческий процесс, который создается в актах диалога студента и преподавателя, в том числе в актах чтения лекций, которые закономерно обновляются, рожают дискурс, запускают герменевтический и другие процессы подлинного личностного образования классической модели учитель — ученик. А в предлагаемой модели ученик — видеокурс процесс отсутствует в принципе, так как его результат — это сертификат, свидетельствующий об успешном освоении дисциплины и выполненных заданиях, качество которых, как и самого курса, никем не рассматривается¹.

¹ Так, в он-лайн курсе УрФУ «Философия и истории науки и техники» на платформе «Открытое образование» в разделе «Создавая будущее: креативное мышление» в качестве задания

Частью построения студентоцентричной парадигмы является нарастающая тенденция ликвидации кафедр, что объясняется их ригидностью в условиях потребности гибкого рынка и ориентации на собственный штатный интерес [25]. Хотя налицо другая причина — элиминация фигуры преподавателя из учебного процесса. Ведь если его роль, как было сказано выше, сопровождение, а не обучение, то зачем нужна структура, которая формирует и защищает преподавателя вопреки новой структуре с департаментами и центрами, где шествующего по *свободной траектории* студента обслуживают менеджеры. И здесь, как и в случае с Z-поколением, снова не берется во внимание тот факт, что в зарубежной науке дискуссия о новых условиях цифровизации образовательного пространства фундируется на утверждении определяющей роли методики преподавания [27], приоритете непосредственного взаимодействия с учащимися и необходимости адаптации цифровых технологий как элемента в системе «знание — влияние — диалог» [30].

Система учитель — ученик, вопреки дилетантским представлениям идеологов реформы о назидательно-репрессивной функции первого по отношению ко второму, имеет разные формы, в том числе диалогические и полемические (достаточно вспомнить Платона и Аристотеля), и создала все великие школы и великие умы, выпуская *специалистов*. А российский образовательный *менеджмент*, ориентируясь на псевдонаучную студентоцентричную парадигму, в погоне за «меняющимся рынком» (понятие которого в российских реалиях, скорее, симулякр) пока наполняет социум безработными и в основном теми, кто сознательно, либо вынужденно забыв о пройденной образовательной траектории, работает не по специальности [23].

Противопоставление дизайн-мышления как новаторского и творческого аналитическому как традиционному — очевидная профанация и, более того, дилетантизм, тем более, когда творческое противопоставляется критическому и всерьез говорится о необходимости развития нового типа мышления в системе вузовского образования. Так, в одной из работ, посвященных дизайн-мышлению, утверждается, что данная модель «представляет собой подход, который способствует развитию креативности в процессе выполнения проектов, так как главными элементами этого процесса являются генерирование идей, критическое мышление, проектирование и тестирование» на основе следующих компетенций: «умение внимательно изучать детали», «способность воспринимать персональный опыт», визуализировать информацию, экспериментировать, критически мыслить и т.п. [4, с. 147–149]. Очевидно, что «теория» дизайн-мышления находится в том же ряду софистических конструкций *нового* образования, когда за основу взят нерелевантный бизнес-термин с его обволакиванием словесной пустотой. В данном случае перед нами очевидная перестановка причин и следствий: не творческое мышление содержит элементы критического или противоположно ему, а, наоборот, в

слушателям предлагается придумать к «бесполезному», на первый взгляд, открытию» реальное применение. Среди открытий предложены: мог ли марокканский султан зачать 1000 детей; влияние слюны на организм человека в ходе поцелуя; премия сотруднику за отказ от взятки на рабочем месте и др. В 2016 г. победителем стал слушатель, предложивший к идее премии сотруднику за безделье следующее: «Часик в радость. С такой системой, можно было бы и в вузе получать зачеты за то, что ты ничего не делаешь, но при этом честно ничего не делаешь, то есть не покупая работы и не списывая». Именно такое «креативное мышление», по мнению преподавателей федерального университета, должно формировать задание, балансирующее на грани пошлости и детской (не в смысле чистоты помыслов) абсурдности [26].

рамках аналитического мышления возможны разные элементы, включая нестандартные решения.

Есть ступени и методы познания, сложные взаимосвязанные когнитивные процессы, но не может быть разговора о творчестве либо аналитике в чистом виде, противопоставление которых лженаучно. Более того, если вспомнить некоторые теории философии науки, одни и те же открытия могут интерпретироваться и как следствие нестандартных *анархических* предложений *ad hoc* (П. Фейерабенд), и как «аномалии», возникающие в рамках научных парадигм (Т. Кун). Но это сложный методологический дискурс о принципах развития научного знания, где утверждения о том, какую технику мышления применяли, например, Коперник или Эйнштейн, не возникают в принципе, так как являются софизмами.

Заключение. Теоретические предпосылки продолжающейся реформы вузовского образования в России являются бессодержательными и направлены на то, чтобы легимитизировать разрушение национальной системы образования. Утверждение устаревшего характера модели традиционного образования, необходимости вхождения в единое мировое образовательное пространство, специфического *клипового* сознания современного поколения обучающихся — не более чем софизмы, самопротиворечивость которых делает очевидным сократический метод.

При этом сложившаяся ситуация в современной системе образования — это тот же процесс над Сократом власть предержащих и в том числе софистов, закончившаяся его смертью. Несмотря на определенную некорректность сравнения величайшей личности и системы, аналогия очевидна. Одно из главных обвинений Сократа — в *развращении* молодежи. Неправильное обучение современной молодежи — главный аргумент против традиционной системы образования. В ответ на обвинение Сократ обратился к доносителю Мелету и спросил, кто может делать молодежь лучше? Мелет указал на законы, судей и «членов совета» [12, с. 93]. В ответ на вопрос, почему необходима разрушительная реформа образования сегодня, мы слышим и видим ссылки на авторитеты в лице образовательных стандартов, министров, ректоров и различного рода публичных лиц¹, подкрепляемые софистическими статьями в пользу продолжающегося (или состоявшегося) разрушения вопреки элементарной логике и простой фактологии.

Данную софистику преодолеть невозможно, так же, как, наверное, неправильным будет призывать к возрождению советской системы образования. При этом представляется необходимым сделать то, что может остановить разрушение фундамента национальной культуры и общества и дать надежду на его восстановление.

1. Переориентировать современную систему образования с огульного следования глобальным стандартам и рейтингам на реальные потребности национальной экономики и культуры: потребности в базовых специалистах, которые будут не обслуживать сырьевую экономику, а создавать и возрождать ее реальные производственные и социальные секторы и

¹ Включая Г. Грефа, считающего советскую систему образования «лузерской» [18] и А. Чубайса со следующим императивом: «Преподаватель, не способный создать бизнес, ставит под вопрос свой профессионализм» [20]. При том, что именно советская система образования не помешала ни первому, ни второму занимать высокопоставленные государственные должности (заметим, не в собственных бизнес-структурах), правда, с неоднозначной оценкой результатов деятельности.

- одновременно с этим являться носителями университетской культуры, когда знание глобального и ориентация в нем фундируется на осознании национальной идентичности.
2. Возродить социально-гуманитарный компонент высшего образования с акцентом на основополагающие дисциплины (философия, история, логика, этика и др.).
 3. Минимизировать коммерческий аспект образовательной деятельности, так как намерения по сращиванию высшей школы и бизнеса, как показывает современная ситуация, при отсутствии единой стратегии уничтожает априори некоммерческую университетскую среду, на данный момент никак способствует развитию малого и среднего предпринимательства в России и оставляет без специалистов производственные и социальные сферы.
 4. Защитить преподавателей от прямого административного давления вышестоящего руководства (в том числе связанного с произвольным заключением и расторжением контрактов, определением их срока) на федеральном законодательном уровне, а также путем создания структур, которые будут обоснованно защищать интересы профессорско-преподавательского состава, роль которого в организации и реализации учебного процесса снова должна стать ключевой.
 5. Сместить вектор обсуждения современных образовательных процессов в методологическое русло в фокусе субъект-субъектной модели «учитель — ученик» и с признанием приоритета непосредственно взаимодействия преподавателей и студентов в образовательном процессе.

В заключение вернемся к работе В.А. Бочарова, в которой одной из главных целей затеянной реформы называется обогащение ее инициаторов. Очевидно, что и сегодня все предпринимаемые шаги, якобы направленные на модернизацию учебного процесса, такие, как дистанционные технологии, тотальная выборность дисциплин, повышение требований к преподавателям, на деле ведет к сокращению штата последних и, соответственно, высвобождению значительного количества финансовых средств. Использование данных средств остается на усмотрение различного уровня руководителей. Оно может быть и абсолютно законным, но это не отменяет того факта, что носители знания оказываются во все более уязвимом положении — положении перманентного исчезновения своего статуса и места. И оксюморон «университет без преподавателей» становится все более логичным определением современной высшей школы.

После вынесения смертного приговора Сократ обратился к обвинителям со следующими словами: «И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать» [12, с. 94]. Наверное, современным реформаторам, *расстрелявшим* национальную высшую школу, стоит задуматься над тем, не станут ли обличителями те, кого выпускает и будет продолжать выпускать современная псевдообразовательная структура, в основе которой — паутина софистики, так как осознание, что твое осколочное ситуативное образование не отвечает потребностям действительности, наступит быстро.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 июня 2016 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации». Текст: электронный // Российская газета [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2016/07/04/municipal-dok.html> (дата обращения 23.10.2018).
2. *Бочаров С.А.* Реформа высшего профессионального образования. Расстрел высшей школы // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 7. — Философия. — 2005. — № 1. — С. 125–129.
3. *Дружилов С.А.* Вектор реформирования высшего образования и перспективы развития страны // Ценности и смыслы. — 2013. — № 1. — С. 47–57.
4. *Кириллова О.Г.* Развитие заданных компетенций в высшем образовании на основе проектирования дизайна-мышления / О.Г. Кириллова, Ж.Р. Кумратова, Н.И. Блинова // Экономика устойчивого развития. — 2016. — № 4 (28). — С. 146–150.
5. *Козлова Н.В.* Компетентностный подход в высшем образовании как онтологическая проблема / Н.В. Козлова, Н.И. Головатенко // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 301. — С. 174–177.
6. *Костенко А.Ф.* Клиповое мышление — «плюсы» и «минусы» // Научный альманах. — 2015. — № 12-1 (14). — С. 528–534.
7. *Котова С.С.* Проблема оценки качества образования глазами студентов как фактор инновационного развития высшего образования / С.С. Котова, И.И. Хасанова // Путь науки. — 2016. — № 8 (30). — С. 80–82.
8. *Машегов П.Н.* Клиповое мышление и инновации в системе высшего экономического образования / П.Н. Машегов, С.В. Симонов // Новая экономика и региональная наука. — 2016. — № 3 (6). — С. 393–396.
9. *Мирошкина М.Р.* Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. — 2017. — № 6. — С. 30–35.
10. *Ожиганова Е.М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование и экономика знаний. — 2015. — № 1. — С. 94–97.
11. *Пендикова И.Г.* Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2016. — № 1. — С. 53–56.
12. *Платон.* Сочинения: в 4 тт. Т.1. — М.: Мысль, 1990. — 860 с.
13. *Прокопенко С.А.* Современный университет: от явления к сущности // Professional Education in Russia and Abroad. — 2016. — № 1 (21). — С. 65–73.
14. *Резник Ю.М.* На грани: гуманитарная наука под прессом бюрократии // Личность. Культура. Общество. — 2012. — Том XIV. — Вып. 4 (№ 75–76). — С. 8–26.
15. *Савельева О.О.* Высшее образование в контексте проблем депрофессионализации и прекаризации труда // Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза. Материалы международной научной конференции. — М., 2017. — С. 29–33.
16. *Сергеева М.Г.* Моделирование профессиональной образовательной траектории обучающегося посредством менеджмент-сопровождения / М.Г. Сергеева

ева, Н.В. Цытулина // Современная наука. — 2017. — Т. 8. — № 1–3. Педагогические науки. — С. 86–91.

17. Шешукова Г.В. Проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в непрофильных вузах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2014. — № 4. — С. 19–34.

18. Анатолий Чубайс: «Если ты доцент, и у тебя нет бизнеса, на кой черт ты мне вообще нужен» — Текст: электронный // Промышленные ведомости. [сайт]. — URL: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1779&nomer=62> (дата обращения: 13.05.2018).

19. Городецкая Н.В. Разработка информационной системы поддержки выбора индивидуальной образовательной траектории студентом / Н.В. Городецкая, С.В. Сермягин. — Текст: электронный // Apriori. Серия: естественные и технические науки. — 2017. — № 2. — URL: <http://www.apriori-journal.ru/seria2/2-2017/Gorodeckaya-Sermyagin.pdf> (дата обращения: 13.05.2018).

20. Грэф Г. Мы напихиваем в детей ненужное барахло — Текст: электронный // Мел [сайт]. — URL: https://mel.fm/mneniye/3460257-g_gref (дата обращения: 21.12.2018).

21. Лекции переносятся в онлайн-аудиторию. Ярослав Кузьминов намерен обязать преподавателей читать курсы в цифровом формате — Текст: электронный // Коммерсантъ [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758336>.

22. Мозги, которые мы потеряли. — Текст: электронный // Новая газета [сайт]. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/10/30/40638-mozgi-kotorye-my-poteryali> (дата обращения: 12.09.2018).

23. Образован и не нужен. — Текст: электронный // Российская газета [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2018/06/04/tolko-37-procentov-vypusnikov-rabotaiut-pospecialnosti.html> (дата обращения: 14.09.2018).

24. Овсянникова Т.В. Высшее образование и рынок труда: к проблеме конкурентоспособности выпускников вузов. — Текст: электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2017. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17SFK417.pdf> (дата обращения: 23.12.2018).

25. Слово ректору. — Текст: электронный // Программа повышения конкурентоспособности ТГУ. — URL: <http://viu.tsu.ru/news/1171/> (дата обращения: 12.12.2018).

26. Философия и история науки и техники. Онлайн-курс. — Текст: электронный // Открытое образование [сайт]. — URL: https://courses.openedu.ru/courses/course-v1:urfu+PHILS+fall_2016/courseware/ab5f5fab4180445089b23214ae17e085/b6652faeb7f642979430efc7a2a8b516/ (дата обращения: 27.12.2018).

27. Gros B., Garcia I., Escofet A. Beyond the Net Generation Debate: A Comparison of Digital Learners in Face-to-Face and Virtual Universities. — Текст: электронный // International Review of Research in Open and Distributed Learning. — Vol. 13. — № 4 (2012). — URL: <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/1305/2311> (дата обращения: 21.04. 2017).

28. Conversations with Gen Z: Values & Beliefs. — Текст: электронный // Barnes & Noble College [сайт]. — URL: <https://next.bncollege.com/gen-z-students-values-beliefs> (дата обращения: 19.10. 2018).

29. Jones C., Cross S., Ramanau R., Healing G. Net generation or digital natives: is there a distinct new generation entering university? // Computers & Education. — 54 (3). — 2010. — С. 722–732.

30. *Coker H.* Purpose, pedagogy and philosophy: «Being» an online lecturer // International review of research in open and distributed learning. — Vol. 19. — № 5. — November (2018). — С. 128–144.

31. *Kozinsky S.* How generation z is shaping the change in education. — Текст: электронный // Forbes, 24 jul (2017). — URL: <https://www.forbes.com/sites/sievakozinsky/2017/07/24/how-generation-z-is-shaping-the-change-in-education/#5e43cdc765206> (дата обращения: 15.11.2018).

КОРПОРАТИВНЫЕ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА

SOCIAL PERCEPTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN CORPORATE AND HIERARCHICAL CONTEXTS

ЛВОВ Денис Владимирович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета (e-mail: devlal86@gmail.com)

LVOV Denis Vladimirovich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Siberian Federal University (e-mail: devlal86@gmail.com)

Аннотация. Исследование показывает, что социальные дебаты вокруг феномена искусственного интеллекта тесно переплетены с опасениями по поводу его потенциального превращения в предмет и, таким образом, подрыва безопасности человека. Это новое технологическое явление помещается в контекст социального неравенства и связанного с ним разделения труда. Оба вопроса рассматриваются через призму социальных корпораций и иерархий. Кроме того, изучаются некоторые существующие модели искусственного интеллекта, созданные массовой культурой. Они отражают способность человека к самовосприятию в корпоративном и иерархическом контекстах. Предложенный философский анализ того, как искусственный интеллект воспринимается обществом, дает экспертам объяснение причин, по которым этот феномен стал частью современной социальной повестки дня. Этими причинами являются корпоративные и иерархические типы отношений, характерные для человеческих сообществ.

Ключевые слова: корпоративность, иерархия, искусственный интеллект, общественное восприятие.

Abstract. The study suggests that social debates around the phenomenon of artificial intelligence are closely entwined with concerns about its potential of becoming a subject and, thus, undermining human safety. Moreover, this new technological phenomenon is placed in the context of social inequality and labour division, associated with it. Both of these issues are inspected through the lens of social corporations and hierarchies. Additionally, some existing models of artificial intelligence, created by the mass culture, are studied. They reflect the human ability of self-perception in corporate and hierarchical contexts. The suggested philosophical analysis of how artificial intelligence is perceived by the society provides experts with explanation of the reasons for this phenomenon to become a part of modern social agenda. These reasons are corporate and hierarchical types of relations, typical for human communities.

Keywords: corporativity, hierarchy, artificial intelligence, social perception.

Общественное внимание, как правило, начинает обращаться к какому-либо новому феномену тогда, когда он уже вносит изменения в социокультурную реальность. Активное обсуждение искусственного интеллекта, вплоть до

правительственного уровня (см., например, [5]) свидетельствует, что данный технологический феномен уже стал одним из факторов социокультурных изменений. При этом стереотипы и прочие формы коллективных представлений о любой проблеме неизбежно соотносятся с представлениями людей о том самом обществе, в котором они и живут. Таким образом, отражение в общественных представлениях феномена искусственного интеллекта может послужить косвенным материалом для понимания этого самого коллективного (само)восприятия общества. Предлагаемый текст ставит своей целью выявить связи в представлениях о социуме и искусственном интеллекте.

Встроенные в силу своей социальной природы внутрь общественной структуры, мы бессознательно воспринимаем ее как иерархически упорядоченную систему. Сам дизайн схем, формируемых такими особенностями мышления, закладывает предпосылки для определенных социальных установок. В этом смысле всякая актуальная повестка оказывается подвержена влиянию бессознательных процессов, помноженных на коллективную природу самого публичного обсуждения.

Учитывая сказанное, остается констатировать, что встраивание нового технологического феномена (искусственного интеллекта) в социокультурную реальность неизбежно происходит в контексте корпоративных тенденций образования социальных групп с одновременным наложением иерархической сетки, упорядочивающей эти коллективные целостности внутри себя и относительно друг друга. При этом обозначенные тенденции не всегда отрефлексируются на сознательном уровне вовлеченными в бурный процесс агентами.

Таким образом, изначально узкоспециальная тема становится очередным поводом возбудить и без того активно вибрирующий общественный резонанс вокруг уже существующей повестки дня. В публичном же пространстве существует тенденция групповой поляризации по активно обсуждаемым вопросам. Происходит оформление социальных групп в соответствии одновременно с корпоративными и иерархическими тенденциями, что было обсуждено ранее [1].

Бурное развитие технологий, связанных с искусственным интеллектом [11], уже оказывает заметное влияние на экономику и общественное бытие. Вторгаясь в повседневность, последствия этого процесса становятся все более заметными даже для простых людей, не являющихся специалистами в областях, непосредственно имеющих дело с данным технологическим феноменом. К тому же, ширящееся в СМИ обсуждение тем вокруг искусственного интеллекта еще больше активизирует общественное внимание. Зачастую не обладая достаточным уровнем компетентности, обычные люди начинают ощущать естественную тревожность относительно смутного феномена, не зависящего от них, а потому легко воспринимаемого как угроза. О последнем свидетельствуют данные социологических исследований. Например, в недавнем отчете Институт Гэллага показано, что в Канаде, Соединенном Королевстве и США примерно две трети респондентов согласны с утверждением о том, что искусственный интеллект ликвидирует больше рабочих мест, нежели создает, тогда как противоположный исход (то есть, что будет создано больше рабочих мест, чем сокращено) ожидает меньше четверти ответивших [14].

Столь, казалось бы, узкий аспект внедрения искусственного интеллекта поднимает на самом деле вполне философские вопросы, затрагивающие самые широкие социальные слои. Изменения на рынке труда в современном обществе влекут за собой изменения в социальной структуре, а значит и в самоощущении

большого количества индивидов. Ведь статус, даваемый тем или иным видом занятости, воспринимается как важнейший иерархический признак, входящий в структуру социальной идентичности личности. Потенциальная, пусть не всегда четко и ясно увязываемая непосредственно с самим индивидом, но чувствуемая как постепенно концентрирующаяся угроза собственному месту в социальной иерархии непосредственно лишает личность ощущения безопасности, потребность в которой относится к числу насущных. Интересно в этом контексте заметить, что идея нормативного регулирования сферы искусственного интеллекта напрямую увязывается с необходимостью обеспечить безопасность людей. Так, весьма характерно, что в предлагаемом проекте *Artificial Intelligence Development Act* автор среди целей ставит на первое место именно безопасность этого закона [15].

В целом тема легального регулирования искусственного интеллекта [12] обсуждается в последние годы чрезвычайно активно: от вопросов налогообложения [6] до концепции криминальной ответственности [10]. Впрочем, внимание к данной сфере юриспруденции повышается уже не первое десятилетие: в качестве примера можно упомянуть статью 1992 г. о *Legal personhood* [16]. Систематичность рассмотрения данной темы позволяет говорить уже о полноценной «политике» [7]. При этом данная сфера непосредственно увязывается с проблематикой прав человека [13]. Таким образом, можно констатировать в экспертном сообществе оформление понимания необходимости контролируемого управления так называемой «революции искусственного интеллекта» [11]. При этом прослеживается явное соотнесение далекой, казалось бы, узкоспециализированной тематики с широким спектром вопросов социальной иерархии и структуры. Зачастую для IT-специалистов проблема искусственного интеллекта формулируется прежде всего с отсылками к тем или иным «протоколам», спискам конкретных прикладных задач (типа распознавания изображений), решение которых соответствующей нейронной сетью становится маркером, на основании которого и присваивается статус искусственного интеллекта. В то же время, как видно из приведенных источников, сопряженные общественные группы встраивают возникший феномен в контекст собственных интересов и рассматривают искусственный интеллект прежде всего как инструмент, способствующий или, возможно, наоборот, мешающий, а то и потенциально угрожающий этим самым интересам.

И уже совсем неудивительно увидеть обсуждение вопросов искусственного интеллекта и роботизации в связи с проблемами социального неравенства, пороков капитализма, консервации элитных групп, противопоставления тех или иных геополитических и геоэкономических субъектов (будь то концепции глобально мыслимых стран Севера и Юга или транснациональных корпораций и национальных государств и т.д.). При этом корпоративность проявляется в том, что авторы высказываний идентифицируют себя с определенной группой и тем самым имплицитно призывают иных носителей той же идентичности встать под поднимаемые знамена и защищать формулируемую авторами позицию. Одновременно с этим постулируется, что соответствующая группа уже имеет некое место в социальной иерархии. Естественным ее интересам соответствуют усилия по «вскарabкиванию» выше иных коллективных корпораций.

Искусственный интеллект самими разработчиками мыслится достаточно утилитарно. Он призван решать прикладные задачи. В этом деле он не должен и не может выступать полноценной заменой человека как носителя естественно-

го интеллекта. Неполноценность искусственного интеллекта, как и любого инструмента проходит в первую очередь по качеству субъектности, а именно, самостоятельности постановки тех самых конкретных задач, решение которых и ставится любому инструменту как цель. Такого рода самостоятельностью обладают изначально только носители естественного интеллекта: индивидуальные личности, которые к тому же имеют склонность к объединению в социокультурные корпорации: совместными усилиями решать общие задачи значительно проще. Такая корпоративность стала значимым эволюционным преимуществом homo sapiens.

В то же время, ограниченность ресурсов, присущая несовершенной в этом отношении природе рождает принципиальную невозможность одновременного удовлетворения всех потребностей индивидов, равно как и сосуществующих отдельных коллективов. Отсюда возникает естественная конкуренция. Социальное развитие выработало механизм разделения труда, способствующий более эффективному достижению согласованных целей. Но сама необходимость согласования этих целей и координации действий в условиях растущей социальной дифференциации служит основанием для возникновения социальной роли управленца, в руках которого оказываются ресурсы и сами силы подчинившихся ему или ей людей.

Изначально социокультурная корпорация делегирует руководителю полномочия по распоряжению всеми этими ресурсами именно для достижения общих целей, в первую очередь безопасности и благосостояния всех входящих в объединение индивидов. Но руководство (не важно, единоличное или коллегиальное), получившее в свое распоряжение эти коллективно сформированные инструменты, естественным образом оказывается перед соблазном использовать их (хотя бы частично) в эгоистичных интересах, не всегда совпадающих с интересами остальных. Это является базой для диалектического противоречия обозначенных корпоративно интеграционных и иерархически дезинтеграционных социальных тенденций. Отлученное же от субъектного распоряжения ресурсами большинство оказывается в ситуации зависимости. Более того, сами носители естественного интеллекта, находящиеся внизу социальной пирамиды, становятся склонны к выученной пассивности и конспирологическим (в силу отсутствия доступа к полной информации об условиях процесса выработки решений) объяснениям даже естественных социальных трендов, изначально никак искусственно не управляемых.

Вполне понятно в этой связи, что любой новый инструмент, сильно влияющий на реконфигурацию социальных отношений, начинает восприниматься как оружие, попавшее в руки, прежде всего, элиты. Степень обоснованности таких коллективных представлений уже не играет принципиальной роли. По известному выражению В. Томаса и Д. Томаса: «If men define situations as real, they are real in their consequences» [2].

Между тем, в жесткой структуре социальной иерархии имеется еще и тенденция к централизации, в пределе приводящая к монополизации власти в единственном месте. Такой предельный авторитаризм, безусловно, является упрощенным и никогда в реальности не существовавшим веберовским идеальным типом. Тем не менее массовое сознание оперирует именно упрощенными схемами, которые и определяют восприятие любых явлений и общественное мнение в отношении них. В этом контексте в последнее время в связи с развивающейся индустрией искусственного интеллекта часто вспо-

минают о печально известном движении луддитов, безуспешно выступавших против фабричной механизации примерно полтора века тому назад. Проводимая аналогия ведет оперирующих ею мыслителей к выводу о невозможности сопротивления неумолимой поступи технологического прогресса. Между тем, само восприятие данного вектора возможно как в оптимистичном, так и в пессимистичном модусе.

В первом случае искусственный интеллект описывается как инновационное средство производства, имеющее потенциал освобождения людей от необходимости рутинного труда, что дает возможность использовать радикально увеличивающееся свободное время на творчество и самореализацию. Однако, даже в столь утопической модели этакого коммунистического рая возникают пока призрачные, но уже заранее тревожащие миражи, имеющие, впрочем, серьезные теоретические обоснования в эмпирически наблюдаемой социокультурной реальности. Фиксируемые игромания и феномен хикикомори как минимум ставят под сомнение тезис о всеобщей и полноценной свободе самореализации, одновременно усиливая позицию гипотезы о том, что люди предпочтут просто лениваться и «убивать время». Симптоматичным отражением таких опасений в массовой культуре является получивший широчайшее освещение мультфильм «Валли».

Во втором случае инновационное средство производства мыслится, вполне в марксистских традициях, прежде всего средством эксплуатации в руках правящей верхушки. В пределе рисуется зловещая антиутопия, в которой крайне узкий круг привилегированного общественного слоя концентрирует в своих руках почти все общественные блага, оставляя прозябающему большинству лишь жалкие крохи. В этом сценарии искусственный интеллект и роботизация тотально контролируются закрытой кастой элиты, упразднившей всякую социальную мобильность в принципе. Стоит отметить, что определенные эмпирические основания у подобной антиутопии действительно имеются. В качестве нашумевшего примера первым на ум приходят результаты исследования о мировом неравенстве. В нем в частности, указано: «In recent decades, income inequality has increased in nearly all countries» [17]. То есть исследование усиливает аргументацию известного тезиса о том, что богатые богатеют, а бедные беднеют. Все алармации о постепенном исчезновении среднего класса часто ссылаются в том числе и на этот доклад.

Еще одним вариантом пессимистической антиутопии являются популярные и также получившие великое множество воплощений в массовой культуре апокалиптические сценарии восстания машин. Любой из них основан на базовом допущении, что искусственный интеллект в отличие от любого другого инструмента, изобретенного человечеством, способен к самостоятельности. Причем не просто к самостоятельности в решении четко очерченных извне (то есть естественным интеллектом) конкретных задач, но к субъектности в самой такой постановке задач. Интересно в этой связи упомянуть о проведенном недавно «социологическом опросе чат-ботов» [4]. В нем уже даже ученые-социологи, которые по самой предметной области собственной науки на первый взгляд далеки от исследований самих программ, поставили последних наравне с вполне человеческими респондентами.

В скобках все же заметим, что результаты подобного «опроса» скорее могут выступать косвенными индикаторами массового сознания пользователей этих «чат-ботов». В самом дизайне их машинного обучения заложен механизм

агрегирования запросов и ответов пользователей. В этом плане с известными оговорками можно сказать, что в качестве респондента в подобном опросе выступает не индивид, а то самое «массовое сознание», которое социологи и имеют объектом собственной науки. Такие опросы могут стать интереснейшей областью в первую очередь для методологов социологии.

Вне зависимости от обоснованности выше упомянутого допущения о субъектности искусственного интеллекта, интересно провести параллели с философским осмыслением иного вполне реально существовавшего в истории феномена. Как известно, рабы воспринимались именно как орудия в руках господина. Причем такое положение долго воспринималось как естественное именно в силу природы самих рабов. В этом контексте восстание рабов вписывается в ту же мыслительную конструкцию, что и тревожащее общественное воображение потенциальное восстание машин. Оба случая укладываются в такую схему: инструмент внезапно приобретает самостоятельность и субъектность. А это вносит радикальные изменения в социальную иерархию, в которой словно бы из ниоткуда возникает новый агент, требующий полного переформатирования социальной структуры. Сама концепция прав человека и современное понимание демократии являются одним из следствий такой социальной революции.

Проведение упрощенных аналогий между «восстанием рабов» и «восстанием машин» вполне естественно приводит к концептуальной проблематизации прав этих самых машин. Взаимоотношения с искусственным интеллектом в этой схеме становятся уже не субъект-объектным, а субъект-субъектными. Соответственно, роботы начинают восприниматься как самостоятельное корпоративное объединение, на которое переносятся все привычные свойства собственно человеческих социокультурных корпораций. В этом смысле модели «общества роботов», рисуемые в художественной фантастике (литературе и кино), могут дать богатый материал для анализа представлений людей о собственном социальном мире. Интересным примером такого антропоморфизма является мир сериала «Battlestar Galactica» и его спин-оффов, в которых у цивилизации сайлонов (созданные людьми роботы, наделенные искусственным интеллектом и восставшие против создателей) формируется даже собственная религия.

Само опасение «восстания машин» является такого рода антропоморфическим перенесением: если всякая социокультурная корпорация людей стремится занять как можно более высокое место в иерархии, то и объединение роботов также с необходимостью будет обладать таким стремлением. Отсюда, собственно, и проистекают все идеи по выстраиванию превентивных барьеров, призванных защитить интересы социокультурной корпорации людей. Интересно, что при этом человечество мыслится как единая социокультурная общность: перед лицом общего врага все внутренние различия и противоречия стираются. В этом смысле искусственный интеллект еще до реального воплощения и вне зависимости от принципиальной возможности такового уже стал одним из дополнительных аргументов для космополитических настроений.

Как бы то ни было, на данный момент искусственный интеллект остается прежде всего инструментальным объектом, а не самостоятельным социальным субъектом. И в этом смысле остается и для массового, и для экспертного восприятия одним из средств, которые могут быть использованы различными социальными группами в собственных политико-иерархических интересах.

В этой связи интересно упомянуть, что одним из актуальных средств может являться использование искусственного интеллекта для сбора и обработки раз-

ного рода big data. Причем и в этом аспекте можно занять как оптимистическую, так и пессимистическую позицию. Иллюстрацией последней являются опасения, связанные с развивающейся в Китае системой «социального кредита» [8].

При этом такого рода пессимизм, видимо, связан с недоверием к традиционным социальным институтам. Искусственный интеллект как социальная инновация может приветствоваться как независимая альтернатива коррумпированным государственным органам, судебной системе и т.д. Но только при условии, если он будет обладать независимой субъектностью в принятии решений. В этом случае люди готовы будут делегировать даже право вынесения судебного вердикта этому идеальному воплощению рациональности и принципа *sine ira et studio*. Особенно, если они не доверяют существующим институтам в их собственном обществе.

Интересна в этом смысле интерпретация данных Евробарометра, проведенная В.С. Вахштайном, который предлагает следующую характеристику технооптимизма российского общества: «В Штатах граждане боятся, что их заменят роботы, и надеются на государство. В России граждане надеются, что роботы заменят государство» [3]. Но из этого же следуют также приведенные выше опасения по поводу китайской системы. Если постановка задач остается прерогативой порочного, по мнению соответствующего автора, социального института, то и искусственный интеллект становится не социальным благом, а напротив — мультипликатором социального зла.

Как показал проведенный анализ, технологический по своей природе феномен искусственного интеллекта в общественном восприятии неизбежно встраивается в актуальные социокультурные контексты. При этом в общественной дискуссии постоянно происходит обращение к разного рода вопросам, связанным с корпоративными идентичностями и социальными иерархиями. Таким образом, можно констатировать, что модели корпоративности и иерархии задают базовые схемы для формирования общественного восприятия искусственного интеллекта. В этом смысле для всех специалистов, имеющих дело с искусственным интеллектом, от программистов до бизнесменов, актуальным становится осмысление собственной сферы деятельности как источника нового влияния на корпоративные и иерархические аспекты формирования социальной структуры.

С одной стороны, чисто технологические моменты узкоспециальной профессиональной области могут иметь не всегда очевидные социальные последствия. С другой стороны, ответные реакции социального окружения вызовут политические интервенции, не ожидаемые в узком кругу профессионалов.

Список литературы

1. *Gritskov Yu.V., Lvov D.V.* Interaction of in-group archetypes and hierarchy while forming in-group community // *Journal of Siberian federal university. humanities & social sciences.* — 2015. — № 11. — P. 2325–2330.
2. *Thomas W.* The child in America: behavior problems and programs / *Thomas W., Thomas D.* — New York: A.A. Knopf, 1928. — 583 p.
3. *Вахштайн В.* Человекозамещение: как искусственный интеллект становится полем политической борьбы. — Текст: электронный // *Theory&Practice* [сайт]. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17126-chelovekozameshchenie-kak-iskusstvennyy-intellekt-stanovitsya-polem-politicheskoy-borby> (дата обращения: 10.12.2019).

4. О чем говорят роботы? — Текст: электронный // Центр социального проектирования «Платформа» [сайт]. — URL: <http://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govogjat-roboty/> (дата обращения: 10.12.2019).

5. Разговор с Дмитрием Медведевым. — Текст: электронный // Правительство Российской Федерации [сайт]. URL: <http://government.ru/news/38520/> (дата обращения: 10.12.2019).

6. *Abbott R.B., Bogenschneider B.* Should robots pay taxes? Tax policy in the age of automation. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2932483> (дата обращения: 10.12.2019).

7. *Calo R.* Artificial intelligence policy: a primer and roadmap. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3015350> (дата обращения: 10.12.2019).

8. *Creemers R.* China's social credit system: an evolving practice of control. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3175792> (дата обращения: 10.12.2019).

9. *Eidenmueller H.G.M.* The rise of robots and the law of humans. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2941001> (дата обращения: 10.12.2019).

10. *Hallevy G.* The criminal liability of artificial intelligence entities. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1564096> (дата обращения: 10.12.2019).

11. *Katz Y.* Manufacturing an artificial intelligence revolution. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3078224> (дата обращения: 10.12.2019).

12. *Petit N.* Law and regulation of artificial intelligence and robots — conceptual framework and normative implications. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2931339> (дата обращения: 10.12.2019).

13. *Raso F., Hilligoss H., Krishnamurthy V., Bavitz C., Kim, L.Y.* Artificial intelligence & human rights: opportunities & risks. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3259344> (дата обращения: 10.12.2019).

14. *Reinhart R.J.* Americans upbeat on artificial intelligence, but still wary. — Текст: электронный // Gallup [сайт]. URL: <https://news.gallup.com/poll/226502/americans-upbeat-artificial-intelligence-wary.aspx> (дата обращения: 10.12.2019).

15. *Scherer M.U.* Regulating artificial intelligence systems: risks, challenges, competencies, and strategies. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2609777> (дата обращения: 10.12.2019).

16. *Solum L.B.* Legal personhood for artificial intelligences. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1108671> (дата обращения: 10.12.2019).

17. World inequality report 2018. — Текст: электронный // SSRN [сайт]. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-english.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

К. Фурат, И.А. Батанова, Э. Гениш

**ИССЛЕДОВАНИЯ ОШИБОК В ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АРАБСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ
(‘GALAT-I MEŞHUR’) В ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД**

**STUDIES ERRORS IN USE BORROWINGS FROM ARABIC
AND PERSIAN LANGUAGES ON ‘GALAT-I MEŞHUR’
IN OTTOMAN PERIOD**

ФУРАТ Камил — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: furat.kamil@yandex.ru)

БАТАНОВА Ильсияр Аликовна — старший преподаватель кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: ilsiyarbatanova@yandex.ru)

ГЕНИШ Эйюп — кандидат исторических наук, профессор кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: genis@mggeu.ru)

FURAT Kamil — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: furat.kamil@yandex.ru)

BATANOVA Ilsiyyar Alikovna — Senior Teacher of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: ilsiyarbatanova@yandex.ru)

GENIS Eyup — Candidate of History, Professor of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: genis@mggeu.ru)

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие «galat meşhur», обозначающее явление неверного использования арабских и персидских заимствований в турецком языке. Статья написана в целях исследования важных работ, посвященных Galat-i Meşhur в Османский период и рассмотрения причин возникновения Galat-i Meşhur. Базой исследования послужили труды османских литературоведов Шейх-уль-ислама Кемальпашазаде, Эбуссууда Эфенди, Сырры-паша, Али Сейди-бея, Казаскер Мустафы Иззет-эфенди, Шемседдина Сами, Кемальпашазаде (Мехмед) Сауда.

Ключевые слова: фонетические ошибки, заимствования, турецкий язык, арабский язык, персидский язык, galat-i meşhur.

Abstract: This article discusses the concept of “galat meşhur”, which defines the phenomenon of misuse of Arabic and Persian borrowings in Turkish. The article was written in order to study important works on the Galat-i Meşhur in the Ottoman period and to consider the causes of the occurrence of Galat-i Meşhur. The study was based on the works of Ottoman literary scholars Sheikh ul-Islam Kemalrashazade, Ebus-suud Efendi, Syrry Pasha, Ali Sadi-bey, Kazasker Mustafa Izzet-effendi, Shem-seddin Sami, Kemalrashazade (Mehmed) Said.

Keywords: phonetic errors, adoptions, Turkish, Arabic, Persian, galat-i meşhur

Актуальность работы заключается в том, что впервые в России рассматривается неверное использование арабских и персидских заимствований в турецком

языке. Данная работа проливает свет на историю возникновения ошибок в заимствованных словах.

Объект исследования: ошибки в использовании заимствований.

Предмет исследования: основные труды османских ученых описывающие ошибки в использовании арабских и персидских заимствований.

Слово арабского происхождения «*Galat*» имеет значение «ошибка», «погрешность» (во множественном числе «*galatat*» — антоним слова «*fasih*», то есть правильный). В качестве лингвистического термина используется в значении ошибки в фонологии, морфологии, синтаксисе и семантике языка. В словаре Турецкого лингвистического общества трактуется как «неверно употребляемое слово, вошедшее в использование в связи с широким распространением» [6]. Кроме того, слова, которые считаются неподходящими для использования, именуется в турецком языке «*galat-i fahiş*». На протяжении всей истории на тюркских языках говорили во многих странах мира. Турецкий османский язык, именуемый сегодня старым турецким языком — это язык Османской империи. Очевидно, что старый турецкий язык, на котором говорили в Османской империи, объединившей многие народы и их культуры, претерпел множество изменений. Таким образом, османский турецкий язык заимствовал слова из разных языков, прежде всего из арабского и персидского. Однако предполагается, что такой лексический обмен проводился не в соответствии с грамматическими правилами турецкого языка. Вследствие несоответствий с турецкой грамматикой и фонетикой, а также ошибок писарей (из-за спешки и невнимательности) слова, словосочетания и выражения, вошедшие в турецкий язык из арабского и персидского, изменялись носителями турецкой культуры, стремившихся облегчить произношение. Наряду с этим, «*galat*» можно рассматривать как сознательное или неосознанное использование иностранных слов в турецком языке, особенно арабских и персидских.

Изначально термин «*Galat-i meşhur*» (распространенные ошибки) был использован литературоведами Османской империи, чтобы описать неправильное использование арабских слов, а позднее стал распространяться на все иностранные языки. В период Османской Империи «*galat*» были классифицированы различными исследователями согласно их звучанию, строению, смыслу, написанию, этимологии и т.д. [3, с. 186] Таким образом, из классификаций и общей информации по данной теме, можно сделать вывод, что «*galat*» касается отдельно взятого слова. Однако наряду с тем, что отдельно взятое слово не может являться «*galat*», в контексте оно может являться лексической ошибкой. Например, арабское слово во множественном числе *evlâd* (дети) вошло в употребление в турецкий язык в единственном числе — ребенок. Слова, относящиеся к «*galat*» могут представлять не только фонетические ошибки, но и семантические (неверное использование в предложении). Например, слово «*namahrem*», заимствованное из арабского языка, где «*mahram*» имеет значение «запрет», а «*na*» — частица «не», в турецком языке имеет значение «запрет», таким образом, при переводе с арабского на турецкий получается двойное отрицание, что является семантической ошибкой.

На сегодняшний день слова, относящиеся к «*galat-i meşhur*» не рассматриваются лингвистами как лингвистические или грамматические термины. Они трактуют неверное употребление слов как богатство турецкого языка. Однако «*galat-i meşhur*», не рассматриваемые современными лингвистами в качестве грамматических ошибок, десятилетиями служили темой дискуссий ученых

Османской империи. Османские просветители в одинаковой степени владели арабским, турецким и персидским языками. В повседневном общении они не выбирали только один язык для коммуникации, а говорили свободно на трех языках. В свою очередь в народе некоторые слова из арабского и персидского языка использовались неправильно, что рассматривалось учеными как необразованность. Издаваемые учеными труды по «galat-ı meşhur» имели цель исправить эту ситуацию.

Исследование по исправлению неправильного использования арабских и персидских заимствований отражена в материалах М.А. Качалина, считавший ее «напрасным трудом». Так, Качалин критикует подход исследователей, рассматривавших только арабские и персидские заимствования. По его мнению, ошибки в использовании иностранных слов содержатся также в заимствованиях из греческого, латинского, монгольского, китайского и других языков. Он полагает, что для исправления неверного употребления заимствованных из других языков слов османские ученые должны совершенно овладеть этими языками, а также, исправив ошибки, научить народ правильно использовать эти слова [7, с. 301].

Рассмотрим основные труды, написанные в период Османской империи по данной теме.

Книга шейх-уль-ислама Кемальпашазаде (1469–1534) «Risale-i Sakatat-ı Avam» (Рисале-и Сакатат-ы Авам)

Настоящее имя Кемальпашазаде — Шемседдин Ахмед. Он упоминается как Ибн Кемаль или Кемальпаоглу, названный в честь своего прадеда Кемаль Паши, служившего наставником Шехзаде Беязида (Беязида II). Кемальпашазаде, завоевавший любовь и уважение со стороны трех султанов, во время правления которых он жил и работал, был выдающимся разносторонним ученым-имамом в области тафсира, арабского права (фикх) и хадисов [9, с. 238]. Он был автором работ по истории, литературе, философии, филологии и медицине. Кемальпашазаде считается одним из величайших представителей османской науки и культуры первой половины XVI века.

Поскольку книга Кемальпашазаде «Risale-i Sakatat-ı Avam» была первым трудом, посвященным «Galat-ı Meşhur», она признана всеми лингвистами, работавшими над этой темой в османский и республиканский период, и служит для них первоисточником. Небольшая по содержанию она отражает отношение османских ученых к турецкому языку. Кроме того, согласно Хаяти Давели, данное произведение содержит оригинальное написание и значение заимствованных из арабского, персидского и других языков слов, в связи с чем его следует считать первым этимологическим словарем турецкого языка [5, с. 103].

При написании данного трактата Кемальпашазаде прежде всего обращал внимание на исходную форму арабских слов, неверно используемых турецким народом, однако он не придавал значения их фонетическим и семантическим изменениям.

Османские исследователи, работавшие после Кемальпашазаде, видели тему «galat-ı meşhur» актуальной, и считали обязательным написание пусть и не больших статей по данной теме.

Рассмотрим некоторые трактаты по «galat-ı meşhur», дошедшие до нас с османского периода.

Книга Эбуссууда Эфенди (1490–1574) ‘Sakatâtü’l avâm’ («Сакалатуль авам)

Эбуссууд Эфенди — ученый, представитель классической османской науки, живший и работавший во время правления четырех султанов Османской

империи, почти тридцать лет служил шейх-уль-исламом в период подъема империи [1, с. 167]. Эбуссууд Эфенди создал трактат «Sakatâtü'l avâm», посвященный «galat», наиболее распространенным в произношении и написании в османском турецком языке XIV–XVI вв.

В своем произведении, известном под названием «Sakatat-ı Avam», однако в оригинале называвшемся «Şeyhu'l İslam müfti'l-enam Ebu's-su'üd Efendi hazretlerinin Sakatat-ı Avam risalesi», Эбуссууд Эфенди представил довольно интересный список неверно используемых заимствованных слов, словосочетаний и выражений, указав при этом их оригинальное значение. В своем трактате Эбуссууд Эфенди рассматривает фонетические «galat», заимствованные из арабского языка и дает их правильное произношение. Оба варианта «galat» — ошибочный и «fasih» — правильный — дополняются огласовками. В данном произведении представлены оригинальные выражения с пояснениями согласно правилам арабского языка. Кроме того, в ней содержатся правила использования слов согласно фетве (решение муфтия в религиозных вопросах).

Некоторые примеры из трактата «Sakatâtü'l avâm»:

- правильно использовать *gyubet* (сплетни), неверно — *gaybet* (укрытие, скрывание);
- правильно использовать *Zü'l-fekâr* (название меча пророка), *Zü'l-fikar* (черный волос);
- правильно использовать *Müseylime* (имя лжепророка Мусайлима), ошибочно — *Müseyleme*;
- правильно использовать *Hille*, неверно — *hulle*;
- правильно использовать *Nezle*, неверно — *nazile*;
- правильно использовать *Dezgâh*, неверно — *destgah* [3, с. 195].

Книга «Galatat» Сырры-паша

Трактат был написан Сырры-пашой в 1886 г. и трижды переиздан при его жизни, что было довольно необычным для того периода. Автор создал трактат на основе произведения Ибни Кемаля, работая в должности губернатора Кастамону [8, с. 127]. В «Galatat» 103 наиболее употребительных заимствования из арабского языка были поделены на 3 категории. К первой категории относятся слова-галататы, допускаемые к употреблению; во вторую вошли слова, которые, хотя и не были признаны ораторами, все же получили широкое распространение. А третью составляют слова, абсолютно не рекомендуемые к употреблению.

Книга «Defter-i Galatat» (Дефтер-и Галатат) Али Сейди-бея (1870–1933)

Али Сейди-бей, являвшийся одним из последних писателей и политических деятелей Османской империи, известный своими словарями и трудами по истории, внес значимый вклад в развитие образования и просвещения Турции. Как и большинство мыслителей эпохи Мешрутийета, Али Сейди-бей был убежден в необходимости устранения недостатков в сфере образования и с этой целью написал более девяноста произведений. Особое внимание он уделял языку. Али Сейди стал автором различных словарей, а также, выступая против введения нового алфавита, выпустил небольшую книгу, где описал все последствия, которые повлечет за собой данное изменение [10, с. 443]. В своем произведении «Defter-i Galatat» Али Сейди подробно рассмотрел различия между словами (более 1500 единиц), используемыми в турецком языке, их синонимами и близкими по значению словами (700 единиц), а также их правильное использование. Данный трактат использовался в качестве источника лингвистами республиканского периода.

Книга Казаскера Мустафы Иззет-эфенди (1801–1976) «Tashîhu'l-galatât ve'l-muharrefât fi'l-esmâi ve'l-lugât»

В данном трактате на две категории были поделены 528 единиц, — слова, прочно вошедшие в турецкий язык и закрепившиеся в нем, а также слова, часто используемые, но все еще не закрепившиеся в языке. Мустафа Иззет-эфенди придерживался отличной от других просветителей Османской Империи позиции, полагая, что заимствованные слова, неверное произносимые и вошедшие в турецкий язык, звучат намного мелодичнее оригинала [4, с. 307].

Книга Шемседдина Сами (1850–1904) Kamus-ı Türki

Для того, чтобы обратить внимание читателей в этом словаре Шемсеттина Сами Фрашери рядом со словами были сделаны пометки, отличающие *Galatî Meşhur*. По подсчетам число галатат составляет 500 слов; из них более 200 слов абсолютно неверны в употреблении, остальная часть не рекомендована к использованию. Этот словарь имеет огромное значение для турецкой лексикографии и его автор, уделяя особое внимание культуре речи, довольно подробно затрагивает вопрос галатат. Для обозначения галатат и предупреждения ошибок он использует следующие формулировки: «абсолютно неверно»; «не рекомендуется употреблять в речи»; «слово-галат не арабского происхождения»; «арабское заимствование, никогда не употребляется в данном значении»; «использование в речи этого *Galat-ı fahiş* крайне неграмотно». Однако несмотря на все предупреждения Шемсеттина Сами, такие слова, как: *ahşap, davetiye, elbette, idrar, imha, muaf, muntazam, müessese, nezaket, sefil, sükünet, şafak, tamirat, tereke, tesadüf* — которые автор относит к *Galat-ı meşhur* — люди продолжают употреблять в речи [7, с. 302].

Книга Кемальпашазаде (Мехмед) Сауда Galatât-ı Tercüme

С юного возраста Саид-бей увлекался журналистикой, в Турции его считают основателем журналистики. Он начал свою деятельность в «*Tasvîr-i Efkâr'da*», работая вместе с Намыком Кемалем, затем перевелся в газету «*Âyîne-i Vatan*», а после стал главным редактором «Стамбульской газеты», публикуемой Филипом и Рюшдю [2, с. 549]. Саид-бей на протяжении двух лет дискутировал с Хаджи Ибрагимом-эфенди, заявлявшем о превосходстве арабского языка над другими. Он стоял на стороне чистоты турецкого языка. Выступая за упрощение и избавление от заимствований, Саид-бей заявлял: «Желающие говорить на арабском пусть отправляются к бедуинам. Желающие говорить на персидском, пусть отправляются в Иран. А мы — тюрки, нам нужен тюркский язык».

Кемальпашазаде (Мехмед) Саид с 1889 по 1906 г. работал над своим трактатом «*Galatât-ı Tercüme*», в котором рассматривал также ошибки в переводах с французского языка на турецкий.

Причиной заимствований из арабского и персидского языков в турецкий послужило принятие турками ислама в VIII в. Целью османских ученых, использовавших в речи арабские и персидские заимствования прежде всего, было исправление грамматических и синтаксических ошибок, вошедших в турецкий язык. Позже написание трудов о *Galat-ı Meşhur* среди османских просветителей являлось показателем высокого уровня владения арабским и персидским языками. Написанные во времена империи работы, посвященные лексике, которую определяют как *Galat-ı Meşhur*, оказались недостаточно эффективными в исправлении и устранении ошибок речи. *Galat-ı meşhur* не следует рассматривать как ошибки и проблемы современной лингвистики. Однако труды, посвященные *Galat-ı Meşhur*, служат важным источником для этимологических исследо-

ваний и заслуживают внимания ученых-филологов, занимающихся исследованием турецкого языка.

Список литературы

1. *Akgündüz Ahmet, Ebüssuûd Efendi*. Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, cilt 10. — İstanbul, 1994. — s. 367–371.
2. *Beyhan M. Ali, Said Bey*. Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, Cilt 35. — İstanbul, 2008. — s. 549–551.
3. *Dağlı Abdülkadir*. Ebüssuûd Efendi'nin Telafuz — İmla Üzerine Dikkatleri ve İki Risalesi, Turkish studies international periodical for the languages, literature and history of turkish or turkic. — Volume 3/6. — Fall 2008. — s. 186–214.
4. *Derman M. Uğur, Kazasker Mustafa İzzet*, Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, cilt 31. — İstanbul, 2006. — s. 307.
5. *Develi Hayati*. Kemalpaşadaze ve Ebüssuûd'un Galatat Defterleri, İlmi araştırmalar dergisi sayı 4. — İstanbul, 1997. — s. 99–125.
6. Güncel Türkçe Sözlük // Türk Dil Kurumu Başkanlığı: [сайт]. — URL: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_gts&arama=gts&kelime=galat%C4%B1me%C5%9Fhur&guid=TDK.GTS.5b9e7bf1dce772.03432161.
7. *Kaçalin S. Mustafa*. Galat, Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, cilt 13. — İstanbul, 1996. — s. 300–303.
8. *Kurnaz Cemal, Sırrı Paşa*. Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, cilt 37. — İstanbul, 2009. — s. 127–129.
9. *Turan Şerafettin, Kemalpaşazade*. Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, cilt 25. — İstanbul, 2002. — s. 238–240.
10. *Uzun Mustafa, Ali Seydi Bey*. Türkiye diyanet vakfı İslam ansiklopedisi, cilt 2. — İstanbul, 1998. — s. 442–445.

Ф.Д. Байрамов, Е.В. Ушакова

ТРУДОУСТРОЙСТВО И ЗАНЯТОСТЬ ИНВАЛИДОВ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РФ

ON DISABLED PEOPLE IN LAW ENFORCEMENT BODIES EMPLOYMENT

БАЙРАМОВ Фарман Джангир оглы — кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и процесса МГГЭУ (e-mail: bfarman@mail.ru)

УШАКОВА Екатерина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин и международного права МГГЭУ (e-mail: ushakova19@mail.ru)

BAYRAMOV Farman Dzhangir oglu, Candidate of Juridical Sciences, acting Department of Criminal Law and Procedure Chairman, Moscow State University of Humanities and Economic, Moscow (e-mail: bfarman@mail.ru)

USHAKOVA Yekaterina Vladimirovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at Department of «General Legal Disciplines and International Law», Moscow State University of Humanities and Economic, Moscow (e-mail: ushakova19@mail.ru)

***Аннотация.** В статье приведены основные международно-правовые акты и внутренние нормативно-правовые акты РФ, создающие механизм защиты прав инвалидов, а также проведен анализ действующего законодательства относительно возможности службы (работы) в государственных и негосударственных правоохранительных органах России лиц с инвалидностью.*

***Ключевые слова:** права инвалидов, служба инвалидов в правоохранительных органах, трудоустройство инвалидов, адвокатская деятельность.*

***Abstract.** The article investigates the main international legal acts and internal regulatory legal acts of the Russian Federation that create a mechanism for protecting the rights of persons with disabilities, and analyzes the current legislation regarding the possibility for persons with disabilities to work in state and non-state law enforcement bodies in Russia.*

***Keywords:** the rights of persons with disabilities, persons with disabilities in law enforcement agencies service, the employment of persons with disabilities, advocacy.*

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2016 г. в Российской Федерации насчитывалось 12 751 000 инвалидов, что составляло около 9% от общей численности населения России. Это немного меньше чем общемировой показатель (15%), однако тоже достаточно высокий [12].

В действующем российском законодательстве правовое регулирование труда инвалидов регламентировано несколькими законодательными актами. Среди них можно выделить следующие: Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [5] и Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. 29.12.2017) [6], в котором дается определение понятия «инвалид»: «Инвалид — лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты».

Российская Федерация, ориентируясь на достижения передовых стран, провозгласила себя правовым и социальным государством, привела конституцию страны и федеральное законодательство в соответствие с международными стандартами уважения прав человека. В первую очередь, это Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. [1], Декларация прав инвалида (1975 г.) [2], а также Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятые Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1993 г. [9] и др. Важным этапом развития международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов, несомненно, является принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. Конвенция о правах инвалидов [3], которая вступила в силу 3 мая 2008 г. Она характеризуется развитием и внедрением в международную практику специальных документов. В целом следует отметить, что международным сообществом проделана большая работа по созданию международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов, однако предстоит еще много сделать на пути совершенствования соответствующих механизмов реализации и ответственности стран [12].

Исходя из приведенных международных нормативно-правовых актов, перед страной все более актуальной становится задача реализации права инвалидов на труд, в том числе предоставление возможности работы в правоохранительных органах. Последнее обусловлено требованиями положений международных конвенций и договоров обеспечить доступ инвалидов к государственной службе. Улучшения положения в сфере занятости инвалидов очень важно как для общества и государства в целом, так и для самих инвалидов.

Как указывает В.Н. Зязин, трудовая деятельность имеет для инвалидов двойственную социально-экономическую природу. Во-первых, она является базой для достижения инвалидами приемлемого уровня жизни, поскольку государственные выплаты не позволяют им полностью компенсировать свои потребности и активно участвовать в жизни общества. Во-вторых, это важный элемент интеграции инвалидов в общество, который позволяет преодолеть их сегрегацию. Благодаря трудоустройству инвалиды больше ощущают себя частью общества, а другие члены общества — осознают роль инвалидов [13].

В России за последние десятилетия принят ряд законодательных актов о правах инвалидов. Особое значение для определения прав и обязанностей инвалидов, ответственности государства, частных лиц имеют федеральные законы: «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». И наконец, Федеральным законом от 03 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации конвенции о правах инвалидов» Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Эти нормативные акты определяют отношение

общества, государства к инвалидам, а также создают надежную правовую основу социальной защищенности инвалидов в России.

Реализация приведенных международно-правовых актов и норм внутригосударственного законодательства в части вовлечения людей с инвалидностью в полноценную общественно-политическую и трудовую деятельность подразумевает, в том числе, доступ этой категории населения к службе (работе) в судебных органах, государственных и негосударственных правоохранительных органах. Анализ федерального законодательства по данному вопросу показывает, что в целом формальных ограничений в данной области немного за исключением некоторых силовых структур.

Общей частью почти для всех федеральных законов, регулирующих вопросы службы и работы в судебных и правоохранительных органах, является положение о том, что гражданин РФ, претендующий на должности в указанных органах, должен быть способен по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на него служебные обязанности и не иметь заболеваний, препятствующих осуществлению служебных полномочий. Анализируя возможность занятости инвалидов в правоохранительных органах России, рассмотрим существующие в законодательстве ограничения по здоровью в отношении некоторых должностей, не требующих особой физической подготовки, которые могли бы занимать лица с инвалидностью.

Так, судьей в соответствии со ст. 4 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи, которые входят в соответствующий перечень, утвержденный Постановлением Совета судей РФ от 26 декабря 2002 г. № 78. Этот перечень включает в себя, в том числе, следующие заболевания:

- боковой амиотрофический склероз, рассеянный и диффузный склероз;
- дегенеративные заболевания с преимущественным нарушением когнитивных функций (болезнь Альцгеймера, Пика и др.);
- эпилепсия и эпилептические синдромы различной этиологии;
- нервно-мышечные заболевания со стойкими нарушениями функций;
- инсульт, последствия со стойкими двигательными и чувствительными нарушениями и расстройствами высших психических функций;
- болезни эндокринной системы со стойкими нарушениями функций;
- стойкое снижение слуха любой этиологии одно- и двустороннее (восприятие шепотной речи менее 3 метров) при невозможности его улучшения электроакустической коррекцией (подбор слуховых аппаратов до уровня восприятия шепотной речи не менее 6 метров);
- отсутствие зрения;
- алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.

Таким образом, из приведенного перечня видно, что для инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата, не отягощенных заболеваниями, входящими в вышеуказанный перечень, формальных запретов для работы на должности судьи не имеется. Кроме того, следует отметить, что эта должность не требует частых и длительных перемещений, что очень важно для инвалидов с ограниченной мобильностью.

Одной из важнейших структур в системе государственных правоохранительных органов РФ является прокуратура. Среди требований, предъявляемых к лицам, назначаемым на должности прокуроров, которые изложены в

ст. 40 и 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [6], имеется требования годности по состоянию здоровья. Постановлением Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 733 «О медицинском освидетельствовании лиц на предмет наличия (отсутствия) заболевания, препятствующего поступлению на службу в органы и учреждения прокуратуры РФ и исполнению служебных обязанностей прокурорского работника» [8], установлен перечень заболеваний, препятствующих поступлению на службу в органы и учреждения прокуратуры РФ. Приведем его здесь.

1. Органические, включая симптоматические, психические расстройства.
2. Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ.
3. Шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства.
4. Расстройства настроения.
5. Диссоциативная фуга.
6. Диссоциативный ступор.
7. Психогенный обморок.
8. Расстройства привычек и влечений.
9. Умственная отсталость.
10. Расстройства психологического развития.
11. Эпилепсия.
12. Эпилептический статус.
13. Активные формы туберкулеза.

Приведенный перечень указывает на то, что лица с инвалидностью, в том числе с нарушением опорно-двигательного аппарата, при отсутствии вышеуказанных заболеваний, вполне могут поступить на службу в органы и учреждения прокуратуры РФ. Практика показывает, что в органах прокуратуры в настоящее время работают лица с инвалидностью, причем некоторые из них занимают руководящие должности. Вместе с тем в указанном перечне нет таких заболеваний, как: отсутствие или стойкое снижение слуха, отсутствие зрения. Очевидно, что данное лицо не сможет надлежащим образом выполнять свои служебные обязанности.

Практически аналогичные требования по здоровью предъявляются к лицам Российской Федерации, принимаемым на службу в Следственный комитет РФ, и перечень заболеваний, препятствующих поступлению на службу, в данном случае аналогичен. Этот перечень определен постановлением Правительства РФ и здесь также нет таких нарушений, как: отсутствие или стойкое снижение слуха, отсутствие зрения и т.д. Естественно, что лица с такими нарушениями по объективным причинам не могут работать на должности следователя. Таким образом, в отношении этих лиц органы прокуратуры и подразделения Следственного комитета РФ не имеют формальных оснований отказать в приеме на службу.

Представляется, что во избежание спорных правовых ситуаций, связанных с трудоустройством инвалидов, Генеральной прокуратуре и Следственному комитету необходимо внести дополнения в соответствующие постановления Правительства. В ходе данного исследования в судебные и правоохранительные органы были направлены запросы о количестве работающих в этих органах инвалидах. Полученные ответы имели общий характер и оказались малоинформативными.

Далее рассмотрим законодательные требования, предъявляемые к лицам, занимающимся адвокатской деятельностью. Анализ законодательства показыва-

ет, что оно недостаточно отражает вопросы трудоустройства и занятости граждан-инвалидов. Данная область не освоена в теории и правоприменительной практике.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [7] адвокатом является лицо, получившее в установленном данным Законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Статус адвоката в РФ вправе получить лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное в имеющем государственную аккредитацию образовательном учреждении высшего профессионального образования, либо ученую степень по юридической специальности. Кроме того, необходимо иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании. Этим же законом установлены ограничения для лиц, претендующих на получение статуса адвоката. Не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности лица:

- признанные недееспособными или ограниченно дееспособными в установленном законодательством порядке;
- имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления.

Решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия адвокатской палаты субъекта РФ после сдачи квалификационного экзамена лицом, претендующим на приобретение статуса адвоката. Из вышеуказанного следует вывод о том, что ограничений по состоянию здоровья для получения статуса адвоката. В России по статистике число инвалидов, получивших статус адвоката не превышает 5%.

Анализ правового регулирования занятости инвалидов-адвокатов на примере Адвокатской палаты Московской области и Устава Адвокатской палаты Московской области от 23 октября 2002 г. (с изм. от 17.03.2006) показал наличие норм, регулирующих исключительно деятельность адвокатуры [11]. В данном Уставе имеет место пробел в вопросах, касающихся трудоустройства адвокатов, имеющих инвалидность.

Такая же ситуация с Кодексом профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изм. от 22.04.2013 г.) [10]. В документе отсутствуют специальные нормы, учитывающие особенности в вопросах занятости инвалидов, занимающихся адвокатской деятельностью. Все это еще раз подтверждает, что для получения инвалидами статуса адвоката формальных препятствий не существует. Однако на практике возникает другая проблема. Поскольку деятельность адвокатов связана с необходимостью самостоятельного сбора доказательств, различных сведений и, соответственно, посещения различных присутственных мест, то, например, у инвалида-колясочника могут возникнуть сложности в связи с отсутствием надлежащей безбарьерной среды. Трудно вести свою деятельность и в полной мере осуществлять защиту своих клиентов, так как здания многих судов, следственных органов, следственных изоляторов, полиции и т.д. не оборудованы специальными пандусами или другими техническими средствами. Тем не менее, есть примеры успешной деятельности адвокатов-инвалидов. Подтверждением этого являются истории двух Казанских незрячих адвокатов — Эдуарда Иванова и Булата Мутыгуллина, которые, несмотря на отсутствие зрения, смогли стать одними из успешных и востребованных людей в своем деле.

Вместе с тем есть примеры обратного характера. Так, в Московской коллегии адвокатов «Филиппов и партнеры» статус адвоката имеет инвалид 2 группы, который более 5 лет не занимается адвокатской деятельностью в связи с прохождением процедуры реабилитации. В настоящее время его статус приостановлен на основании ст. 16 ч. 1. подп. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» № 63-ФЗ от 31.05.2002 г. за неисполнение адвокатом более шести месяцев своих профессиональных обязанностей.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, необходимо совершенствование законодательства для исключения возможности допуска к службе в правоохранительных органах лиц, страдающих заболеваниями и зависимостями, несовместимыми с работой в данной области. При этом надо учитывать, что к конкретным должностям в правоохранительной сфере предъявляются различные требования по состоянию здоровья, зависит от вида работ. С другой стороны необходимо всемерно решать вопросы создания безбарьерной среды для свободного доступа к присутственным местам лиц с ограниченными возможностями передвижения. При соблюдении надлежащих условий служба и работа инвалидов в правоохранительных органах может быть весьма успешной и способствовать их социализации.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html>.
2. Декларация о правах инвалидов. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml.
3. Конвенция о правах инвалидов — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. — 31.12.2001. — № 256.
5. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 28.11.2015) «О прокуратуре Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. — 05.06.2002. — № 100.
8. Постановление Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 733 «О медицинском освидетельствовании лиц на предмет наличия (отсутствия) заболевания, препятствующего поступлению на службу в органы и учреждения прокуратуры РФ и исполнению служебных обязанностей прокурорского работника» // Собрание законодательства РФ. — 02.09.2013. — № 35. — Ст. 4519.
9. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml.
10. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изм. от 22.04.2013 г.) // Российская газета. — 2005. — № 222.
11. Устав Адвокатской палаты Московской области от 23 октября 2002 г. (с изм. от 17.03.2006) // Адвокатская палата. — 2003. — № 1. — С. 13.

12. *Хакимов Р.М.* Права инвалидов: правовое регулирование, механизмы защиты и реализации: монография. — М.: МГГЭУ, 2017. — С. 20.
13. *Зязин В.Н.* Социально-экономическая политика обеспечения занятости инвалидов: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2011. — С. 7.

**ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ) В КОНТЕКСТЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

**JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS
IN THE LIGHT OF THE LATEST PROCEDURAL INNOVATIONS**

ДЕХАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса МГГЭУ (e-mail: daad95@mail.ru)

DEKHANOV S.A. — Doctor of the Juridical Science, Professor of the Civil Law and Procedure, MGGEU (e-mail: daad95@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные изменения, вносимые в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ. Автор анализирует соотношение понятий «подведомственность» и «компетенция», описывает существующие модели и способы защиты прав предпринимателей в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, а также деятельность института Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, приводит данные исследований, показывающих отношение респондентов-экспертов к правоохранительным органам и необходимости реформирования способа комплектования судейского корпуса с учетом позитивного зарубежного опыта.

Ключевые слова: подведомственность, компетенция, арбитражные суды, суд общей юрисдикции, уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей.

Abstract. The article deals with the procedural changes introduced by the legislator in the Code of Civil Procedure, Arbitration Procedure Code, Code of Administrative Procedure. The author analyzes the relationship between the concepts of “jurisdiction” and “competence”, describes existing models and methods of protecting the rights of entrepreneurs in courts of general jurisdiction and arbitration courts, as well considers the activities of the institution of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation. The author shows the attitude of expert respondents to law enforcement agencies and the need to reform the way the judiciary is staffed taking into account positive foreign experience.

Keywords: jurisdiction, competence, arbitration courts, court of general jurisdiction, authorized under the President of the Russian Federation for the protection of the rights of employer (entrepreneurs).

Защита прав и охраняемых законом интересов предпринимателей осуществляется преимущественно в судебном порядке. Общее правило о компетенции (ранее — правило о подведомственности)¹ заключается в том, что суды общей

¹ Президент РФ подписал Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811280063?index=0&rangeSize=1>), который вносит существенные изменения в процессуальное законодательство и корреспондирующие — в ряд иных законодательных актов. Он вступает в силу со дня начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции (напомним, что решение о дне начала деятельности этих судов примет Пленум ВС РФ с официальным извещением не позднее 1 октября 2019 г.). Термин «подведомственность»

юрисдикции рассматривают все категории споров, за исключением тех, которые в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством отнесены к компетенции арбитражных судов.

Термин «подведомственность» исключается из Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК РФ), и Кодекса административного судопроизводства (далее — КАС РФ) и подлежит замене на термин компетенция. Идея о замене термина подведомственности на родственный термин компетенция не нова, специалисты уже давно отмечали, что институт подведомственности не вписывается в современное процессуальное законодательство и требует реформирования. Несмотря на то, что понятие и сам термин подведомственность исторически сложился в российском законодательстве, анализ судебной практики свидетельствует о достаточно часто возникающих спорах о подведомственности между субъектами российского процессуального права.

Стороны и их представители при подаче искового заявления [1, с. 73–77] нередко допускали ошибки при определении «подведомственности» и, как следствие, пропускали сроки на подачу искового заявления. В таком случае судья отказывал в принятии искового заявления или прекращал производство по делу, что препятствовало повторному обращению заявителя в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям. Право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ, нередко оказывалось под вопросом. По новым же правилам, если при рассмотрении дела в суде общей юрисдикции будет установлено, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 2.1. ст. 33 ГПК РФ).

По объему понятие подведомственность шире понятия компетенция. Подведомственность — это разграничение компетенций между различными органами, а компетенция представляет собой совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица. Таким образом, понятие подведомственность включает в себя компетенцию. Очевидно, законодатель руководствовался принципом упрощения, исключая термин подведомственности, в целях предотвращения споров о подведомственности. Наряду с заменой института подведомственности на институт компетенции в ГПК РФ были внесены и другие важные изменения. Одной из таких новаций является введение профессионального юридического представительства (представитель в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, а также законного представителя, должен иметь высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (ч. 2, ст. 49 ГПК РФ)). Систему судов общей юрисдикции ожидают и другие важные структурные изменения: создаются пять апелляционных и девять кассационных судов. Предусмотрена возможность создания постоянных судебных присутствий.

В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 06.03.2019) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

1. Систему судов общей юрисдикции в Российской Федерации составляют федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

(применительно к разграничению полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов) заменен термином «компетенция»/«подсудность» (в зависимости от контекста).

2. К федеральным судам общей юрисдикции относятся:
 - 1) кассационные суды общей юрисдикции;
 - 2) апелляционные суды общей юрисдикции;
 - 3) верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов;
 - 4) районные суды, городские суды, межрайонные суды (далее — районные суды);
 - 5) военные суды, полномочия, порядок образования и деятельности которых устанавливаются федеральным конституционным законом;
 - 6) специализированные суды, полномочия, порядок образования и деятельности которых устанавливаются федеральным конституционным законом.
3. К судам общей юрисдикции субъектов Российской Федерации относятся мировые судьи.

В пределах своей компетенции мировые суды могут рассматривать споры с участием предпринимателей при цене иска, не превышающей пятьдесят тысяч рублей, дела по имущественным спорам при цене иска, не превышающей превышающей ста тысяч рублей; другие дела, перечисленные в ст. 23 ГПК РФ, за исключением иных дел, возникающих из семейно-правовых отношений и дел об определении порядка пользования имуществом, а также дела, связанные с выдачей судебного приказа. Все иные споры рассматривают районные (городские) суды.

По общему правилу, в судах общей юрисдикции рассматриваются споры с участием предпринимателей только тогда, когда спор возник из семейных, жилищных, земельных и иных правоотношений не связанных с осуществлением предпринимательской (экономической) деятельности. Помимо этих общих, универсальных оснований, в судах общей юрисдикции рассматриваются дела с участием предпринимателей, по спорам:

- о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам на предъявителя или ордерным ценным бумагам;
- о совершенных нотариальных действиях либо в отказе от совершения нотариальных действий.

Проблемными для предпринимателей являются сложившиеся подходы правоохранительных органов к уголовно-правовой квалификации предпринимательской деятельности. Так, по данным социологических исследований, доля респондентов-экспертов, считающих, что российское законодательство не предоставляет достаточных гарантий для ведения бизнеса в России составляет в 2019 г. 70,7%. Продолжает расти доля респондентов, не доверяющих правоохранительным органам (66,7%), более половины экспертов (55,5%) не доверяют судебным органам. В этой сфере ситуация настолько обострилась, что Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей объявил о намерении создать «черный список» российских судей. Для реализации данного проекта планируется сформировать «специальную экспертную группу, которая будет оценивать судебские решения» [4], указывать на очевидные пробелы в правоприменительной практике, и фактически показывать пальцем на тех, кто принимает такие решения, то есть формировать список судей, в решении которых экспертами усматриваются существенные нарушения [6].

Вышеназванные проблемы с неизбежностью ставят перед государством, обществом и судебной системой поиск новой более эффективной модели фор-

мирования судейского корпуса. Возможно, настало время еще раз обратиться к изучению зарубежного опыта. Принято считать, что наибольший авторитет правосудие заработало в Англии. По мнению Р. Леже, существует несколько доводов, объясняющих данный факт. Прежде всего, — незначительная роль в сфере осуществления правосудия всех иных властей, кроме судебной. «Исполнительная власть не может уклоняться от выполнения определенных задач в сфере отправления правосудия. Но принятые ею решения явились весьма благоприятными для поддержания доминирующей роли судей» [3, с. 66].

Следует также принять во внимание *относительное* единство корпуса юристов, возглавляемого судьями. Не все юристы обладают равным статусом, но в своей совокупности они вызывают ощущение единства. Английские судьи — это, прежде всего, весьма преуспевшие барристеры, которые в силу своих профессиональных и человеческих качеств назначаются Королевой по представлению лорда-канцлера для осуществления судебных функций. Их независимость гарантируется привилегированным статусом, высоким вознаграждением и традиционным уважением в английском обществе. Число судей Верховного суда (судьи Высокого суда и апелляционные судьи) все еще является весьма ограниченным. Но именно этим судьям, составляющим элитный корпус, английское право обязано своим характером и неизменностью своего высокого качества.

Несмотря на выдающуюся роль судей в жизни немецкого общества, которую заложил Основной закон ФРГ 1949 г., следует констатировать, что германское правосудие является более приближенным к французскому, чем к английскому. Корпус юристов в этих странах не является однородным, что не может не оказывать негативного влияния и на всю судебную систему в целом. Однако данное обстоятельство, очевидно, продиктовано как во Франции, так и в Германии политическим выбором.

В 2016 г. было принято Постановление Пленума Верховного суда РФ № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», регламентирующее особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Постановление стало результатом полугодовой деятельности рабочей группы, в которую, наряду со специалистами Верховного Суда входили представители правоохранительных органов, научных кругов, крупнейших деловых объединений страны, а также эксперты института Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Основные положения, которые удалось согласовать сторонам при обсуждении постановления.

- 1) если подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного статьями 159–159.6, 160, 165 УК РФ, является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, к нему не может быть применена такая мера пресечения, как содержание под стражей;
- 2) усложняется процедура перевода гражданско-правовых споров в сферу уголовного права.

Данное положение постановления проясняет вопрос с доказанностью умысла на хищение при неисполнении хозяйственного договора (от этого обстоятельства зависит, будет конфликт между сторонами трактоваться в рамках гражданского или уголовного права). «О наличии у лица прямого

умысла с очевидностью должны свидетельствовать имеющиеся по делу доказательства, — гласит документ. — К ним могут относиться, в частности, обстоятельства, указывающие на то, что у лица фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательства; наличие неисполненных обязательств по ранее заключенным договорам и сокрытие данных обстоятельств от участников договора; распоряжение денежными средствами, полученными от стороны договора, в личных целях; использование при заключении договора фиктивных уставных документов, гарантийных писем и другие. При этом каждое из указанных обстоятельств в отдельности само по себе не может свидетельствовать о наличии умысла на совершение преступления, а выводы суда о виновности лица должны быть основаны на оценке всей совокупности доказательств»;

- 3) Пленум обязал судей фиксировать процессуальные нарушения со стороны следствия.

Если при судебном рассмотрении уголовного дела о преступлении, совершенном в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания или предварительного следствия, суд в частном определении или постановлении должен обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушения закона, требующие принятия необходимых мер [4].

Большинство экономических споров рассматривается арбитражными судами, являющимися составными звеньями судебной системы Российской Федерации. В настоящее время арбитражные суды формируются и осуществляют свою деятельность на основании Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», а порядок рассмотрения споров арбитражными судами регламентирован Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Следует заметить, что Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в АПК РФ» внесены также существенные изменения.

Так же как и в ГПК РФ, в АПК РФ «подведомственность» заменяется понятием «компетенция суда» (ст. 27, 256.2, ч. 1 ст. 33 и др. АПК РФ); изменяется порядок разрешения отвода судьи арбитражного суда (п. 2 ст. 25 АПК РФ); арбитражный судья наделяется правом определять продолжительность выступления стороны в суде (подп. 8 п. 2 ст. 153 АПК РФ; п. 4.1. ст. 154 АПК РФ); апелляционные жалобы на определения арбитражного суда первой инстанции арбитражных судов будут рассматриваться единолично, за исключением определений по делам о банкротстве (п. 1 ст. 266 АПК РФ); важные изменения касаются представительства в арбитражных судах. Теперь для представителей требуется наличие высшего юридического образования, либо ученой степени по юридической специальности (ч. 3 ст. 59 АПК РФ); изменились требования к процессуальным документам и процедуре их подачи и получения; вносятся изменения в отношении заключения мирового соглашения (п. 8 ст. 141 АПК РФ); произошло увеличение срока рассмотрения арбитражного дела с 3 месяцев до 6 месяцев (ст. 152 АПК РФ); увеличен срок для подачи замечаний на протокол с 3-х дней до 5-ти дней (п. 7 ст. 155 АПК РФ); увеличиваются судебные штрафы, которые судья может налагать на граждан и должностных лиц (ст. 119

АПК РФ); увеличивается цена иска по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства (ст. 227 АПК РФ): с 500 тыс. до 800 тыс. — для юридических лиц и с 200 тыс. до 400 тыс. — для индивидуальных предпринимателей и т.д.

Проблема компетенции арбитражных судов является весьма сложной. Для ее решения необходимы четкие объективные критерии разграничения компетенции между общими и арбитражными судами. В юридической литературе нет единого мнения по данному вопросу. Большинство авторов признают в качестве критериев разграничения компетенции общих и арбитражных судов:

- субъектный состав участников спора;
- характер спорного правоотношения.

Некоторые авторы в качестве второго критерия называют не характер спорного правоотношения, а характер деятельности субъекта.

Действовавшее ранее законодательство выделяло две группы споров, подлежащих рассмотрению в арбитражных судах — экономические споры (ст. 20) и споры, возникающие в сфере управления (ст. 22). Установление подсудности дел конкретным арбитражным судам сейчас производится по субъектному составу, по предмету спора и по месту нахождения ответчика или спорного имущества. В зависимости от рода дел, подлежащих рассмотрению и их отношения к определенной территории, на которой действует тот или иной суд, подсудность делится на родовую и территориальную. При помощи родовой подсудности определяется арбитражный суд того уровня системы арбитражных судов, который должен принять конкретное дело к своему производству в качестве суда первой инстанции.

Таким образом, следует отметить очередное обновление российского процессуального законодательства и выразить надежду, что оно будет способствовать созданию более эффективной модели правосудия.

Список литературы

1. Деханов С.А. Иск как универсальное средство защиты гражданских прав // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 6 (7). — С. 73–77.
2. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. — М.: Волтерс Клувер, 2009.
3. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811280063?index=0&rangeSize=1> (дата обращения 11.09.2019).
4. КонсультантПлюс [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/ (дата обращения: 11.09.2019).
5. Бизнес-Омбудсмен [сайт]. — URL: <http://ombudsmanbiz.ru/sudebnaja-prak-tika/#> (дата обращения 19.09.2019).
6. Facebook [сайт]. — URL: <https://www.facebook.com/boris.titov.92/posts/2475724885826634> (дата обращения 18.09.2019).

Р.Ю. Доля

МУЗЫКОТЕРАПИЯ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ПСИХИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ

MUSIC THERAPY IN WORKING WITH CHILDREN WITH MENTAL DISABILITIES

ДОЛЯ Руслан Юрьевич — аспирант кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (e-mail: dolya_rus@mail.ru)

DOLA Ruslan Yuryevich — Postgraduate Student, Department of Social Work, Belgorod State National Research University

Аннотация. Проблема применения музыкотерапии в профилактике и лечении детей с психическими отклонениями является актуальной междисциплинарной проблемой. В статье проводится анализ опросов 2017 и 2019 годов, посвященных изучению динамики представлений экспертов об использовании музыкальной терапии в работе с детьми с психическими отклонениями. Объект исследования — музыкотерапия лиц, имеющих отклонения в психическом здоровье. Предметом данного исследования являются дети с психическими отклонениями, обучающиеся в музыкальной школе. В статье исследуется реальные представления специалистов об использовании музыкальной терапии в работе с детьми с психическими отклонениями. Используется экспертный опрос и гнездовая выборка. Исследование показало — насущной является проблема внедрения практик музыкальной терапии в музыкальную школу в частности и в общеобразовательные учреждения в целом.

Ключевые слова: музыкотерапия, дети с психическими отклонениями, культурная социализация, общеобразовательное учреждение, арт-терапия, адаптация, психотехнология.

Abstract. The problem of the use of music therapy in the prevention and treatment of children with mental disabilities is a topical interdisciplinary problem. The article analyzes the surveys in 2017 and 2019 years, dedicated to the study of the dynamics of representations of teachers and music teachers, social workers, psychotherapists and psychologists about the use of music therapy in the work with children with mental disabilities. Subject of research — experts presenting music and psycho-pedagogical knowledge about the use of music therapy in the work with children with mental disabilities. The object of research — the use of music therapy in the work with children with mental disabilities. Work task — to identify perceptions of experts about music therapy, used in work with children having mental health problems. In the article the actual representation of experts on the use of music therapy in the work with children with mental disabilities. Uses an expert survey and cluster sampling. Research has shown — pressing is the problem of the

introduction of music therapy practice in a music school in particular and educational institutions in general.

Keywords: *music therapy, children with mental disabilities, cultural socialization, educational institution, art therapy, adaptation, psycho.*

Введение

Проблема культурной социализации детей с психическими отклонениями в музыкальной школе неизбежно связана с такими практиками успешной адаптации ребенка с особыми качествами, как музыкотерапия [1, с. 92–93]. Без сомнения, музыка обладает огромным потенциалом не только адаптационного характера, но и удивительными способностями оздоровления организма [2, с. 47].

Как известно, структура мозга ребенка, тем более переживающего психические отклонения, обладает устойчивой чувствительностью к различного рода внешним воздействиям [20, с. 35–36]. Музыка же осуществляет воздействие, как минимум, на нескольких уровнях: на физическом (который выражается в использовании вибрации и ритмических рисунков), на эмоциональном (поскольку музыкальные композиции воздействуют на эмоции и чувства, а также участвуют в их перенаправлении) [15, с. 237]. Музыка сегодня, как правило, реализует интегративную (способствует гармонизации мыслительных и психических процессов), либо дезинтегративную функции (способствует их разобщению), при этом нередко являясь частью современной аудиовизуальной культуры, которую наилучшим образом сегодня репрезентирует мейнстрим-кинематограф и видеокультура [4, с. 107]. Специалисты в области психотехнологий удачно используют чувствительность детского организма по назначению, т.е. стремятся к купированию очагов неправильной работы психики и органов, стараясь при этом как можно скорее добиться снятия тревожных эмоциональных всплесков деструктивного характера [14, с. 49], но также при неверном подборе или одинаковости произведений может вызвать деградацию процессов развития.

Вместе с тем применение музыкотерапии как одного из ведущих методов арт-терапии требует уточнений и корректировки [3, с. 122–123], тем более, если речь идет о такой сложной группе риска, как дети с психическими отклонениями.

Объект исследования — музыкотерапия лиц, имеющих отклонения в психическом здоровье. Предметом данного исследования являются дети с психическими отклонениями, обучающиеся в музыкальной школе. Целью данной работы явилось выявление представлений специалистов о музыкотерапии, применяемой в работе с детьми, имеющими психические отклонения.

Материалы и методы

Методологический исследовательский фундамент работы демонстрирует следующие материалы:

во-первых, это данные баз медицинской статистики, представляющие уровни федеральный и региональный. Они содержат параметры применения музыкотерапии как в социализирующей работе с несовершеннолетними в общем, так и с детьми, имеющими психические отклонения, в частности;

во-вторых, результатами авторского пилотного социологического исследования, акцентированного на изучении особенностей применения музыкотера-

пии в практической работе с несовершеннолетними, имеющими психические отклонения. Исследование предполагало получение результатов, которые будут применены в работе с несовершеннолетними в интересах их культурной социализации. Акцент делался на возможностях коррекции их психических отклонений в условиях музыкальной школы. Исследование имело повторный характер. Впервые оно проведено в 2017 г., а затем в 2019 г. в 3-х детских музыкальных школах Белгородской области. В исследовании использован метод анкетного опроса экспертов, которыми были преподаватели музыки, социальные педагоги, детские психологи, психотерапевты ($n = 45$ в 2017 г.; $n = 84$ в 2019 г.). При подборе экспертов использована гнездовая выборка. Обработка и анализ первичных данных проводилась при помощи пакета программ SPSS for Windows. Поскольку исследования подобной тематики проводятся учеными достаточно редко, в данном случае оба этапа имели характер пилотного. После проведения первого этапа (в 2017 г. инструментарий был незначительно поправлен, т.е. в содержание анкеты были внесены небольшие изменения). Для соблюдения этических принципов исследований, в которые вовлечены дети, к работе были привлечены их родители. От родителей были получены согласия. Кроме того, они стали посредниками между социологом и экспертами;

в-третьих, вторичным анализом данных, полученных авторами аналогичных исследований, проводимых в нашей стране. В первую очередь, это работа Д.В. Босова «Мейнстрим-кинематограф как фактор формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи» [4].

Результаты

В целом опрошенные реципиенты показали, что знакомы с методом музыкотерапии. По крайней мере, лишь 6% из них ничего не слышали о данном направлении арт-терапии. (см. рис. 1).

Причем динамика представлений показала, что экспертная группа реципиентов 2017 г. была в меньшей степени знакома с музыкотерапевтическим знанием, поскольку группа профессионалов от музыкального и психолого-педагогического знания уже в 2019 г. продемонстрировала 6% вместо 9%, представленных лишь два года назад. (см. табл. 1).

Рис. 1. Знакомство экспертов с музыкотерапией

Таблица 1

Профессиональный аспект знакомства с музыкотерапией

№	Профессия и должность	Уровень знакомства с музыкотерапией	
		2017	2019
1.	Социальные педагоги	98%	100%
2.	Преподаватели и учителя музыки	7%	6%
3.	Психотерапевты	100%	100%
4.	Психологи	100%	100%

Также выявляется, что менее всего с музыкотерапией знакомы сами преподаватели музыки [7, с. 80–81]. Это объясняется тем, что специалисты из области психолого-педагогического знания проходят регулярные курсы повышения квалификации, участвуют в работе научных и научно-практических конференций, круглых столов, симпозиумов и специализированных мастер-классов, на которых слушателей и зрителей знакомят с направлениями перспективной в наше время арт-терапии (см. табл. 2).

Таблица 2

Факторы, повлиявшие на знакомство экспертов с музыкотерапией

№	Факторы повлиявшие на знакомство с музыкотерапией	Уровень знакомства с музыкотерапией	
		2017	2019
1	Самообразование	42%	44%
2	СМИ	12%	23%
3	Общение с коллегами	30%	46%
4	Научные и научно-практические мероприятия (конференции, круглые столы, симпозиумы и т.п.)	86%	100%
5	Специализированные мастер-классы	92%	100%
6	Курсы повышения квалификации	94%	99%

Вопрос о применении музыкотерапии в работе с детьми, которые страдают психическими отклонениями, вызвал у экспертов поливариантные ответы. Детальное рассмотрение показало, что в данном случае больше всего

музыкотерапию практикуют психотерапевты и психологи, в меньшей степени — социальные педагоги и, наконец, почти не используют преподаватели и учителя музыки (см. рис. 2).

Динамические процессы в ключе развития применения музыкотерапии в практике работы с детьми, страдающими психическими отклонениями, выявляют изменение сложившейся ситуации к лучшему: музыкотерапевтический багаж, состоящий из знаний, умений и навыков, используется здесь все чаще по причине все большего распространения арт-терапевтических практик как эффективных психотехнологий для лечения и профилактики психических заболеваний и неврозов [8, с. 179–180; 9, с. 87; 22, р. 710–711].

Рис. 2. Использование экспертами музыкотерапии в работе с детьми с психическими отклонениями

Так, например, эксперты в 2017 г. продемонстрировали следующие результаты (см. рис. 3):

Динамические процессы в ключе развития применения музыкотерапии в практике работы с детьми, страдающими психическими отклонениями, выявляют изменение сложившейся ситуации к лучшему: музыкотерапевтический багаж, состоящий из знаний, умений и навыков, используется здесь все чаще по причине все большего распространения арт-терапевтических практик как эффективных психотехнологий для лечения и профилактики психических заболеваний и неврозов [8, с. 179–180; 9, с. 87; 22, р. 710–711].

Так, например, эксперты в 2017 г. продемонстрировали следующие результаты (см. рис. 3).

Рис. 3. Использование музыкотерапии в работе с детьми с психическими отклонениями. Экспертный опрос 2017 г.

Рис. 4. Использование музыкотерапии в работе с детьми с психическими отклонениями. Экспертный опрос 2019 г.

Экспертный опрос в 2019 г. показал повышение интереса к музыкотерапии в практике специалистов (см. рис. 4).

Представленные данные говорят о том, что за два года применение на практике методов музыкотерапии в работе с детьми с психическими отклонениями интерес преподавателей музыки и социальных педагогов однозначно вырос. Это связано с пропагандой музыкотерапии как психотехнологии арт-терапевтического знания [10, с. 48–49], все чаще используемой в работе

с детьми, диагнозы которых подтверждают наличие психических отклонений [10, с. 203; 11, с. 50–51].

К основным детским психическим расстройствам, на которых и базируются отклонения, специалисты чаще всего относят следующие: умственную отсталость и задержку развития; синдром дефицита внимания; аутизм; «взрослые» психические расстройства (маниакальные состояния, шизофрения, синдром Туретта и др.) [5, с. 9; 6, с. 103; 12, с. 15–16; 18, с. 72; 19, с. 109–110; 21, с. 120–122].

Таблица 3

Основные психические отклонения у детей в представлении экспертов

	Социальные педагоги	Преподаватели и учителя музыки	Психотерапевты	Психологи
Умственная отсталость, задержка развития	73%	59%	98%	95%
Синдром дефицита внимания	58%	35%	89%	91%
Аутизм	69%	42%	100%	100%
«Взрослые» психические расстройства (маниакальные состояния, шизофрения, синдром Туретта)	68%	22%	99%	95%

Предложенные вопросы, связанные с определением основных психических отклонений у детей, также привели к поливариантным ответам. (см. табл. 3).

В данном случае, как и прежде наибольшую результативность в идентификации детских психических отклонений показали психологи (91–100%) и психотерапевты (89–100%). Преподаватели и учителя музыки продемонстрировали наиболее низкие результаты (22–59%), что говорит о насущной проблеме внедрения практик музыкальной терапии в музыкальную школу в частности и в общеобразовательные учреждения в целом [16, с. 72; 17, с. 106].

На вопрос о том, какие именно формы и приемы музыкотерапии эффективны для профилактики и лечения психических отклонений у детей исследование получило следующие ответы.

Среди форм музыкотерапии эксперты перечислили: рецептивную (пассивную) музыкотерапию, активную музыкотерапию и интегративную музыкотерапию (см. табл. 4).

Формы музыкотерапии в большей степени известны психотерапевтам, нежели другим представителям реципиентной группы [13, с. 109; 23, р. 41–41; 24, р. 11]. Это объяснимо тем, что именно психотерапевты — основные практики музыкотерапии в силу своей профессиональной деятельности.

Выводы

Результаты анализа представлений специалистов об использовании и применении музыкальной терапии в практической работе с детьми, обладающими такими ограничениями возможностей здоровья, как психические отклонения

показали следующее. В целом опрошенные реципиенты показали, что знакомы с методом музыкотерапии и лишь 6% из них ничего не слышали о данном направлении арт-терапии, причиной чему явилось то, что именно преподаватели музыки менее всего знакомы с музыкальной терапией. Динамика представлений показала, что за два года с 2017 по 2019 гг. распространение знаний о применении музыкотерапии улучшилось посредством научных и научно-практических мероприятий, а также специализированных мастер-классов, регулярных курсов повышения квалификации. Именно данные процессы проявились в качестве ведущих факторов, повлиявших на знакомство экспертов с музыкотерапией.

Вопрос о применении музыкотерапии в работе с детьми, которые страдают психическими отклонениями, вызвал у экспертов поливариантные ответы: больше всего музыкотерапию практикуют психотерапевты и психологи, в меньшей — социальные педагоги и почти не используют преподаватели и учителя музыки. Налицо повышение интереса к музыкотерапии в практике специалистов, что наглядно показал сравнительный анализ данных экспертных опросов 2017 и 2019 гг. Преподаватели и учителя музыки продемонстрировали наиболее низкие результаты в идентификации детских психических отклонений (22–59%), что говорит о насущной проблеме внедрения практик музыкальной терапии в музыкальную школу в частности и в общеобразовательные учреждения в целом. Несмотря на то, что далеко не все специалисты используют музыкотерапию в работе с детьми с психическими отклонениями, тем не менее в целом эксперты знакомы с основными формами музыкотерапии: рецептивной (пассивной) музыкотерапии, активной музыкотерапии и интегративной музыкотерапии.

Список литературы

1. Адорно Т. Социология музыки / Т. Адорно. — М.: Университетская книга, 1999. — 445 с.
2. Арт-терапия — новые горизонты / под ред. А.И. Копытина. — М.: Когито-Центр, 2006. — 336 с.
3. Бетенски М. Что ты видишь? Новые методы арт-терапии / М. Бетенски. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 251 с.
4. Босов Д.В. Мейнстрим-кинематограф как фактор формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук / Д.В. Босов. — СПб., 2017. — 196 с.
5. Босов Д.В. Отечественный мейнстрим-кинематограф и студенческая молодежь / Д.В. Босов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — Т. 2. — № 2 (62). — С. 7–11.
6. Волкова О.А., Босов Д.В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах / О.А. Волкова, Д.В. Босов // Женщина в российском обществе. — 2018. — № 3. — С. 97–103.
7. Ворожцова О.А. Музыка и игра в детской психотерапии / О.А. Ворожцова. — М.: Институт Психотерапии, 2004. — 88 с.
8. Котышева Е.Н. Музыкальная психологическая коррекция в процессе реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья / Е.Н. Котышева // Омский научный вестник. — 2009. — №2(76). — С. 179–182.
9. Менегетти А. Музыка души. Введение в музыкотерапию / А. Менегетти. — СПб.: Паллада, 1992. — 88 с.

10. Михайлова Л.И. Социология культуры / Л.И. Михайлова. — М.: Дашков и Ко, 2006. — 344 с.
11. Морено Дж. Индивидуальная музыкальная импровизация / Дж. Морено // Музыкальная психология и психотерапия. — 2011. — №3. — С. 48–57.
12. Оленская Т.Л., Марченко А.А., Шебеко Л.Л., Врагов А.В., Марченко Е.А. История и современные тенденции музыкотерапии / Т.Л. Оленская, А.А. Марченко, Л.Л. Шебеко, А.В. Врагов, Е.А. Марченко // Здоровье для всех. — 2015. — № 2. — С. 15–21.
13. Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия: теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.И. Петрушин. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 176 с.
14. Петрушин В.И. О принципе моделирования эмоций в музыке / В.И. Петрушин // Музыкальная психология и психотерапия. — 2008. — №1. — С. 40–54.
15. Рапацкая Л.А. Технологии музыкотерапии как средство общего оздоровления детей с задержками психического развития / Л.А. Рапацкая, М.Н. Бученкова // Вестник КГУ им. Некрасова. — 2010. — №4. — С. 235–240.
16. Свирепо О.А. Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О.А. Свирепо, О.С. Туманова. — М.: Институт Психотерапии, 2004. — 270 с.
17. Современные технологии социально-культурной деятельности / под науч. ред. проф. Е.И. Григорьевой. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Тамбов: Першина, 2004. — 511 с.
18. Успенский В.М. Нерешенные проблемы музыкотерапии / В.М. Успенский // Музыкальная психология и психотерапия. — 2011. — №3. — С. 69–79.
19. Халявина Т.Г. Психокоррекционное воздействие музыки на детей с задержкой развития / Т.Г. Халявина // Музыкальная психология и психотерапия. — 2008. — №2. — С. 105–111.
20. Шушарджан С.В., Шушарджан Р.С., Еремина Н.И. Обоснование рефлкторно-резонансной теории акустических воздействий и перспективы использования технологий музыкальной терапии / С.В. Шушарджан, Р.С. Шушарджан, Н.И. Еремина // Вестник восстановительной медицины. — № 3 (31). — 2009. — С. 34–37.
21. Элькин В.М. Чудо музыки / В.М. Элькин // Музыкальная психология и психотерапия. — 2008. — №2. — С. 118–131.
22. Boso M. Effect of long-term interactive music therapy on behavior profile and musical skills in young adults with severe autism / M. Boso // Journal of Alternative and Complementary Medicine. — 2007. — №13 (7). — P. 709–712.
23. Edgerton C.L. The effect of music therapy on the communicative behaviours of autistic children / C.L. Edgerton // Journal of Music Therapy. — 1994. — №31(1). — P. 31–62.
24. Woodward A. Music therapy for autistic children and their families: a creative spectrum / A. Woodward // British Journal of Music Therapy. — 2004. — №18(1). — P. 8–14.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

PROBLEM OF PERSONALITY IN INFORMATION AGE

НИКУЛИНА Елена Эдуардовна — соискатель кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (e-mail: helenika12don@gmail.com)

NIKULINA Elena Eduardovna — Applicant for the Department of Philosophy, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky (e-mail: helenika12don@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные источники научного оформления процесса трансформации современного человечества в новую информационную эпоху, указывая системные риски постиндустриальной глобализации, обозначаются глобализационные детерминанты и дифференцируются актуальные проблемы развития информационной цивилизации, ставится вопрос формирования методологических подходов к изучению проблем человека и общества, порождаемых данными процессами.

Ключевые слова: информационная эпоха, глобализация, информационная цивилизация, информационное общество, человек, личность, методология.

Summary. In the article discusses the conceptual sources of the scientific design of the process of transformation of modern mankind in the new information age, indicating the systemic risks of post-industrial globalization, identifies globalization determinants and differentiates the actual problems of the development of information civilization, raises the question of the formation of methodological approaches to studying the problems of man and society generated by these processes.

Keywords: information age, globalization, information civilization, information society, persona, personality, methodology.

Актуальность. Столетие, в связи с трансформацией человечества в новую информационную эпоху своего существования, характеризуется сложными динамическими, глобальными и интеграционными процессами, не исключая проблем национального суверенитета для субъектов истории, угроз и выводов национальной безопасности со стороны глобализации. В этих условиях в современной науке актуализируется поиск новых методологических принципов, подходов и решений для упреждения негативных глобализационных выводов, угроз и последствий. Изменяется место и роль человека в этих процессах.

В связи с этим цель работы — анализ и изучение общей характеристики происходящей информационно-компьютерной трансформации человечества на глобальный уровень и отражение этих процессов в специальной научной литературе. Задача исследования — рассмотреть методологические аспекты рождающихся социальных проблем и проблем личности.

Конкретно-исторический анализ эпохи и концептуальный обзор литературы. Динамика современного человечества характеризуется его трансформацией на новый уровень своей эволюции — в информационную эпоху. Этому способствует последний этап развития научно-технической революции — информационно-компьютерный. Человечество вступило в эпоху тотальной ин-

форматизации и компьютеризации всех сфер существования. По мнению западных социологов, кибернетиков, IT-специалистов — этот путь цивилизованный, общепланетарный и с выходом в космическое пространство.

В западной социологической литературе идентификация информационного века была широко представлена в ряде концепций. Так. Г. Лихтхейм обозначил будущее общество «постбуржуазным», Р. Дарендорф — «посткапиталистическим», А. Этциони — «постмодерным», К. Боулдинг — «постцивилизационным», Г. Кан — «постэкономическим», С. Ольстром — «постпротестантским», Р. Сейденберг — «постисторическим» обществом. Затем Р. Барнет прибавил прагматическую ноту — «постпетролеум общество». Но все эти эпитеты были отброшены в прошлое одной фразой Д. Белла: «постиндустриальное общество» [9, с. 25].

В конце XX века по всему миру прошли международные конференции, утверждающие техногенный вектор развития человечества. В Торонто, Нью-Йорке, Кембридже, ЮАР, Москве, Санкт-Петербурге прошел ряд международных форумов по проблемам будущего современной человеческой цивилизации. В 2000 г. странами «Большой восьмерки» была принята «Окинавская хартия», в которой излагалась общая программа вступления человечества в грядущий информационный век и построения нового информационного общества с единой культурой, образом жизни, ценностями, где единственным ключом в будущее будут являться знания, наука и новейшие технологии и этот путь — безальтернативный. В Хартии высказывалось предупреждение всем странам мира: если какая-либо страна не успеет понять эти процессы и встроиться в них, она обязательно останется за пределами этого глобально-цивилизационного процесса с перспективой либо исчезнуть с карты мира (как неспособный к развитию субъект), либо стать сырьевым их придатком. Эта ситуация — вопрос жизни и смерти для каждого государства [1, с. 235]. Идея «информационного общества» обновила и вдохнула новые силы в теорию «постиндустриального общества».

На сегодняшний день развитие информационного общества составляет конкретно-историческое условие существования современного мира. Новые технологии, действительно, изменили образ жизни всего человечества. Однако, нельзя не заметить и того факта, что мировой техногенез с еще большей силой ставит традиционные для нашей отечественной методологии исследования вопросы и проблемы: социальные последствия глобальных изменений; проблемы выживания человека в них; структурно-функциональные изменения в культурах всех народов планеты, а самое главное — вопросы о личностных изменениях человека. Думаем, что это — «терминальные точки» глобального техногенеза и социальные науки не должны выпускать их из виду. Тем более, что в нашем отечественном менталитете всегда было понимание происходящих процессов. Так, еще П.А. Флоренский, изучавший проблему человека в условиях научно-технического прогресса, предупреждал, что «техника работает в сфере смерти и по мере ее развития надо очеловечивать и технику и человека». К этому можно добавить слова А. Вознесенского о том, что «все прогрессы реакционны, если рушится человек» [1, с. 275].

В общем можно сказать, что западная наука представила информационную перспективу развития человечества технократическими концепциями. Были разработаны концептуальные рамки западных моделей мира: «Образ мира как историко-социологическая генерализация», «Образ мира как социально-инже-

нерный проект», «Образ мира как техникстский идеал». «Образ мира как глобальная интеграция» [9, с. 35].

Эти четыре модели, выработанные западной социологией, представляют собой, по ее мнению, всеобщую «формулу развития» для всего человечества от локального до глобального уровня.

Концепция информационного общества появилась на Западе в последней четверти XX века в тот момент, когда их методология «технологического детерминизма» переживала кризис, как более перспективная и прогрессивная идея, но генетически преемственна. В работе «Социальные рамки информационного общества» Д. Белл пишет: *«Революция в организации и обработке информации и знания, в которых центральную роль играет компьютер, развивается в контексте того, что я назвал постиндустриальным обществом. Три параметра постиндустриального общества имеют отношение к анализу телекоммуникаций: 1) переход от общества, производящего товары, к обществу услуг; 2) кодификация теоретического знания как центрального источника инноваций и технологий; 3) появление новой «интеллектуальной технологии» в качестве ключевого инструмента системного анализа и теории принятия решения»* [19, с. 64].

В 1982 году вышла книга американского социолога В. Дайзарда «Грядущий информационный век: взгляд на технологию, экономику, политику», в которой автор рассматривал техногенное развитие мира и американскую ставку в нем, экспорт информационного общества из США в развивающиеся страны и др. [20, с. 165].

К общему диалогу подключились Ф. Махлуп с его идеей «информационных концепций как технологического ядра социального прогресса»; Т. де Шарден с его видением «человечества в процессе «самореализации в информационную эпоху». Для О. Тоффлера информационное общество — это инфоносфера, в которой за ненадобностью падут такие символы старого индустриализма, как обучение, чтение, письмо; Р. Тибалд в информационном обществе увидел механизм выживания — коммуникации; Р. Хейлбронер считает, что в условиях информационного общества «капитализм медленно движется в направлении планирования»; И. Шумпетер и В. Зомбарт предсказывали в информационном обществе «трансформацию капитализма» и «падение интенсивной борьбы за прибыль»; по мнению А. Этциони в информационную эпоху капитализм «пересматривает свои ценности». Р. Дарендорф полагает, что «информационный посткапитализм» изменит «отношение к собственности», не будет участвовать в формировании института власти и общественных привилегий индивида»; для Ц. Павесе «фокусом информационного движения будет не материальное производство, а производство информации»; Й. Масуда сообщил, что «духом нового времени будет глобализм»; Г. Робинсон ставит проблему «разрыва между инфобогатыми и инфобедными странами»; М. Лэйвер считает необходимым «провести реконструкцию закона по модели США для остальных государств». Американский социолог В. Дайзард, отмечая силу электронных систем, пишет: «они способны достать кого-угодно и где-угодно». Другой американский специалист по информационным технологиям Дж. Мартин поднимает еще одну проблему существования в условиях информационного общества — проблему выживания человека в подобной окружающей среде. Поскольку информация в будущей информационной цивилизации превратится в основной ресурс выживания («кто владеет информацией, тот побеждает своих конкурентов»), то,

естественно, встает философский вопрос о скорости получения, о скорости реализации информации, следовательно, и о времени. Для Дж. Мартина коммуникации станут глобальной магистралью и превратят человеческую жизнь в «техносферу» с «мультикультурным» миром, с «интернациональным сознанием» без таких «анахронизмов» как патриотизм и т.п. [1, с. 236–238].

В нашей отечественной литературе эта проблематика достаточно хорошо и своевременно изучена. Однако, наши отечественные исследователи придерживаются общепринятых у нас методологических позиций. Так, Н.Н. Моисеев отмечал, что «*информационно-компьютерный уровень развития человечества есть не новая цивилизация, а очередной ее уровень*» [1, с. 226]. В.Н. Александровская отмечает, что «*сама информационная революция вырастает из технологических инноваций, но не сводится к ним*» [1, с. 226].

Концептуально-методологическая позиция исследования. Информационный фактор — это универсальное свойство живой материи и всех форм ее существования. Информация — это не только связующая магистраль живой материи, но у нее еще и репродуктивная функция в системе живого. То есть, у информации — серьезный субстанциальный характер.

Однако, начиная с советских времен, наша современная отечественная социология и социальная философия традиционно ставят в центр любого прогресса проблему человека, личности и их места и роли в изменяющейся окружающей среде. Иначе говоря, в нашей отечественной методологической системе научного анализа исходную позицию занимает антропный подход.

В условиях информационного общества онтогенез человека осуществляется в рамках изменяющихся общественных отношений. Меняется сама структура деятельности человека с его целями, мотивами и смыслами. Меняются формы взаимосвязи между людьми, а это уже означает на языке методологии изменения в привычных для нас схемах «субъект-объект» по законам «невидимого» информационного мира.

Если раньше в нашей методологии образ человека был представлен в виде «всесторонне и гармонично развитой личности», то в наше время информационная эпоха формирует другой образ личности, которая могла бы адекватно вписаться в тотальную информатизацию и компьютеризацию всех сфер человеческого существования. Если в советской социологии человек был представлен как личность, развитая интеллектуально, морально, эстетически в эмоционально-волевом и физическом отношениях, то чтобы жить в информационную эпоху, эти качества необходимы в многократном усилении как исходная социальная база выживания.

Если в социалистическом учении утверждалось, что «сущность человека есть совокупность общественных отношений» и, следовательно, делался вывод о том, что для того, чтобы сделать людей лучшими, достаточно изменить общественное отношение» (П. Лафарг), то в век глобальной информатизации и компьютеризации, которые сильно изменяют общественные отношения, думается, необходимо вносить коррективы в этот вопрос в социально-философских концепциях. Тотальная информатизация и компьютеризация формируют личность человека в новых конкретных формах взаимоотношений в реальном информационном обществе.

Анализ литературы позволяет структурировать проблему социальной философии личности в условиях изменяющегося мира. За неимением возможности в одной статье рассмотреть весь концептуальный комплекс личности, мы оста-

новимся на базовой позиции в данном вопросе: 1) личность — это результат не информационных технологий, а семейного и общественного воспитания; 2) личность — это культурно-историческое (социокультурное) образование всего общества (структура и факторы формирования личности, свойства и способности, стадии и фазы ее социокультурного развития); 3) моральная регуляция поведения и социальная активность личности в условиях информационной детерминанты прогресса (свойства сознания и локусы воспитания); 4) моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры (поведение в информационную эпоху и проблема его социокультурной регуляции, изучение закономерностей формирования морального поведения); 5) проблема зависимостей от информационно-компьютерного изменения окружающей среды существования; 6) проблема «социального предела» и трудных подростков (философия социальной девиации, правовые аспекты отклоняющегося поведения и их социокультурный онто-гносеологический анализ); 7) взаимодействие личности и информационного общества в системе социального контроля (нормативы, механизмы, модели); 8) социальные ориентации современной личности (специфические установки, закономерности); 9) социальные проблемы молодежи и др. Остальные социально-философские концепции личности в условиях развивающейся информационной эпохи достойны отдельного представления в других публикациях.

В этих условиях в методологической системе анализа на первый план выступает концепция «деятельностного подхода», не теряющая не только своего значения, но и актуализирующая проблему личности, способной быть активной в условиях технико-технологически детерминированных общественных отношений.

Деятельностный подход, как правило, используется в исследованиях личности, коллективов, общественных отношений, связей с окружающей средой. То есть, формировалась структурно-историческая схема «субъект — объект» и «субъект — субъект». В информационную эпоху окружающий мир представляет собой техногенную цивилизацию, общественные и личные взаимоотношения компьютеризированы. Личность формируется в сплошном информационно-компьютерном окружении, и ее деятельность встроена и реализуется в этом техносостоянии.

Развиваясь в конкретной информационной деятельности, личность овладевает складывающимися общественными отношениями, воспринимает информационно-компьютерные условия своего существования, пропуская через свое осознание и как бы присваивая тот техногенез, который развивает и движет общество вперед. Надо помнить о том, что сама структура информационно-компьютерной деятельности (цели, мотивы, смыслы) отражает эти системы общественных отношений.

Деятельность рассматривается через отношение «субъект — объект», где субъект — это индивид информационного общества, а объект — само информационное общество с компьютеризацией всех сфер жизни. Это один аспект проблемы.

Другой, более важный аспект информационной цивилизации, это связи между людьми, отношения «субъект — объект» именно общественные отношения. Эти отношения и определяют структуру личности. Это кардинальное теоретическое положение обуславливается тем, что общение между людьми — это на языке методологии — трансформация внешнего окружающего

мира (информационного общества) во внутреннюю, внутриспихическую сферу личности. В информационном обществе компьютерные формы и средства общения, посредством которых передаются знания, содержание общественных отношений, компьютерные способы деятельности, становятся практической информационной деятельностью человека информационной эпохи. Формируется человек новой информационной цивилизации, так как сама компьютеризация форм и средств общения выполняет воспитательную функцию в самом широком смысле.

Еще одной методологической проблемой, которую ставит информационно-компьютерная цивилизация, является привычная для нашего отечественного образа жизни проблема социальной активности и коллективизма — этих глубоко человеческих качеств. Уже на данном этапе развития информационного общества информационно-компьютерные технологии заменяют живое общение между людьми. В привычном для нас образе жизни социальная активность и коллективизм выступали принципами организации нашей жизни и деятельности, были базовыми чертами и характеристиками нашего общества и его граждан. Это формировало сознание людей, создавало базу для сознательного управления государством.

Проблема формирования сознания граждан — это магистральное методологическое направление современной социальной науки. Думается, что все остальные являются производными от решения именно этого вопроса. В нашей отечественной методологии социальная активность — это общественное качество человека. В методологии исследования информационного общества встает вопрос об информационной насыщенности понятий «качество», «человек», «общественная система». Вопросы методологического порядка встанут и в связи с проблемой «информационного взаимодействия с информационной окружающей средой», на основе которой должна формироваться активная деятельность по преобразованию информационной действительности и граждан этого общества.

Методологический подход также ставит вопрос и о ценностях информационной цивилизации, о волевых качествах человека, о формах творчества в различных видах деятельности информационного характера.

Тотальная информатизация и компьютеризация всех сфер жизни ставит ряд вопросов концептуального и методологического порядка, например: как будут изменяться труд, коллектив, личность? Как известно, наши социально-гуманитарные науки исходили из известного положения о том, что «труд создал человека». Но имеется и некоторое уточнение. Ряд авторов указывали на тот факт, что *«как в процессе антропогенеза, так и в онтогенезе далеко не всякий труд формирует человека. При этом человека как личность формирует не сам по себе труд, а общение людей в коллективном труде»* [4, с. 274]. Однако уже на данном этапе формирующегося информационного общества компьютеризация производства заменяет рабочих роботами. Постепенно происходит процесс ликвидации коллективов в привычном для нас виде. То есть, коллективный труд, где традиционно формировалась личность, заменяется роботами. Совместное личностное общение заменяется информационными системами. Социальные структуры информационного общества приобретают новый облик. Все это свидетельствует о трансформации нашего традиционного общества в новую информационную эпоху, изменяя проблему взаимодействия личности и коллектива в процессе деятельности.

Эти процессы вплотную подходят к вопросу о способе интеграции (кооперации) индивидуальной деятельности людей в условиях информатизации и компьютеризации, и рабочего места людей, и потери коллектива. В традиционном индустриальном обществе люди объединялись на основе общих ценностей, совместных целей, коллективного распределения индустриальных операций и способов, объединения индивидуальных усилий. В своем коллективе человек учился адаптироваться к нему через приспособление, участвуя в структурном распределении функций между членами коллектива (группы, объединения), имел свое место в системе коллективных коммуникаций, в организации коллективной деятельности, чувствовал себя членом человеческого общества.

В грядущем информационном обществе место людей займет техника. Встанут вопросы того, как будут выглядеть человеческие объединения. Сохранится ли коллективная целостность — колыбель человеческой личности, как будет меняться психическое состояние в процессе приспособления человека к окружающей информационно-компьютерной среде. Если исчезнут традиционные формы коллективов и общение будет только дистанционным, как будут формироваться индивидуальные и общественные интересы людей, как будет происходить чисто человеческая кооперация?

Концепция целостности была огромным достижением в нашей отечественной методологии науки и распространилась на все виды знания — теоретического и практического. Информатизация и компьютеризация «размывают» коллектив, как целое. Ф.Ф. Серебряков в своей статье «Человек в ситуации современного глобализма» по этому поводу пишет: *«Существенно ничего здесь не меняется от того, что «машины» периода информационного общества иные. Суть прежняя: человек лишается "былой полноты своего естества", становится функцией вещи, элементом в функциональном взаимодействии вещей, от которого требуется развить до гипертрофированных размеров одну из своих сторон (высококвалифицированный, узкоспециализированный работник), своих потребностей (за счет других), более всего отвечающей функции и логике функционализма»*. И далее: *«... "машины" информационной эпохи лишь усугубляют положение вещей: человек вступает с ней в псевдодовверительные, псевдоличностные отношения — происходит самая настоящая абберация реальности; машина становится его Вергилием, он видит «его глазами», слушает "его ушами", оценивает его оценками»* [4, с. 31].

Р. Гарифуллин, исследуя положение человека в ситуации глобальной информатизации, пишет: *«К ряду общефилософских определений человека следует добавить его глобальность (homo globalis) как таковую. Претензии человека охватить собой всю Землю в полной мере реализуются сейчас. «Массовый» человек, в том числе, перерастает в "глобального" — некоего интерсубъективного и интерактивного индивидуалиста без лица, некоего зацикленного, бессмысленного и перманентного глобально-дигитального обывателя... Человек глобальный выступает в своей нулевой степени — он слишком глобален, чтобы искать себя, чтобы нуждаться в себе как в другом, чтобы нуждаться в другом как в своем зеркале. Зеркалу, сохраняющему видимые расстояния, противостоит экран, интерфейс, стирающий дистанции в плоскость»* [14, с. 57].

Современные авторы в глобальном информационном пространстве видят проблемы трансформации современной культуры и философии (В.В. Миронов);

культурной идентификации, автономности, способности дистанцироваться от социальности и культуры, в которой человек вырос; проблемы самоидентификации с определенным народом, группой, со своими «корнями», взаимосвязью поколений, сохраняя наследия прошлого (С.Г. Швецова) [14, с. 131].

Выводы. Изучение специальной литературы по данной проблеме позволяет нам сделать ряд выводов. Во-первых, обращает на себя внимание историографическое множество и разнообразие научной литературы по самым разным видам знания в области перехода человечества в информационную эпоху. Во-вторых, с глубокими изменениями экзистенциального порядка на передний план выступают проблемы человека и личности в происходящих глобальных процессах. В-третьих, широта и глубина изменений, переживаемых современной человеческой цивилизацией, требует новых методологических разработок и подходов к изучению данного явления на его глобальном и локальном уровнях.

Литература

1. *Александровская В.Н.* Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования: монография / В.Н. Александровская. — Сумы: Университетская книга. — 2015. — 338 с.
2. *Александровская В.Н.* Информационная парадигма прогресса. — Донецк: НордПресс. — 2009. — 186 с.
3. *Аль-Ани Н.М.* Философия техники: учебное пособие. — СПб., 2004. — 183 с.
4. *Бурман Э.* Деструктивная психология развития / пер. с англ. под науч. ред. С.Ф. Сироткина. — Ижевск: ИД «Удмуртский университет», ИД «ERGO». — 2006. — 284 с.
5. *Гвоздарев В.* Техника новых технологий. — М.: Знание. — 1989. — 62 с.
6. *Мионов В.Б.* Техника и человек: историко-культурный аспект. — М.: Мол. гвардия. — 1988. — 238 с.
7. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. — М.: Мол. гвардия. — 1990. — 352 с.
8. *Мей К.* Информационное общество: скептический взгляд / пер. с англ. — К. «К.И.С». — 2004. — 220 с.
9. *Нечитайло В.Н.* Социология (учебное пособие для студентов вузов). Донецк: Трабуллс. — 1998. — 106 с.
10. *Поппель Г., Голдстейн Б.* Информационная технология — миллионные прибыли / пер. с англ. — М.: Экономика. — 1990. — 238 с.
11. *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. — М.: Политиздат. — 1991. — 287 с.
12. *Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса: учебное пособие / Т.Ю. Сидорина. — М.: Флинта: Наука. — 2003. — 456 с.
13. *Социальная психология личности / под ред. М.И. Бобиева, Е.В. Егорова.* — М.: Наука. — 1979. — 344 с.
14. *Человек перед лицом глобального вызова: сборник статей / отв. ред. Г.В. Мелихов.* — Казань, 2006. — 178 с.
15. *Черкасов В.В.* Проблемы риска в управленческой деятельности. — М.: Рефл-бук — К.: Ваклер. — 1999. — 288 с.
16. *Шконда В.В., Кальянов А.В.* Глобализация: оценки, последствия, регулирование. — Донецк: Донбасс, 2014. — 166 с.

17. Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. — М.: Эдиториал УРСС. — 1999. — 208 с.

18. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / пер. с норв. — М.: Весь мир. — 2003. — 208 с.

19. Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. — L. — 1976. — 460 p.

20. Dizard W.P. The coming information age. An Overview of Technology. Economics and Politics. — Liongman. — 1982. — 560 p.

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН
В РОССИИ

LABOR MARKET DEVELOPMENT
OF SELF-EMPLOYED CITIZENS
IN RUSSIA

ПРОТАСОВА Евгения Анатольевна — аспирант 2 курса факультета экономики, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва (e-mail: eaprotasova@gmail.com).

PROTASOVA Evgenia Anatolyevna — the 2nd year Postgraduate Student at the Economic Faculty, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow (e-mail: eaprotasova@gmail.com).

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции развития рынка труда самозанятых граждан в России. Выделены основные причины формирования самозанятости и факторы, влияющие на ее развитие. Предложены направления повышения эффективности государственного регулирования рынка труда самозанятых граждан в России. Проанализирован текущий этап развития рынка самозанятости в России.

Ключевые слова: самозанятые, фриланс, самозанятые граждане, рынок труда.

Abstract. The article discusses the development trends of the labor market of self-employed citizens in Russia. The main reasons for the formation of self-employment and factors affecting its development are highlighted. The directions of increasing the efficiency of state regulation of the labor market of self-employed citizens in Russia are proposed.

Key words: self-employed; freelance self-employed persons; labor market.

Современной тенденцией развития трудовых отношений в России и за рубежом является формирование рынка труда самозанятых граждан, что вызвано рядом причин. Основные из них — поиск населением возможностей повысить свой уровень жизни, желание людей наилучшим образом самореализоваться и вести независимую ни от кого деятельность, стремление к выбору наилучших форм работы. Важной причиной выступает и внедрение новых технологий, что вызывает необходимость быстрой смены профессий.

Для организаций интерес в самозанятости проявляется через задачу достижения более низких расходов на использование профессиональных услуг отдельных специалистов и отсутствия условий для найма таких специалистов в штат из-за ограниченности временной потребности в них, а также желании экономить на платежах страховых взносов, которые являются очень обременительными для бизнеса.

На развитие рынка труда самозанятых граждан также влияют факторы, характеризующие развитие современной экономики (глобализация и интеграция), не маловажным фактором является и цифровизация экономики. Благодаря формированию современных информационных платформ, Интернет-площадок профессиональных услуг, технологий удаленного сервиса и т.д., самозанятость

превращается в распространенную форму трудовой деятельности, демонстрирующую с каждым годом свой рост [8].

Согласно статье 83 Налогового кодекса РФ, самозанятые — это граждане, которые оказывают услуги физическим и юридическим лицам. Они не привлекают наемных работников, самостоятельно организуют свою деятельность и несут полную ответственность за ее результаты. Самозанятые не могут быть зарегистрированы как индивидуальные предприниматели, но при этом обязаны уведомлять налоговые органы о своей деятельности [3].

Проанализируем основные формы деятельности самозанятого населения России (рис. 1) на основании данных всероссийской переписи фрилансеров:

- наиболее популярная форма занятости фрилансеров в России (44%) — это совмещение индивидуальной деятельности с основной работой, что характеризует низкий уровень удовлетворенности своим рабочим местом. Это означает, что многие россияне за счет самостоятельного труда стараются использовать дополнительные возможности повысить уровень своих личных доходов;
- 18% самозанятых — это студенты, которые совмещают трудовую деятельность с учебой. Ситуация подтверждает отсутствие на рынке достойных рабочих мест для начинающих специалистов или желание молодежи следовать современным тенденциям, ведь при помощи цифровизации появляются новые профессии (в основном, связанные с программированием, цифровым маркетингом и т.д.), не требующие от выпускников и студентов российских учебных заведений работать на оффлайн-месте;
- чистая форма самозанятости лишь у 22% опрошенных в результате переписи респондентов;
- 9% самозанятых зарегистрированы в органах Федеральной налоговой службы в качестве индивидуальных предпринимателей. Именно такие граждане являются одними из наиболее лояльными налогоплательщиками, ведь еще до принятия законодательства о регулировании самозанятости в

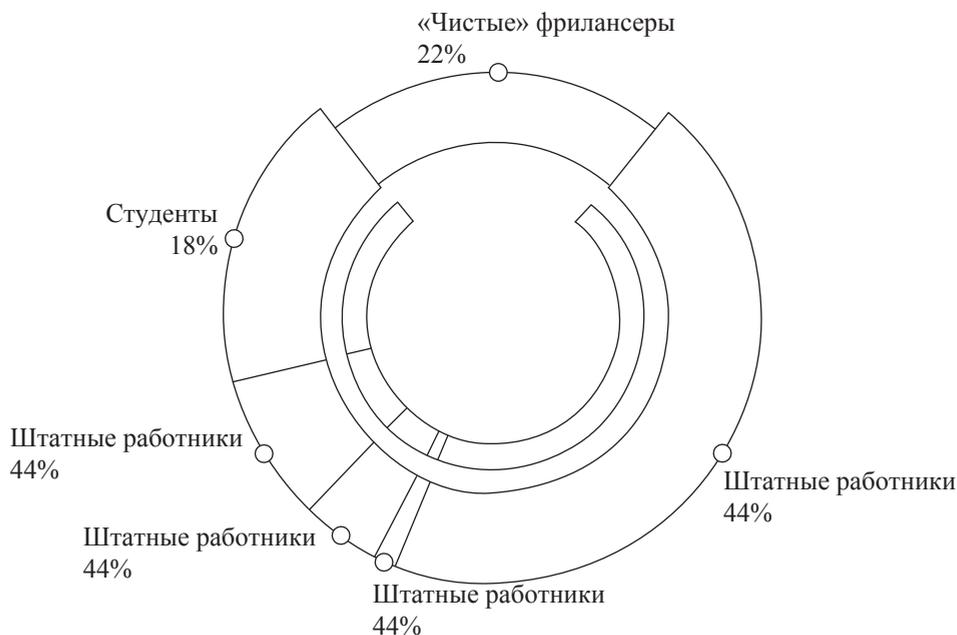

Рис. 1. Виды деятельности самозанятого населения в России [4]

России, они уплачивали налоги, работая по патенту или упрощенной системе налогообложения.

Сегодня самозанятость широко распространена в России. Причем как в традиционных видах деятельности (сельском хозяйстве, транспортных перевозках, строительстве, оказании бытовых и консалтинговых услуг, сдаче имущества в аренду, репетиторстве, уходе за детьми и пожилыми людьми), так и в новых, которые появились на рынке труда совсем недавно (разработка и продвижение сайтов, реклама, маркетинг, программирование и пр.).

Если проанализировать ключевые преимущества самозанятости для самих людей, то на первом месте стоит гибкий график (81% респондентов выделили эту позицию) и возможность самостоятельно формировать свой режим труда [1].

67% респондентов считают, что положительной стороной выступает возможность работать дома и совмещать самостоятельную занятость с официальной работой на предприятиях.

Несмотря на явные преимущества, в России самозанятыми официально зарегистрировано чуть более 200 тыс. человек, хотя в неформальном секторе по данным Росстата работает более 14 млн человек.

С целью легализации бизнеса, вывода граждан их теневых экономических процессов и привлечения их к уплате налогов, в 2017 году были приняты изменения в Гражданский Кодекс РФ, допускающие ведение предпринимательской деятельности без регистрации индивидуального предпринимателя, а с 2019 года вступил в действие Федеральный закон №422-ФЗ, на основании которого в Москве, Московской, Калужской областях и Республике Татарстан введен особый налоговый режим, предусматривающий уплату самозанятыми гражданами налог на профессиональный доход.

Официальный статус самозанятого предусматривает возможность:

- 1) вести легальную трудовую деятельность;
- 2) совмещать занятость с работой по трудовому договору;
- 3) получать трудовой стаж;
- 4) использовать упрощенную форму регистрации на сайте ФНС России или портале Госуслуг;
- 5) вести учет полученных доходов и оформлять отчетность через мобильное приложение «Мой налог»;
- 6) уплачивать единый налог по льготным ставкам: 4% с доходов, полученных от реализации продукции физическим лицам, 6% с доходов, полученных от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- 7) получать единовременный налоговый вычет в размере 10 000 рублей и использовать его на цели становления или развития собственного бизнеса.

Установление в законе преимуществ безусловно очень значимы, но их недостаточно для расширения легального рынка труда самозанятых граждан, что в существенной мере зависит от участия государства в тех процессах, которые на этом рынке протекают.

Повышение эффективности государственного регулирования деятельности самозанятых с нашей точки зрения должно предусматривать введение в законодательные акты положений, определяющих правовой статус этих граждан. В нем должны быть предусмотрены критерии отнесения физических лиц к данной категории, их отличия от индивидуальных предпринимателей, основные права и обязанности.

Легализация деятельности фрилансеров также возможна в случае принятия на федеральном и территориальных уровнях программ развития и поддержки самозанятости. Они должны предусматривать помощь государства и муниципальных образований в предоставлении субсидий на открытие бизнеса, льготной системе кредитования и арендных платежей, ведении просветительских мероприятий и обучающих программ, повышении финансовой и предпринимательской грамотности людей, создании ярмарок услуг (в том числе через Интернет-площадки), максимально упрощающих поиск потенциальными заказчиками нужных им специалистов.

Мы считаем актуальным и активное привлечение самозанятых граждан к системе государственных и муниципальных закупок, нормирование объема заказов у этой категории предпринимателей со стороны государственных корпораций и крупных компаний.

Развитие рынка труда самозанятых граждан в России – это современная тенденция, которая в силу объективных факторов будет только усиливаться. Поэтому важно, чтобы государство системно и комплексно подошло к регулированию этого процесса, что приведет к снижению масштабов теневой экономики, росту доходов бюджетной системы, повышению уровня и качества жизни населения страны.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан Татарстан)» // СПС КонсультантПлюс.
2. *Вязникова В.В., Стребкова Д.О.* Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения, массовые опросы, эксперименты, монографические исследования // Социологический журнал. — 2009. — № 4. — С. 41–64.
3. *Пустовалова Е.* Две трети заказчиков обманывают внештатных сотрудников. — Текст: электронный // Ведомости. — 2010. — 11 февраля. — URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2010/02/12/dve-treti-zakazchikov-obmanuyayut-vneshtatnyh-sotrudnikov> (дата обращения: 05.08.2019).
4. *Копалкина Е., Могилевская А., Кузнецова Е.* Самозанятых обложат авансом. — Текст: электронный // РБК [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/05/12/59149f579a794720de95be58> (дата обращения: 07.08.2019).
5. Инфографика: самозанятые на рынке услуг. — Текст: электронный // Деловое обозрение [сайт]. — URL: <http://uldelo.ru/2018/05/28/infografika-b-br-samozanyatyue-na-rynke-uslug-b> (дата обращения: 14.09.19).
6. Самозанятые 2018: налоговые риски и ответственность. — Текст: электронный // БУХ.1С. Интернет-ресурс для бухгалтеров. — URL: <https://buh.ru/articles/documents/69724/> (дата обращения: 10.08.2019).
7. *Крицкая М.* На что могут рассчитывать самозанятые: новые возможности в 2020 году. — Текст: электронный // Контур [сайт]. — URL: <https://kontur.ru/articles/4818> (дата обращения: 05.08.2019).
8. Результаты всероссийской переписи фрилансеров. — Текст: электронный // Хабр [сайт]. — URL: <https://habrahabr.ru/post/84019/> (дата обращения: 05.08.2019).

9. Чаплашкин Н.В. Методика социологического исследования современного состояния свободной занятости в России // Общество. Среда. Развитие. — 2012. — №2 (23)12. — С. 78–83.

10. Чаплашкин Н.В. Фрилансер на отечественном рынке труда: реальность, ожидания, перспективы // Человек и труд. — 2013. — №4. — С. 18–21.

К 75-летию Великой победы

Л.Л. Федоров

БЕЗОГОВОРочНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ГОСУДАРСТВ-АГРЕССОРОВ КАК УСЛОВИЕ И ОСНОВА ПРОРЫВА И СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

UNCONDITIONAL SURRENDER OF THE AGGRESSOR STATES AS A CONDITION AND BASIS FOR THE BREAKTHROUGH AND FORMATION OF MODERN INTERNATIONAL LAW

ФЕДОРОВ Леонид Леонидович — кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МГГЭУ (e-mail: info@mggeu.ru)

FEDOROV Leonid Leonidovich — Candidate of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines MGGEU (e-mail: info@mggeu.ru)

Советский союз, США, Великобритания — страны-победители во второй мировой войне не только довели до логического завершения свое намерение о международном суде над главными военными преступниками. Подготовив и согласовав уставы Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, они провели эти беспрецедентные в истории судебные процессы. Кроме этого, союзники, сознавая свою ответственность за будущее мира и предотвращение новой мировой войны на конференции в Сан-Франциско 26.06.1945 г. создали ООН и подписали ее устав, вступивший в силу 24.10.1945 г.

Таким образом, только великая победа миролюбивых демократических государств и безоговорочная, безусловная капитуляция государств-агрессоров — фашистской Германии и империалистической Японии — стали основой и необходимым условием послевоенного мирового порядка. Создание и расширение деятельности ООН реального осуждения и наказания главных военных преступников. Резкого и необратимого прорыва в становление и развитии послевоенного и современного международного права. И особенно, в его послевоенном антивоенном, демократическом гуманном значении. Обеспечение современного мира и правопорядка. Однако в ходе завершения второй мировой войны союзники и руководство фашистской Германии не раз пытались вступить в сепаратные переговоры. Об этом свидетельствуют опубликованные в последние годы секретные документы. В частности, недавно в Англии опубликовано личное письмо И.В. Сталина, адресованное У. Черчиллю и датированное сентябрем 1941 г. с настоятельной просьбой о срочном открытии союзниками второго фронта в Европе. В конце 1943 года А. Колонтай озвучила в Стокгольме инициативу (принадлежавшую, по-видимому, не ей) о возможном заключении Советским Союзом «почетного мира» с Германией. В самой разгар боёв за Берлин после водружения знамени Победы над Рейхстагом, сменивший Гитлера

адмирал 1 мая 1945 г. был послан к нашему командованию. Начальника штаба немецких сухопутных войск генерала от инфантерии Г. Креббса. Переговоры с ним вёл командующий 8-ой советской гвардейской армии генерал-полковник Чуйков В.И. целью этих переговоров Креббса было во чтобы ни стало избежать безоговорочной капитуляции Берлинского гарнизона. А по сути, такой же капитуляции всей Германии добиться временного прекращения боевых действий заключения перемирия. А затем, вести переговоры о мире, обычном мирном договоре. Уже якобы с новым не гитлеровским правительством. Чуйков В.И. последнем доложил о визите Креббса командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Жукову Г.Н. тот же доложил об этом визите, предложениях Креббса лично Сталину И.В. И Сталин дал им прямое указание: никаких переговоров о перемирии не вести. Условие точно одно — безоговорочная капитуляция берлинского гарнизона и Германии. После отказа немцев от такой капитуляции советские войска продолжили и усилили штурм немецких позиций в Берлине. 2-го мая в 00:40 фашисты по радио обратились с просьбой прекратить огонь. И сообщили о высылке парламентария.

Вслед за парламентарями прибыл к нам и командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг. От имени фашистского командования он заявил о согласии на безоговорочную капитуляцию Берлина, его гарнизона. К 13 часам 2 мая сопротивление берлинского гарнизона повсеместно прекратилось. К концу дня наши войска заняли весь город.

Что же касается безоговорочной, безусловной капитуляции всей Германии, то она произошла дважды: по Реймскому протоколу, с которым не согласился Сталин. И повторно в Берлине, в ночь с 8 на 9 мая 1945 года, которую провели маршал Жуков и представители союзного командования. Но буквально за несколько часов до капитуляции фашистов, перед союзниками в Реймсе, через четверо суток после безоговорочной капитуляции Берлинского гарнизона с согласия командующего нашим первым Украинским фронтом маршала Конева И.С., его подчиненный командующий 6-ой советской армии генерал-лейтенант Глuzдовский В.А. дважды 5 и 6 мая 1945 года предложил условия «почётной капитуляции» коменданту гарнизона крепости Бреслау. И 6 мая комендант этого гарнизона генерал от инфантерии Нихофф эти почетные условия принял. И «почётная капитуляция» Бреслау состоялась. С февраля 1945 года наши войска не могли овладеть этим городом, которые немцы называли «немецким Сталинградом».

Наша военная история по сей день упорно умалчивает об этой «почётной капитуляции» гарнизона Бреслау. 6 мая 1945 буквально за сутки до безоговорочной капитуляции Германии, хотя у нас вышли уже две книги на русском языке о боях за Бреслау «почётной капитуляции» его гарнизона и наших 6 мая 1945 года. Подробности об этих боях даны в интернете.

Вполне возможно в связи с этим просто капитуляция Германии, заключение с ней обычного мирного договора привело бы неизбежно к новой мировой войне, буквально 20–25 лет после нашей Победы. Вот почему как я считаю скрывать нам к 75-ию Победы эту «почётную капитуляцию» гарнизона Бреслау по сей день просто глупо и непродуктивно.

Сегодня, в канун 75-и победы некоторые даже российские авторы критикуют и подвергаются сомнению приговор Нюрнбергского международного военного трибунала.

В частности, журналисты и автор нашей «Литературной газеты» А. Славин опубликовал 29.09.2016 года статью об этом в «Литературной газете», в 2019

она же была опубликована в майском номере антивоенного журнала на русском языке «Русская мысль». Под названием «Скелеты из Нюрнбергских шкафов». Большинство отзывов на нее наших граждан было естественно крайне отрицательным. Ведь эти международные приговоры заложили основы международно-правовой ответственности главных военных преступников. Лиц совершающих особо опасные международные преступления против мира и безопасности человечества.

В результате беспрецедентной, безоговорочной, безусловной, а не обычной капитуляции, бывшая фашистская Германия и империалистическая Япония под властью и контролем союзников прошли большой путь демократических, социально-экономических, военно-политических преобразований. Процессы денафикации, демитализации. Сегодня это современные, высокоразвитые, демократичные, многопартийные государства. Претендующие на роль постоянных членов Совета безопасности ООН при её планируемой реорганизации. Их вооруженные силы значительно сокращены, имеют лишь оборонительные цели, ст. 9 послевоенной конституции, Япония обязывает ее государство навсегда отказаться от войны. Международное сообщество давно и настоятельно требует, чтобы подобная норма была в конституции всех современных государств. И прежде всего, членов ООН.

Современная Германия с первых дней является активным членом НАТО (Северо-Атлантического договора), имевшего и имеющего антисоветскую, а сегодня антироссийскую направленность. Продвигающего свои вооруженные силы и базы все ближе к российским границам. Так что для современной Европы, той же Германии, ее союзников по НАТО уроки «безоговорочной капитуляции» 1945 года, очевидно, не пошли впрок. И, к сожалению, многими вообще забылись.

Список литературы

1. *Бережнов В.М.* Путь к Потсдаму. — М.: Международные отношения. 1979.
2. *Васильченко А.* Последняя крепость Рейха. — М.: Яуза-Пресс, 2002.
3. *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. — М.: Центрполиграф, 2014.
4. *Мощанский И.Б.* Бои за Бреслау. — М.: Вече, 2010.
5. *Федоров Л.Л.* Записки пулемётчика и юриста. — Ч. XV. — М., 2018.
6. *Чуйков В.И.* Конец третьего Рейха. — М.: Советская Россия, 1973.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 – философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

3(39) 2019

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антонов

Подписано в печать 30.12.19. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 7,5. Тираж 500 экз. Заказ № 44.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии СtP.